

HISTORIA ROSSICA

РАССЕЛ Э. МАРТИН

НЕВЕСТА ДЛЯ ЦАРЯ

СМОТРЫ НЕВЕСТ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ МОСКОВИИ
XVI-XVII ВЕКОВ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Расселл Э. Мартин

**Невеста для царя. Смотры
невест в контексте
политической культуры
Московии XVI–XVII веков**

«НЛО»

2012

Мартин Р.

Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков / Р. Мартин — «НЛО», 2012 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482103-9

Русские правители на протяжении XVI–XVII веков выбирали жен с помощью сложного ритуала, известного как смотр невест. Самые красивые девицы Московии, принадлежавшие к слою провинциального дворянства, доставлялись в Москву, где доверенные лица царя – придворные и бояре – оценивали их физическое здоровье, духовные качества, внешность и добродетели. Претендентки, прошедшие предварительный отбор, затем представляли перед царем, который и делал окончательный выбор. Как бояре подбирали «правильных» кандидаток в невесты и устраняли неудобных? Сколько на самом деле было жен у Ивана Грозного? Как смотр невест конструировал образ самодержавия и при этом служил механизмом, его ограничивающим? Отвечая на эти вопросы, книга американского историка Расселла Мартина повествует не только о боярских заговорах, но и о сложной коллективной природе монархической власти. Расселл Мартин – профессор и декан исторического факультета Вестминстерского колледжа (США).

ISBN 978-5-44-482103-9

© Мартин Р., 2012

© НЛО, 2012

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	5
БЛАГОДАРНОСТИ	7
ПРИМЕЧАНИЕ: ИМЕНА, ДАТЫ, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ	9
ВВЕДЕНИЕ	10
Историография	16
Источники	20
Глава 1	24
Русские и византийские смотры невест	26
Елена Ивановна и Александр Литовский	34
Династический кризис 1497–1502 годов	39
Первый смотр невест – Василий III и Соломония Сабурова	44
Глава 2	55
Механизм смотров невест	57
Подбор невест	58
Сужая список	66
Отбор	68
Приоритет родства	72
Список потенциальных невест	76
Меняя идентичность невесты	82
Глава 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Расселл Э. Мартин

Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI—XVII веков

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Как-то раз одному из величайших американских историков современности, Бернарду Бейлину (1922–2020), задали вопрос: «Зачем изучать историю?» И он ответил: «Изучать историю нужно потому, что это расширяет опыт человека, это способ выйти за пределы своей жизни и культуры и увидеть больше того, что составляет наш опыт». Конечно, прежде всего и больше всего Бейлин думал о возможностях и проблемах современного исторического исследования своей страны. Бейлин был американцем, и предмет его исследования составляла история ранней американской нации – его нации. Например, его книга об истоках Американской революции стала классической. Ее до сих пор с упоением и пользой читают профессора, студенты и самый широкий круг читателей. Но глубокомысленный ответ Бейлина на вопрос «Зачем изучать историю?» лучше всего подходит тем, кто дерзает изучать прошлое не своей страны, а чужой. Этот путь вдвойне сложен из-за двух препятствий: первый барьер отделяет настоящее от прошедшего (что само по себе труднопреодолимо и о чем говорил Бейлин), а второй барьер отделяет чужестранца от культуры и опыта той страны, которую он изучает. Попытаться преодолеть эти препятствия и получить доступ к истории и культуре другой страны – волнующее испытание, и, что должен осознавать историк, на этом пути много рисков и ограничений. Как удачно сформулировал английский писатель Л. П. Хартли, «прошлое – чужая страна: они все делали тогда иначе».

Таким образом, братья за это двойное испытание по изучению прошлого другой страны нужно с уважением и дотошностью. Необходимо с головой погрузиться в эту культуру, язык и цивилизацию. Но вместе с тем необходимо позволить себе «быть чужестранцем» – мы должны применять те методы и способы мышления, в которых натренировались в родных университетах. «Быть чужестранцем» – это ключ к перспективам, которые не открылись бы нам, если бы мы были рождены в этой стране. Очевидно, что и иностранец, и отечественный ученый могут внести существенный и оригинальный вклад в изучение русской истории и культуры. И диалог, возникающий между этими учеными, становится важнейшим средством постижения истории в целом.

Серия переводов издательства «Новое литературное обозрение» (НЛО) стала проверенным и авторитетным форумом для такого диалога. Я очень рад, что моя книга «Невеста для царя» добавлена в список переводов западных исследователей России. Мне будет любопытно узнать, как мои российские коллеги и любители истории откликнутся на идеи, высказанные на страницах книги. Читатели увидят знакомые нарративы, потому что в некотором роде эта книга подтверждает многие исторические факты, ставшие аксиомами, – такие, как, например, культурные и религиозные связи между Византией и Московией в раннее Новое время. Другие положения покажутся новыми и, соответственно, «чужими». Мои заключения о природе и масштабе монархической власти в Московии, например, во многом сформированы во время учебы в Гарварде у профессора Эдварда Кинана. При этом мой взгляд на историю, которым я проникся у Кинана, в свою очередь, заимствован им у великого русского историка Степана Борисовича Веселовского, чьими работами (а также мужеством и независимым мышлением)

я, как и многие другие, до сих пор вдохновляюсь. Можно пойти дальше в глубь веков и отдать должное работе Ивана Егоровича Забелина, открывшего дверь изучению частной жизни российских правителей. Для меня история смотров невест, впервые тщательно изученная в этой книге, указывает на иной вид монархии, нежели мы привыкли видеть, – на форму монархии более коллективную, ограниченную и основанную на родстве (а не на классовости), т. е. отчасти сходную с некоторыми христианскими европейскими монархиями раннего Нового времени. Другими словами, в книге оспаривается традиционный взгляд на монархическую власть (по крайней мере, в раннее Новое время), согласно которому великий князь, а позднее царь, обладал неограниченной властью. Для кого-то это заявление может стать интригующим или даже шокирующим, но так говорят источники, и существует целая историографическая традиция, которой следуют и русские (Веселовский), и американские (Кинан) ученые. Разумеется, я не первый историк, объединяющий тех и других, что станет ясно моим читателям с начальных страниц книги. Но в исследовании смотров невест эти направления объединены впервые.

Перевод «Невесты для царя» является во многом не только переводом, но и отредактированной версией книги. Мне предоставили возможность исправить некоторые ошибки американского издания, а перевод устранил и опечатки, допущенные в английском тексте. Тем не менее эта книга – точный перевод оригинала. Я благодарю Ирину Прохорову, главного редактора НЛО, за предоставленную мне возможность издать свою книгу в русском переводе, Ирину Жданову, вдохновившую меня написание этого предисловия, и всех сотрудников издательства, работавших над книгой. Особенно благодарен я Алине Шокаревой, чей перевод элегантен и точен. И наконец, я признателен Сергею Шокареву, моему коллеге и другу, который тщательно прочел текст книги и помог выявить ошибки и несоответствия. Его помощь является примером сотрудничества и диалога между русскими и иностранными учеными, о чем я писал выше. Я очень надеюсь, что русский читатель увидит в книге мои «уважение и дотошность» в описании истории, отметит мое почтение и к русской, и к иностранной историографическим традициям, а также оценит, говоря словами Бейлина, «выход за пределы своей жизни и культуры» как прекрасный способ применить искусство историка.

*Расселл Э. Мартин,
Нью-Уилмингтон, штат Пенсильвания, США,
18 декабря 2020 года*

БЛАГОДАРНОСТИ

Наиболее легкая, счастливая и благодарная часть этого проекта – выразить признательность людям и организациям, которые помогли мне в проведении исследования и в написании книги. Я получил гранты от Совета по исследованиям в области общественных наук (Social Science Research Council), Совета по международным исследованиям и обмену (International Research and Exchanges Board) и от Вестминстерского колледжа (включая дарственные фонды семей Хендерсон, Маккэндлесс и Вагто), которые обеспечили мои долгие и бесчисленные посещения российских архивов. Я очень благодарен этим учреждениям и моему руководству за финансовую поддержку.

Мой интерес к царским свадьбам в Московии начался в архивах, когда я впервые открыл папку в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве, содержащую набор случайных фраз и кусков текста из свадебного чина, составленного для первого бракосочетания царя Михаила Романова в 1624 году (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 14). С первого же взгляда я оценил богатство нереализованного потенциала этого источника, а потому незамедлительно приступил к сбору подлинных ранних копий документов царского бракосочетания, до которых только мог добраться. Благодаря профессиональной и самоотверженной помощи сотрудников РГАДА (главное хранилище таких материалов) мне удалось найти и разобрать, как я полагаю, полный корпус существующих оригинальных текстов по царским бракосочетаниям. Я нахожусь под большим впечатлением от этого архива: скрипучие половицы, борозды на каменных ступенях, деревянные шкафы с застекленными дверцами, полные потрепанных описей, напечатанных или написанных от руки, и вездесущие коты... Я нахожу это место наиболее подходящим для работы и, что не менее важно, для завязывания дружеских контактов с русскими коллегами. Особенно благодарен я Юрию Моисеевичу Эскину, Идее Андреевне Балакаевой и Светлане Романовне Долговой. Также я признателен за помощь, оказанную мне бывшим директором РГАДА – Михаилом Петровичем Лукичевым, который так рано ушел из жизни и по которому я очень скучаю.

Много месяцев я провел, заказывая и обрабатывая материалы в других архивохранилищах, таких как: отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Государственный исторический музей (Москва), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург), отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург), Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) и Ярославская областная библиотека (Ярославль). Я благодарен специалистам всех этих учреждений, с радостью, эффективно и щедро помогавшим мне.

Многие другие – коллеги, друзья и члены семьи – также сыграли немалую роль в завершении проекта, и я спешу пополнить их именами эту *tabula gratiarum*. В первую очередь хочу поблагодарить моего дорогого друга Бориса Николаевича Морозова (Археографическая комиссия, Москва), который уделял мне время и давал экспертные советы снова и снова на протяжении многих лет. Если в этой книге есть что-то новое и полезное, то это благодаря его непревзойденной осведомленности в архивах и желанию делиться опытом, вдохновлять и помогать. Ольга Евгеньевна Кошелева – мой дорогой и уважаемый друг, чьим надежным советам, опыту в архивном деле, критическому взгляду и чувству юмора я привык доверять во время исследования этой и других тем.

Я глубоко признателен тем, кто помогал мне словом и делом. Это Нэнси Шилдс Коллманн, Сергей Богатырев, Майкл Флиер, Дэниел Роулэнд, Честер Даннинг, Чарльз Гальперин, Дэвид Голдфранк, Роберт Крамми, Алексей Иванович Алексеев, Владислав Дмитриевич Назаров, Андрей Павлович Павлов, Юрий Владимирович Анхимюк, Ирина Александровна Возне-

сенская, Людвиг Штайндорф, Дженнифер Спок, Марина Свобода, Эрнест Зицер, Маршалл По, Орься Карапинка, А. Дуайт Кастро, Брайан Ренни, Конни Дэвис, Эрик Форстер, Натан Карлин, Джиллиан Манискарко, Сандра Вебстер, Роберт Мониак, Джон Диган, Брайен Хоран, а также – светлая им память – Ричард Хелли и Оскар Ремик. Я также благодарен Эми Фарранто и Сьюзен Бин из Northern Illinois University Press (Издательство Университета Северного Иллинойса), чьи профессионализм и мастерство превратили процесс создания книги в удовольствие.

Это исследование явно демонстрирует влияние двух моих ученых наставников. Один из них – Эдвард Кинан, под чьим руководством я писал диссертацию и чьи идеи о власти и политической культуре до сих пор воздействуют на мой анализ событий в Московии. Его провокационные еретические высказывания воодушевили меня на собственные смелые умозаключения о придворной политике Московии. Хотя он, может быть, согласится не со всем в этой книге, тем не менее надеюсь, что она соответствует его высоким стандартам эрудиции. Другой мой учитель – Дональд Островски. Часы наших споров о средневековой Руси в кофейне Peet's на Гарвардской площади и через пятнадцать лет после оставления Гарварда остаются одними из наиболее приятных моих интеллектуальных переживаний. Во время одной из этих напряженных бесед Дон предложил: «Ты так много сделал по теме смотров невест, почему бы тебе не написать об этом книгу?» До того момента я и не думал собирать все нити моих размышлений в единую книгу, но уже спустя несколько часов после этого разговора был полностью в работе над ней. Я благодарен Дону за его неизменную поддержку и советы на протяжении многих лет, но больше всего – за его щедрую и теплую дружбу. Очевидно, я далеко не единственный, кто извлек пользу из его советов, но я среди самых благодарных.

В последнюю очередь, а на самом деле в первую, я говорю спасибо моим детям – Александре, Питеру и Джулиане – и моей жене Саре Келлогг. Они несколько лет терпели мою слепую преданность этой книге, выражавшуюся на практике в моей уединенной работе в самое неуточное время дня, ночи, выходных, семейных и иных праздников. Благодаря их долготерпению появились все слова и идеи в этой книге. Моим детям – сердечная благодарность и честное обещание чаще выходить к ним из кабинета. Моей жене Саре я посвящаю эту книгу и адресую слова поэта: «В целом мире не надо мне иной компании, кроме твоей» (Шекспир, «Буря», III, 1, 54–55).

ПРИМЕЧАНИЕ: ИМЕНА, ДАТЫ, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Даты, упоминаемые в книге, взяты из рукописных источников, на которых она преимущественно базируется, т. е. соответствуют юлианскому календарю, действовавшему в России в раннее Новое время (вплоть до 1918 года). По этому календарю отсчет лет велся от сотворения мира – от 5508 года до н. э., а год продолжался с 1 сентября по 31 августа. Эти даты в книге обычно переведены с *anno mundi* на *anno domini*. В тех случаях, когда день и месяц в источниках не указаны, перевод представлен записью с косой чертой: например, 7083 (год пятой женитьбы Ивана IV) записан как 1574/1575. Источники диктуют и форму написания имен в книге. Сохранены разные варианты произношения имен собственных. Так, форма написания отчества зависела от социального положения человека. Те, кто принадлежал к высшим слоям общества, имели отчества, заканчивающиеся чаще всего на *-ович/-евич* (для мужчин) и *овна/-евна* (для женщин), как это принято сейчас в России. Приближенные рангом ниже записаны с отчеством в виде сочетания со словом «сын» или «дочь»: Иван Васильев сын Радилов (т. е. Иван сын Василия из семьи Радиловых), Овдотья Ондреева дочь Гундорова (Овдотья дочь Ондreja из семьи Гундоровых). Имена приводятся в соответствии с их написаниями в указанных источниках. [Текст отличается от английского варианта: такие термины, как «окольничий» и «стольник», не нуждаются в пояснении и переводе, а имена царей и императоров приводятся в том их виде, какой принят в русской исторической литературе («Петр Великий», «Екатерина Великая» вместо «Питер», «Катерина» и т. д.). – *Прим. пер.*]

ВВЕДЕНИЕ

Где-то между апрелем и сентябрем 1776 года князь Михаил Михайлович Щербатов – философ, придворный, сенатор, публицист, историк, «ученик западного Просвещения» и «рационалист *par excellence*»¹ – пишет эссе под названием «О супружестве российских царей», приводя вымышленный разговор между двумя знакомыми (министром и гражданином), которые жарко спорят о втором браке наследника престола, цесаревича Павла Петровича (будущего императора Павла I)². Этот диалог происходит сразу после смерти первой жены цесаревича Натальи Алексеевны (урожденной Вильгельмины Луизы Гессен-Дармштадтской). Она умерла после первых родов 15 апреля 1776 года. Смерть ее и младенца стала ударом для цесаревича, влюбленного в жену, и раздосадовала его мать, императрицу Екатерину Великую, так как она надеялась, что молодожены быстро произведут на свет детей, чтобы не дать угаснуть вымирающей династии Романовых. Очевидно, горюющему наследнику не оставалось ничего иного, кроме как собраться с духом и жениться вновь. Тяжелое положение цесаревича и является причиной, по которой герои эссе Щербатова обсуждают злободневный вопрос: кто будет лучшей женой наследника – иностранная принцесса или русская девушка.

Министр и гражданин Щербатова не ходят вокруг да около:

Министр: Что вы мне кажется сегодня гораздо задумчивее?

Гражданин: Вы, милостивый государь, в том не ошибаетесь, да и думаю, что и всякий гражданин задумчивость мою в нынешнем печальном случае, приключенном кончиною великой княгини, должен со мною разделять.

Министр: Печаль и смущение ваше есть весьма справедливы, и в сей общей печали мы должны токмо желать здоровья великого князя и чтобы второе супружество и щастливейшее разрешение обрадовало Россию.

Гражданин: Я и о сем втором супружестве еще задумываюсь.

Министр: А о чем?

Гражданин: О том, милостивый государь, полезно ли российском государям жениться на чужестранных принцес[с]ах иль не лучше ли бы было возобновить им древний обычей жениться на своих подданных?

Министр: Мне предложение ваше удивительно, сие уже проблемою почесса не может, что российским государям без крайнаго вреда жениться на подданной своей не можно.

Гражданин: То-то, милостивый государь, меня и смущает, что я, напротив того, думаю, что вредны браки на чужестранных принцес[с]ах.

Министр: Нет, государь мой, я вам сорок причин представлю для показания полезности браков с чужестранными принцес[с]ами.

Гражданин: А я льшу у себя вам четыреста представить для доказанья пользы браков с своими потданными и для испровержения с чужестранками, ибо и самые ваши доказательства, отрицательными учиня, в свою пользу обращаю³.

Собеседники сохраняют приветливый и учтивый тон, даже когда спор становится жарким. Но Щербатов вывел образ министра исключительно для того, чтобы последовательно разбить все его доводы. Именно это и делает гражданин.

---

¹ *Shcherbatov M. M. On the Corruption of Morals in Russia / Ed. and transl. by A. Lentin. Cambridge, 1969. P. 97.*

² *Щербатов М. М. О супружестве российских царей // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 100–111.*

³ Там же. С. 100–101.

Первая из «сорока причин» министра – дипломатия. Браки между правителями России и иностранными княжествами важны для выстраивания союзов и усиления государства на международной арене. «Никакое государство без союзов быть не может, а на таком свойстве утвержденный союз есть, конечно, наипрочнейший», – провозглашает министр⁴. Но прежде чем министр смог перейти ко второй причине, гражданин напоминает ему, что даже те государства, которые связаны родственными узами своих правителей, идут друг на друга войной. И более того, замечает гражданин, религия часто встает на пути дипломатического урегулирования:

Принцес[с]ы сильных государей не восхотят переменить своего закона для супружества с наследником России, и потому мы принуждены искать в супруги великому князю из малых германских владетелей дому, каков есть Ангальт-Цербс[тс]кой и Дармштад[т]ский, то скажите ли вы мне, что союз сих домов прибавляет вес России в Европе, а напротив того Россия принужденной себя находит защищать в Германии пользы сих малых князей и чрез сие и сильнейших – без всякой пользы себе неприятелями делать⁵.

Итак, дипломатический аргумент отбит, и министр обращается к окружению иностранных принцесс. «Размышления ваши есть небезосновательны, – признает он, – но в супружестве не должен ли каждый, елико возможно, себе равного искать; а, конечно, германские принцес[с]ы владетельных домов более приближаются к состоянию великого князя, нежели кто исподданых России». Отвечая, гражданин сперва принуждает министра согласиться с тем, что «желательно... чтоб государь щастие свое, верность супружескую и с удовольствием сопряженную любовь к супруге своей имел», а затем утверждает: невозможно быть в таких близких любовных отношениях с невестой, чей облик знаком только по портрету, а характер – по донесениям дипломатов и придворных. Министр отвечает, указывая на недавно умершую великую княгиню Наталью Алексеевну и на любовь к ней цесаревича Павла Петровича. Но гражданин называет это «исключением, а не правилом» и заявляет, что при женитьбе на русской девушке не будет сюрпризов⁶. Царственный жених будет знать все о ее прошлом, родителях, родственниках и друзьях. У него будет возможность взглянуть на нее собственными глазами и самолично расспросить, чтобы узнать о ее умственном развитии и нравственности. «Может историю жизни ее и воспитания знать, чего ему зделать с чюжестранною не можно», – заключает гражданин⁷.

Но есть ли среди русских девушек достойные стать женой будущего императора, спрашивает министр, который начинает выказывать растущее раздражение собеседником. «И рабская рожденная душа может ли достигнуть до сего величества, которое престолу пристойно?» На это гражданин отвечает, что вряд ли кто знает, как воспитывали немецкую принцессу в одном из городков Центральной Европы. «Несправедлив был бы бог, естли бы разум, величество души и добродетели разделял токмо на владеющих особ, оставя других людей, токмо яко неких скотов, без всяких душевных дарований»⁸. Кроме того, продолжает гражданин, простое происхождение русской невесты сделает правителя более чувствительным к нуждам и повседневным проблемам обычных людей. В конце концов, у жены правителя есть обязанность угождать супругу, а поскольку она является его подданной и обязана заботиться о его благополучии, то и справится со своими обязанностями много лучше иностранной принцессы.

---

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Щербатов М. М. О супружестве российских царей. С. 102–103.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 104.

⁸ Там же. С. 105.

Жена правителя «имеет должность угождать своему супругу, что яко подданная его и обязанная своим благополучием она лучше может исполнить, нежели чужестранная принцес[с]а»⁹.

Наконец собеседники подходят к наиболее спорному аргументу, к тому, что министр, возможно, считает наибольшей опасностью от невесты-подданной, – родня, которая вслед за ней подтянется ко двору. Эта родня будет занимать высокие должности и наслаждаться всевозможными выгодами от такой женитьбы, паразитировать на ситуации и заботиться только о своих интересах. Но родня – именно та единственная вещь, с которой не связаны иностранки. Они приходят в Россию более-менее в одиночестве, а потому их отцы, братья и дяди никогда не примкнули к той или иной фракции при дворе и не сформируют своей, т. е. не нарушат баланса знати, что непременно сделают родственники русской подданной. Гражданин дает краткий, романтизированный (и абсолютно смехотворный) ответ, заявляя, что влияние царственных родственников будет благоприятным, поскольку император «по сану своему» уже является «отцом» для всех своих подданных – не только для новой родни. Поэтому царская родня, утверждает гражданин, никогда не будет пользоваться какими бы то ни было привилегиями по сравнению с обычными подданными России.

Гражданин неубедительно парирует многочисленные доводы министра, критикующего брачные традиции России раннего Нового времени. Министр рисует мрачное будущее в случае, если император женится на русской девушке, хотя это прочитывается скорее как порицание тех порядков, что составляли реальность допетровской России, где большинство царских невест были русскими:

Когда могут подданные мнить, что государь поимет кого из их дочерей, из родственниц, какие будут происки для отцов и родственников и от самих дев, все не по любви к государю основанные, но на честолюбии; учинятся разные партии при дворе, враждующие друг на друга и взаимно друг друга искоряющие. Колико от всех сих будет поставлено сетей для пленения государя!¹⁰

Затем министр обрисовывает различия в порядках до Петра I и после:

Сей обычай в древние времена в России мог быть принят, когда девы, затворенные в недрах их домов, не видимы и не знаемы никем были, когда их прелести не могли действовать над сердцем государевым и когда, наконец, по рассмотрению достоинств родственники сей выбор первоначально делали. Но ныне не те времена и не те нравы: что в те поры могло быть терпимо, то по перемене обстоятельства разумно великий Петр переменял, предвидя все находящиеся неудобства, которому обычаю и ныне, конечно, следовать должно¹¹.

В словах министра есть зерно истины. В XVI и XVII веках, когда русские правители брали в жены русских невест, новая родня толпой врвалась в царское окружение и быстро росла в чинах. Она завязывала узы родства и покровительства с боярской верхушкой, устраивала заговоры и кооперировалась с другими боярами для контроля над женитьбами иных членов династии, особенно в последующих поколениях. Родственники русской невесты являлись могучей силой, с которой невозможно было не считаться в России раннего Нового времени.

По всей видимости, гражданин (а на самом деле говорящий его устами Щербатов) понимал, что родня – слабое место в его аргументации. Наиболее пространные рассуждения начинаются именно тогда, когда гражданин пытается отрицать или приуменьшить силу влияния

---

⁹ Там же. С. 105–106.

¹⁰ Щербатов М. М. О супружестве российских царей. С. 106.

¹¹ Там же. С. 106–107.

царской родни. Но тут суть речей уходит от парирования доводов министра к декларации Щербатовым своей любимой темы, повторяющейся во многих его работах: к отстаиванию нового типа монархии, при котором государь правит в союзе с лучшими людьми общества. Для Щербатова этими лучшими людьми была древняя аристократия, что неудивительно, ведь и сам он принадлежал к этой группе. Первый и наиважнейший шаг на пути к установлению нового, связанного с «землей» типа монархии, – возвращение традиции женитьбы российского правителя на русской девушке – православной, соединенной любовью и чувством долга с монархом, избранной из представительниц абсолютно всех слоев общества без исключения¹².

Защищая отечественных невест для российского императора, Щербатов невольно призывает вернуть древний (и ко времени Щербатова давно не существовавший) обычай смотра невест в Московском государстве: сбор юных русских девушек со всей страны, из которых царь выбирал себе невесту. Щербатов описывает преимущества смотра невест, не называя этот термин и даже не ссылаясь на конкретные обычаи и ритуалы, подразумеваемые под ним. Ирония в том, что перед глазами Щербатова был пример подобного смотра – принцесса, чья смерть и побудила его к написанию статьи. Наталья Алексеевна, первая жена цесаревича Павла Петровича, и две ее сестры (также дочери Людвига IX Гессен-Дармштадтского) были отосланы в Россию в 1773 году по рекомендации Фридриха Великого в качестве потенциальных невест молодого наследника. В чем точно присутствует отголосок обычая смотра невест, так это в показе цесаревичу трех претенденток одновременно и в предоставлении возможности выбрать одну из них. Он выбрал Вильгельмину Луизу, среднюю дочь, которую при переходе ее в православие нарекли Натальей Алексеевной¹³.

Статья Щербатова «О супружестве российских царей» не была издана в то время, а потому не оказала никакого влияния на поиск новой невесты Павлу Петровичу летом 1776 года. Но она не имела бы значения и будучи напечатанной. Никто при дворе Екатерины II не был настроен отказываться от очевидных дипломатических преимуществ, которые междинастические браки приносили России. Будущий Павел I покорно женился на Софии Марии Доротеи Луизе Вюртембергской (при переходе в православие ставшей Марией Федоровной), которая пополнила угасающую династию Романовых десятью детьми¹⁴. В конечном счете победили доводы министра, а не гражданина, чьим голосом говорил Щербатов.

Эта книга о смотре невест в России раннего Нового времени. В ней исследуется набор ритуалов и обычаев, посредством которых царь выбирал невесту из отечественных претенденток. Почти два столетия, с начала XVI до конца XVII века, невесты-иностранки были практически неизвестны в Кремле. Это было время невест из видных боярских и княжеских родов. С 1505 по 1689 год правители России, а также их братья, дяди и сыновья женились почти исключительно на представительницах аристократии среднего уровня (а их дочери и сестры фактически совсем не выходили замуж). До 1505 года картина была иной: правители России свободно женились на дочерях из иностранных княжеских семей Северо-Восточной Руси, ино-

¹² См.: *Shcherbatov M. M. On the Corruption of Morals*. P. 16–54, 133–134 (см. издание на русском языке: *Щербатов М. М. О повреждении нравов в России*. М.; Augsburg, 2001); *Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, 1960. P. 40–41.

¹³ Два старших сына Павла I также выбрали себе невест из немецких принцесс, им представленных: Александр I выбрал жену из двух дочерей маркграфа Баденского, а его младший брат Константин Павлович – из трех дочерей герцога Саксен-Кобург-Заальфельдского. См.: *Карпович Е. П. Цесаревич Константин Павлович*. СПб., 1899. С. 38–48; *Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование*. СПб., 1904. Т. 1. С. 63–90.

¹⁴ До того как у Павла I родились дети, вся династия состояла из него, его матери (Екатерины II), а также четырех лишенных наследства и заключенных в тюрьму кузенов, сиблингов Ивана VI (годы формального правления: 1740–1741), убитого в Шлиссельбургской крепости в 1764-м. Четыре сиблинга – Екатерина, Елизавета, Петр и Алексей – жили в ссылке с 1742 года, в 1780 году они были перевезены в Хорсенс (Дания) доживать свои дни под защитой своей тети, королевы Юлианы Марии Датской (жены Фредерика V). Ни один из них не вступил в брак. См.: *Корф М. А. Брауншвейгское семейство*. М., 1993; *Martin R. E. «For the Firm Maintenance of the Dignity and Tranquility of the Imperial Family»: Law and Family Order in the Romanov Dynasty // Russian History*. 2010. Vol. 37. № 4. P. 389–411.

странных правителей и представительницах крупных боярских родов. Поменялось все и после 1689 года, когда правящая династия вновь вернулась к иностранным невестам, притом другие русские княжества исчезли, а боярская элита превратилась в аристократический двор западного образца. Таким образом, временные рамки исследования заданы изменениями в ритуалах женитьбы и династической политике русских царей, а также в политической культуре, основанной на смотрах невест.

Кроме того, эта книга о политике царских свадеб. Выбор невесты во время смотра не был так уж случаен или произволен, как это могло показаться иностранному наблюдателю или даже как указано в русских официальных документах. Представляемый в качестве свободного выбора царственным женихом будущей супруги, смотр невест на самом деле был тщательно срежиссированным ритуалом, служившим многим целям. Во-первых (и это самая главная и очевидная цель), во время смотра царь выбирал себе жену. До конца XVII века практически каждая русская невеста царя участвовала в таком смотре, даже если выбор был сделан заранее. Смотр невест не был пустым ритуалом или исключительно литературным лейтмотивом, а являлся важным элементом русской политической системы.

В этой политической системе значительная роль смотра невест заключалась в снижении конкуренции между боярскими родами при дворе. Как бы кто ни понимал природу монархической власти в России (а взгляды на эту проблему, как мы увидим, сильно разнятся), все же установлено, что в Кремле родство и политика были тесно взаимосвязаны. Бояре рождались между собой по расчету, создавая и укрепляя сети взаимного покровительства, образуя группы и партии вокруг правителя. Но эти основанные на расчете брачные союзы были всего лишь отголоском самого важного бракосочетания в каждом поколении – царской свадьбы. Женитьба правителя определяла, кто будет царской родней, кто войдет в узкий внутренний круг советников у трона, поскольку царская родня, как справедливо заметил Щербатов, быстро взлетала в высшие чины дворцовой элиты. По большей части смотр невест был разработан с тем, чтобы обезопасить процесс выбора: будучи ритуализированным, единоличный выбор царя не давал явно разгореться конфликтам между боярскими родами. Этот ритуал предполагал и делал возможным выбор претенденток не из боярской аристократии, а из низших слоев поместного дворянства, включая в смотр преимущественно таких кандидаток. Занимались их отбором бояре, а также, что еще важнее, их жены. Это не значит, что царь не выбирал, – последнее слово было за ним. Но выбирал он из уже тщательно отобранных претенденток. Таким образом, невзирая на то что смотр невест может производить впечатление свободного и неограниченного выбора, на деле это был ритуализированный процесс, одновременно скрывающий и расширяющий контроль бояр над царской женитьбой.

Также смотр невест поддерживал еще один образ – самодержавной царской власти. И здесь снова видимость и реальность противоречат друг другу. Обычай смотра невест выставлял монарха абсолютно не стесненным какими-либо рамками и границами. Правитель проезжал деревни, провинциальные города и столицу в поисках юной и прекрасной девушки, независимо от ее социального положения. Единственным реальным критерием отбора было решение царственного жениха, и он добивался своего, независимо от угрожающих династических, политических или экономических проблем (которые могли ограничивать или диктовать брачный выбор иностранных королев там, где смотра невест не было). Внешне власть правителя в Московии представлялась столь же абсолютной, сколь и своенравной: власть самодержца пронизывала и наполняла даже царскую спальню. Но за этим образом, метко, хотя и слегка туманно называемым фасадом самодержавия, находится, как мы увидим, совсем иная реальность. Правитель выбирал себе невесту из группы претенденток, которых очень тщательно отбирали бояре и их жены. Жених выходит на сцену в самом конце, когда другие (бояре, их жены и родственники) закончили формировать список кандидаток, проверять их истории болезни, внимательно изучать родственные связи каждой потенциальной царицы. Смотр невест был не столько

экзотичным и символичным проявлением безграничной монархической власти, сколько ритуализированным и коррумпированным механизмом построения «фасада самодержавия».

Таким образом, исследование смотра невест неразрывно связано с изучением феномена власти: природа и пределы власти правителя раскрываются в совокупности ритуалов, окружающих и обеспечивающих отбор невесты для царя (а именно и особенно в смотре невест, но также и в других брачных обычаях, включая саму свадебную церемонию). Это исследование показывает монархическую власть высококоллективной и строится на мнении, высказанном другими, – что политическая культура Московии развивалась от своего зарождения в середине XIV века как кондоминиум правителей: династический, наследственный великий князь или царь правит лучше, когда правит совместно с боярами, которые со временем становятся его родственниками посредством женитьбы или по крови.

Это исследование проливает свет на символы и ритуалы, на политику при дворе и на саму природу монархической власти в России раннего Нового времени. Центральное утверждение книги – то, что смотр невест особенно отчетливо и ясно показывает эту политическую культуру. Коллективная природа монархической власти в Московии показана и в других современных исследованиях: в работах о фракциях при дворе и среди провинциальной аристократии, о связях между царями и боярами, о дворцовых церемониалах и орнаментах кремлевских дворцов, о литературных лейтмотивах, о церковных обличительных текстах и даже о законах Московии. Эта книга является вкладом в изучение власти, дворцовой политики, царских браков, освещая смотр невест как важный и необходимый элемент политической культуры России раннего Нового времени.

Историография

Власть, дворцовая политика, царские браки – темы не новые, в отличие от смотра невест. Он был, конечно, известен. Смотр невест служил отличным материалом для создания в XIX веке исторических живописных полотен, пьес, музыкальных композиций, биографий и художественных сочинений на исторические темы¹⁵. Упоминали его и историки. Этот обычай достаточно хорошо отражен в официальных документах и описан у таких историков, как Василий Никитич Татищев, Николай Михайлович Карамзин, Сергей Михайлович Соловьев (и у других дореволюционных историков), а также у советских ученых: Степана Борисовича Веселовского, Александра Александровича Зимина и Руслана Григорьевича Скрынникова¹⁶. И все же феномен смотра невест «подвис» в историографической «ничейной земле», рассматриваемый или как изживший себя обычай, чья нелепость только ярче подчеркивает странность и экзотичность политической культуры допетровской Руси, или как ясное доказательство авторитарной природы русского самодержавия. В иных случаях этому явлению совсем не уделяют внимания на страницах исторических работ.

Исключение составляет работа Ивана Егоровича Забелина, первого ученого, изучавшего домашний быт и родственные связи царей и цариц. Забелин первый разглядел в смотре невест нечто большее, чем курьез в русской истории, он считал этот обычай важным и показательным явлением политической культуры. Согласно Забелину, царь выбирал себе невесту, как и следует настоящему самодержцу: без учета ее происхождения, здоровья или родословной. Царь делал свой выбор, принимая во внимание лишь ее внешность, которая могла превратить молодую женщину самого скромного происхождения в царицу¹⁷. Забелин доказывал, что отбор невест из всего народа служил только повышению престижа монарха. Царское достоинство и родословная ничуть не страдали от подобных неравных браков. Напротив, Забелин понимал смотры невест как креативный способ, которым русские цари и великие князья пользовались для формирования и усиления централизованного государства.

«Государь, вступая в брак с невестою, избранною всенародно, из всей служилой среды, не мог тем унижить своего царственного достоинства; напротив, он возвышал свою личность, придавая ей общенародное значение, ибо кто же, кроме государя, имел право всенародно избирать себе невесту?»¹⁸ И более того: государь выбирал супругу самолично. Несмотря на все влияние семьи и фаворитов, вовлеченных в царскую свадьбу и смотр невест, – а Забелин подробно описывает, как разные личности оказывали свое влияние при дворе, – именно царь решал в конце концов участь претендентки. Для Забелина Московия была блестящей автократией.

Среди последователей Забелина есть ученые, внесшие большой вклад в наши представления о царицах и аристократках России раннего Нового времени. Исследования Натальи Пуш-

¹⁵ См. эпилог.

¹⁶ См.: *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1968. Т. 7. С. 172–183; *Карамзин Н. М.* История государства Российского [далее – История]: В 12 т., в 4 кн. Репринт изд. 1842–1844. М., 1988. Т. 7. Стлб. 132–134; Т. 8. Стлб. 58–59; Т. 9. Стлб. 110–118, 161–162; Т. 10. Стлб. 45–46; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен [далее – История]: В 29 т., в 15 кн. / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1959–1966. Кн. 3. С. 151–153, 431–433, 701; Кн. 5. С. 125, 481–482; Кн. 7. С. 130–131, 196–197, 258, 449, 574–575; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 231, 300–301, 397; *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А. А.* Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 466; *Он же.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 14–30, 85–88; *Он же.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 67–70, 298–299; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 140, 435, 457, 479; *Он же.* Иван Грозный. М., 1983. С. 206–214.

¹⁷ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. // Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Репринт изд. 1918, 1915. М., 2000. Т. 1. Ч. 1; Т. 1. Ч. 2; *Он же.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. // Там же. Репринт изд. 1901. М., 2001. Т. 2; *Он же.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст. (Материалы) // Там же. Репринт различных изд. М., 2003. Т. 3.

¹⁸ *Он же.* Домашний быт русских цариц. С. 207–208.

каревой, Нэнси Шилдс Коллманн, Ив Левин, Дэниэла Кайзера, Кристин Воробек и особенно Изольды Тирет, помимо прочего, опирались на те прочные основы, что заложил почти ста годами ранее Забелин¹⁹. Все вместе они изучали роль женщины в религиозной культуре и обрядах, изоляцию аристократок, наследство и землевладение, концепт женской чести, а также насколько существенную и активную роль женщина играла в политике. Сам Забелин отмечал фундаментальную роль боярских жен (боярынь) в смотрах невест. Боярыни, как показал Забелин, были непосредственно вовлечены в процесс создания списка невест-претенденток и, как он убедительно предположил, организовывали многочисленные медицинские освидетельствования с целью удостовериться в их крепком здоровье и девственности. Эта книга также помещает жизнь аристократок в центр «проблематики». Она оживляет сухие биографические записи, относящиеся к нескольким аристократкам и участницам смотра невест, и предлагает основанный на исторических источниках взгляд на то, как политическая культура влияла на жизни молодых женщин, оказавшихся в непосредственной близости к царю.

Многие источники, на которых базируется такой взгляд на историю, доступны уже какое-то время, но есть и обнаруженные совсем недавно. Труды Забелина содержат много первоисточников, впервые опубликованных в его книгах²⁰. Не так давно Владислав Дмитриевич Назаров опубликовал полезный и подробный сборник важных документов в современной редакции, которые связаны с темой царских бракосочетаний и поиском невест в XVI веке²¹. На основе этих новых изданных источников Назаров предложил современную версию озвученной Забелиным интерпретации механизма смотра невест в XVI веке. Сходным образом Маргарита Евгеньевна Бычкова сделала ценный вклад в науку публикацией свадебных текстов Ивана Грозного, а изучение ею письменных источников о свадьбах XVII века подготовило почву для последующих исследований²². Есть и другие современные кодикологические исследования и публикации оригинальных документов о бракосочетаниях²³, тем не менее остается большое

¹⁹ Литературы много и становится все больше. См. следующие работы и библиографии в них: *Pushkareva N. L. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century* / Transl. by E. Levin. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1997; *Pushkareva N. L. Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through Fifteenth Centuries // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B. E. Clements, B. A. Engel, Ch. D. Worobec. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 29–43; *Kollmann N. Sh. Women's Honor in Early Modern Russia // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B. E. Clements, B. A. Engel, and Ch. D. Worobec. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1991. P. 60–73; *Eadem. The Seclusion of Elite Muscovite Women // Russian History*. 1983. V. 10. Pt. 2. P. 170–187; *Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700*. Ithaca, 1989; *Kaiser D. H. Property among Elite Women in 17th-Century Russia // Rude and Barbarous Kingdom Revisited* / Ed. by Ch. S. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN, 2008. P. 427–440; *Idem. «Whose Wife Will She Be at the Resurrection?» Marriage and Remarriage in Early Modern Russia // Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 2. P. 302–323; *Worobec Ch. D. Accommodation and Resistance // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. P. 17–28; *Thyrêt I. The Royal Women of Ivan IV's Family and the Meaning Forced Tonsure // Servants of the Dynasty: Palace Women in World History* / Ed. by A. Walthall. Berkeley; Los Angeles, 2008; *Eadem. Marfa Ivanovna and the Expansion of the Role of the Tsar's Mother in the Seventeenth Century // Rude and Barbarous Kingdom Revisited*. P. 109–129; *Eadem. The Cultural Politics of the Grand Princesses of Moscow // Russian History*. 2006. Vol. 33. № 2–4. P. 333–352; *Eadem. Between God and the Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001; *Kleimola A. M. «In accordance with the canons of Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // Russian Review*. 1992. Vol. 51. № 3. P. 204–229; *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, 1998. P. 64–84; *Keenan E. L. Ivan the Terrible and His Women // Russian History*. 2010. Vol. 37. № 4. P. 322–359. См. также для сравнения: *Zanger A. E. Scenes from the Marriage of Louis XIV: Nuptial Fictions and the Making of Absolutist Power*. Stanford, 1997; *Dean T., Lowe K. J. P. Marriage in Italy, 1300–1650*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Medieval Queenship* / Ed. by J. C. Parsons. New York: St. Martin's Press, 1993.

²⁰ См., например, список претенденток на смотре невест в 1669–1670 годах для царя Алексея Михайловича и список подарков, которые вручили кандидаткам на смотре невест в 1682 году, организованном для царя Федора Алексеевича. См.: *Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц*. С. 252–253, 259.

²¹ *Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина* / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1975. С. 40–50; *Он же. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории*. 1976. № 10. С. 110–123.

²² *Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.*

²³ *Martin R. E. Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow // Manuscripta*. 2006. Vol. 50. № 1. P. 77–189; *Idem. Archival Sleuths and Documentary*

число документов, которые нужно опубликовать. Вероятно, честно будет признать, что наибольший прогресс в изучении смотра невест достигнут источникововедами.

Эта книга базируется на предыдущих исследованиях самодержавной власти и дворцовой политики. Согласно полезному наброску Коллманн об историографии дворцовой политики Московии, существует два подхода к теме: «рациональный» и «патримониальный»²⁴. «Рациональная» школа особое внимание уделяет «абстрактным образованиям, которые были объективно определены, защищены законом и представлены в государственных органах». К этим «образованиям» относятся «„Боярская дума“, государство и сословные образования, такие как высшая аристократия и мелкопоместное дворянство». Приверженцы данной школы также считают, что при сильной автократии эти «образования» находились в состоянии нескончаемой борьбы за власть – «если одни приобретали, другие теряли», как утверждает Коллманн. Таким образом, формирование Московии шло по известной западной траектории – даже если местные политические институты, по сравнению с западными, были примитивны и неэффективны. Эта «рациональная» модель была принята такими разными школами, как либеральная «статистическая», «юридическая», а также советскими марксистскими учеными. «Патримониальная» школа, напротив, уделяет большое внимание «премодерным политическим связям», которые были заданы традициями, корыстными интересами, лояльностью, когда группы и фракции при дворе «образовывались на основе принципов родства, дружбы и зависимости»²⁵. Один оттенок интерпретации в рамках этой модели отличается тем, что внимание акцентируется на власти самодержца, а «реальные взаимодействия других политических групп» отрицаются – взгляд не слишком отличный от «рациональной» школы, по крайней мере в том, что касается самодержавной власти²⁶. При другом оттенке интерпретации доказывается радикально иное положение: этот консенсус, а не состояние конфликта, характеризует политическую культуру. Правитель, следуя традиционной формуле «царь указал, и бояре приговорили», действует внутри традиционной, даже олигархической, политической системы. И наконец, женитьбы между боярскими родами не только скрепляли всю систему, но и были самой ее целью.

Анализ смотра невест в этой книге, оговорим сразу, прежде всего подкрепляет последнюю точку зрения. Таким образом, данная книга входит в один ряд с исследованиями Эдварда Кинана, Нэнси Шилдс Коллманн, Валери Кивельсон, Дэниела Роулэнда, Дональда Островски, Джорджа Вейкхардта и других авторов, иногда называемых структурной или антропологической школой, но сейчас больше известных под отцеубийственным названием, полученным от Маршалла По²⁷, – «гарвардская школа»²⁸. Тем не менее названная так школа²⁹ анализи-

---

Transpositions: in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Russian History*. 2003. Vol. 30. № 3. P. 253–300; *Idem*. Royal Weddings and Crimean Diplomacy: New Sources on Muscovite Chancellery Practice during the Reign of Vasilii III // *Harvard Ukrainian Studies*. 1995. Vol. 19. P. 389–427.

²⁴ *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987. P. 8–18. Здесь Коллманн использует категории и терминологию Макса Вебера – см.: *Ibid.* P. 9, 245 (n. 14).

²⁵ См. документы, помещенные в кн.: *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics. P. 9–18.

²⁶ Классические положения «патримониального» подхода представлены в работах: *Poe M. T.* The Truth about Muscovy // *Kritika*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 1–14; *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York, 1974.

²⁷ Маршалл По (который придумал термин «гарвардская школа») сначала поддерживал в своих публикациях идеи Неда Кинана (который поддерживал его как аспиранта), а затем восстал против него (в профессиональном смысле). – *Прим. авт. для рус. изд.*

²⁸ *Keenan E. L.* Muscovite Political Folkways // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. P. 115–181; *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics; *Kivelson V. A.* Culture and Politics, or the Curious Absence of Muscovite State Building in Current American Historical Writing // *Cahiers du Monde russe*. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 19–28; *Eadem*. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. P. 465–489; *Eadem*. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996; *Rowland D.* Architecture, Image, and Ritual in the Throne Rooms of Muscovy, 1550–1650: A Preliminary Survey // *Rude and Barbarous Kingdom Revisited*. P. 53–71; *Idem*. Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s) // *Russian Review*. 1990. Vol. 49. P. 125–155; *Idem*. The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles; *Ostrowski D.* The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority

рует, как, согласно формулировке Кивельсон, «монарх правит, советуясь с боярами и приближенными, и тем самым вынужден принимать решения, ориентируясь на традиции, обычаи, благочестие и даже закон и наслаждаясь при этом высоким уровнем легитимности в глазах своих подданных»³⁰. Эта школа больше всего обязана своими взглядами новаторской работе Веселовского и теоретическим уточнениям, сделанным Эдвардом Кинаном и развитым далее «кембриджскими клонами Кинана» (отсюда и название «гарвардская школа») ³¹. Возможно, это направление стало наиболее продуктивным из многих моделей власти в Московии за последние несколько десятилетий, оказав влияние даже на работы, не принадлежащие к антропологической школе или не фокусирующиеся на теме политических браков³².

Гарвардская школа многое сказала о политических браках и монархической власти, но меньше – о женитьбах правителей, а о смотрах невест – практически ничего. Однако если правда, что женитьба – это «нарушение равновесия» и «социальные волнения», как писал известный антрополог и фольклорист Арнольд ван Геннеп³³, то женитьба, вызывающая наибольшие волнения, – это женитьба правителя. Его брак, а иногда и браки его родственников и родственниц были стержнем всей политической системы с ее становления в 1450-х годах, а политическая система, включая смотры невест, была создана с целью минимизировать это «нарушение равновесия» среди боярских родов при дворе. Поэтому удивительно, что гарвардская школа подошла к вопросу о монархической власти с другой позиции: изучая политические браки представителей боярских родов, но не царей. В настоящем исследовании проблема переосмысливается с более интуитивной точки зрения: мы сосредоточимся на одном браке, который скреплял все прочие, – на браке царя. Такое переосмысление проблемы подводит нас непосредственно к смотру невест.

---

in *Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. P. 534–563; *Weickhardt G. G. The Pre-Petrine Law of Property // Slavic Review*. 1993. Vol. 53. № 4. P. 663–679; *Idem. Was There Private Property in Muscovite Russia? // Ibid.* 1994. V. 54. № 2. P. 531–538 (ср. с: *Pipes R. Was There Private Property in Muscovite Russia? // Ibid.* P. 524–530). См. также: *Soldat C. The Limits of Muscovite Autocracy: The Relations between the Grand Prince and the Boyars in the Light of Iosif Volotskii's «Prosvetitel'» // Cahiers du Monde russe*. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 265–276; *Flier M. S. Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // Medieval Russian Culture / Ed. by M. S. Flier, D. Rowland. Berkeley; Los Angeles, 1994. Vol. 2. P. 213–242. По так называемой гарвардской школе см.: *Poe M. T. Review of «By Honor Bound: Slate and Society in Early Modern Russia», by Nancy Shields Kollmann // Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 299–300; *Idem. The Truth about Muscovy. О терминах «структурный» и «антропологический» см.: Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. С. 18.**

²⁹ Гарвардская школа называется так потому, что Нед Кинан был профессором в Гарвардском университете и все его студенты следуют его взглядам на Московию и развивают их. – *Прим. для рус. изд.*

³⁰ Кивельсон использует термин «гарвардская школа». См.: *Kivelson V. A. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 487–499.

³¹ Термин «кембриджские клоны Кинана» («Keenan's Cambridge Clones») обсуждался на секции ежегодной конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS) в ноябре 2003 года в Торонто. См.: *Martin R. E. Introduction: Edward Keenan's Influence on Early Russian Studies // Canadian Slavonic Papers*. 2006. Vol. 48. № 3–4. P. 233–234.

³² См.: *Hellie R. Thoughts on the Absence of Elite Resistance in Muscovy // Kritika*. 2000. Vol. 1. № 1. P. 5–20; *Idem. Edward Keenan's Scholarly Ways // Russian Review*. 1987. Vol. 46. P. 177–190. Для начального знакомства с работами, написанными под влиянием антропологической школы, см.: *Riib H. Adel und Adelsoppositionen im Moskauer Staat. Wiesbaden, 1975; Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. London, 1983; Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Helsinki, 2000 (см. также рецензию на него Коллманн в «Slavic Review»)*. Чарльз Дж. Гальперин целенаправленно противопоставил свою позицию гарвардской школе, особенно работам Эдварда Кинана. См.: *Halperin Ch. J. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 501–507; *Idem. The «Russian» and «Slavonic» Languages in Sixteenth-Century Muscovy // Slavonic and East European Review*. 2007. Vol. 85. № 1. P. 1–24; *Idem. The Culture of Ivan IV's Court: The Religious Beliefs of Bureaucrats // The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland / Ed. by V. Kivelson, K. Petrone, N. Sh. Kollmann, M. S. Flier. Bloomington, 2009. P. 93–105; Idem. Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight // Jahrbücher für Geschichte osteuropäische. 1998. Bd. 46. S. 376–403.*

³³ *Gennep A. van. The Rites of Passage / Transl. by M. B. Vizedom, G. L. Caffee. Chicago, 1960. P. 139.*

Источники

Смотры невест и их роль в политической культуре Московии могут быть воссозданы на основе четырех групп источников, многие из которых не опубликованы и хранятся в архивах: описания царских свадеб, официальная документация о смотрах невест, иностранные записки и нарративные источники. Наиболее важный источник по смотрам невест и брачной политике – официальные свадебные документы, составлявшиеся дьяками в великокняжеской канцелярии, а затем в Посольском приказе. Примерно с 1495 года дьяки в канцелярии начинают детально описывать все династические свадьбы. Наиболее важные документы, созданные канцелярией, – свадебные разряды (т. е. росписи), которые содержали перечни имен придворных и других служащих, принимавших почетное участие в царской свадьбе, а также свадебные чины (т. е. церемониалы), описывающие сам ритуал: шествия, пиры, свадебные бани, обмен дарами, тексты речей, иные события, происходившие в течение трех и более дней празднеств. Эти два источника были связаны – имена, обозначенные в разрядах, были включены в описания ритуалов, приводимые в церемониалах (чинах), – но использовались в разных целях. В то время как чины служили официальным описанием свадьбы и одновременно инструкцией по ее проведению, разряды служили увековечению участия конкретных бояр и других придворных. Разряды были также теми документами, которые писцы, действуя как свадебные организаторы в Московии, держали в руках, расставляя придворных по их позициям во время разных церемоний и проверяя наличие каждого участника на своем месте. В дополнение к этим официальным документам писцы производили целый ряд сопутствующей документации, столь необходимой для нашего исследования: перечни даров, которыми обменивались на свадьбе, описи приданого, различные записки и указания по проведению церемонии. Сохранились свадебные чины и разряды для 24 церемоний с 1500 по 1682 год³⁴. Большинство этих источников – оригинальные рукописи, некоторые из них сохранились также в виде черновиков с несколькими ранними копиями. Основная часть этих материалов остается неопубликованной.

В отличие от царских свадеб, смотры невест, по всей видимости, так официально не документировались: нет чина, описывающего ритуализированный осмотр невест, хотя могла быть роспись (разряд) кандидаток, чтобы бояре и их жены могли сличать имена и лица, следить за их нахождением и делами. Мы говорим «могла быть», потому что почти за два столетия проведения смотров есть только один сохранившийся список невест – тот, когда Алексей Михайлович искал себе вторую жену в 1669–1670 годах. Легко представить, почему не сохранились перечни невест. Царь и его советники, включая и новоприобретенных родственников со стороны невесты, могли не желать сохранения записей о возможном ином выборе царя – записей, ослабляющих уверенность, что сделанный царем выбор был неизбежен и одобрен свыше. Кроме того, легко представить, как быстро угасал интерес к смотру невест после того, как царь делал свой выбор, – все внимание и энергия писцов переключались на составление свадебного разряда и корректировку свадебной церемонии (чина). Эти документы воспринимались при дворе как жизненно важные, поскольку запечатлевали для потомков, кто присутствовал на свадебной церемонии и принимал в ней участие и, таким образом, кто снискал честь и чью службу оценили.

Вопреки недостатку в отдельных письменных источниках, касающихся смотра невест, историчность этого обычая в Московии хорошо представлена. Смотры невест упоминаются в свадебных разрядах, однако еще важнее небольшие, но целостные собрания канцелярских документов, связанных с поиском царской невесты. Этот важный и уникальный материал включает в себя записки (так называемые памяти), инструкции (указные грамоты) и другие

---

³⁴ Первый свадебный разряд 1500 года, последний – 1682-го.

бумаги по поводу поиска невест, перечни придворных, посланных на поиски в разных направлениях, списки подарков, предназначенных для «финалисток» отбора, а также, в одном случае, результаты расследования происхождения и описание внешности потенциальной невесты для юного Ивана IV³⁵. Из этой сокровищницы источников мы узнаем историю смотра невест, которая резко контрастирует с тем, как данный обычай понимали ранее.

История обряда обрастает плотью благодаря многочисленным и ярким запискам иностранных путешественников, которым было что рассказать о смотрах невест. Эти путешественники – по большей части дипломаты, но также и торговцы, наемники, мореплаватели и церковники – посещали Московию и записали увиденное, создав тем самым наиболее живые и полезные описания механизма смотра невест. Их записки рассказывают нам, как этот обычай появился в Московии, кем были кандидатки, как происходил отбор и даже какие политические игры стояли за обрядом. Разумеется, не существует безупречно аккуратного описания от объективного наблюдателя: авторы неизбежно смотрели на окружающую действительность через призму своей культуры и опыта, многие из них в своих отчетах склонялись к мнению, что Московия – «грубое и варварское царство». И тем не менее эти отчеты иностранцев содержат сведения, которые значительно дополняют каркас истории, представленный отечественными источниками. Эти богатые, пусть иногда и неоднозначные, отчеты широко используются в настоящей книге.

Хроники, художественные произведения и другие разнообразные нарративные тексты составляют четвертую группу источников, помогающих реконструировать историю смотра невест, хотя в тексте они часто встречаются лишь в роли небольших ярких вставок. Одна летописная заметка, описывающая первую (неудачную) попытку Ивана IV выйти на европейский брачный рынок, содержит важное упоминание об этом обычае. В записках Григория Котошихина о жизни русского двора в середине XVII века смотры невест странным образом не упоминаются, хотя приводятся детали скандалов XVII века, смотрами порожденных («О России в царствование Алексея Михайловича»). Напротив, первая светская пьеса, сыгранная в России, – «Артаксерово действо» (1672), основанное на библейской истории об Эсфири, – содержит сцену смотра невест, имитирующую смотры невест в Московии, а не в Древней Персии. Имея свои цели, нарративные источники тем не менее отражают в разной степени нужные, а иногда и уникальные взгляды на то, как смотры невест – и, в более общем плане, брачная политика – были устроены и какая роль принадлежала им в России раннего Нового времени.

Таким образом, история смотров невест может быть воссоздана на основе имеющихся источников и может занять место в более широком пространстве политической культуры Московии; и, как и большинство историй, ее лучше всего рассказывать в хронологическом порядке. В первой из последующих глав московские смотры невест помещаются в евразийский контекст и разбирается множество возможных вариантов происхождения обычая. В первой главе высказывается мнение, что московский двор в начале XVI века был вдохновлен примером византийского смотра невест в VIII и IX веках. Сроки очень важны. Именно в начале XVI века исчез первостепенный и любимый источник царских невест – Москва приобрела контроль над западной частью Евразии и поглотила, лишила трона или уничтожила местные княжеские династии. Также именно тогда Московия поставила крест на иностранных дипломатических союзах: катастрофический брак между дочерью великого князя Ивана III и великим князем Литовским в 1495 году доказал, что ограниченные и сомнительные выгоды междинастических браков не перевешивают их непомерной цены и болезненных вопросов, вызываемых браком с человеком неправославной веры. Наконец, спор о престолонаследии, разгоревшийся в Моско-

³⁵ О составе и организации документов, связанных со свадьбами, в Дрвелехранилище РГАДА см.: Государственное дрвелехранилище хартий, рукописей и печатей (Москва). Опись документальных материалов фонда № 135 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1971. С. 3–5. А также: *Martin R. E. Muscovite Royal Weddings.*

вии между 1497 и 1502 годами, показал опасности брака правителя с дочерью видного боярина и риск нарушить хрупкое равновесие фракций при дворе. Смотры невест были введены в ответ на все эти проблемы. Они стали украшением системы ритуалов, с помощью которых правитель мог выбрать отечественную невесту, а не иностранку, и происходящую из средних слоев провинциального дворянства, а не из семей знатных бояр.

Во второй главе исследуются изменения в ритуале на протяжении XVI и XVII веков. В ней определяются и анализируются три этапа смотра невест, начиная с региональных поисков невест, через вторую стадию – испытаний в Москве – к показу финалисток царю. В главе рассматриваются критерии отбора. В то время как официальные описания и иностранные отчеты о царских свадьбах подчеркивают красоту, благочестие и иные подробности внешности и личности невесты, оригинальные канцелярские документы отмечают также генеалогические связи кандидаток. Родство становится столь же важным критерием, как и прочие. В конце главы изучается, каким образом ряд новых ритуалов позволил переосмыслить идентичность невесты с целью компенсировать факт ее более низкого происхождения по сравнению с царем. В главе описано, как смотры невест помогали сконструировать образ самодержца, чье величие превозносится, а власть ничем не ограничена. Также описана реальность, стоявшая за этим образом: правитель выбирал себе невесту из кандидаток, уже тщательно отобранных боярами, их женами и родственниками. Обычай смотра невест, как он исполнялся в Московии на протяжении почти двух столетий, был просто несовместим с автократией и деспотией.

В третьей и четвертой главах прослеживается история смотра невест на протяжении XVI века. Третья глава начинается со второй женитьбы Василия III и заканчивается второй свадьбой Ивана IV. В этой главе показано, как смотр невест вырастает в существенный элемент политической культуры Московии, одновременно символизируя и обеспечивая ту политическую систему, что строилась вокруг женитьбы царя. В главе рассматриваются вопросы, которые, по-видимому, ставились и были решены самими москвитями в связи с новым обычаем: устраивать ли смотр невест только для царя или организовывать его и для других мужчин династии? устраивать ли смотр невест только для первого брака царя или и для последующих тоже? насколько свободен царский выбор и какую роль в отборе должны играть бояре и царские фавориты? В четвертой главе особое внимание уделено брачным излишествам Ивана IV. Показано, как «Грозный царь» продолжал использовать смотры невест, чтобы жениться снова и снова, и исследуются политические и династические цели, стоявшие за многочисленными браками царя, а также связи между его свадьбами и женитьбами его сыновей. В главе представлены ответы на популярные вопросы: сколько жен было у Ивана IV (четыре, пять, семь или восемь)? насколько легитимны и каноничны были его браки? В этих двух главах приведены новые архивные материалы, проливающие свет на личную жизнь Ивана IV, представлены новые перспективы в анализе взаимосвязей между царскими браками и внешней и династической политикой Московии.

В пятой главе мы, следуя за хронологией, переходим к смотрам невест для первых двух царей династии Романовых. Здесь в центре нашего внимания хорошо задокументированные и печально известные скандалы, сорвавшие брачные планы царей: две потенциальные невесты были отравлены, еще одной намеренно слишком туго заплели волосы, и она упала в обморок, о другой распространяли скандальные слухи, – все эти девушки стали жертвами заговоров бояр и придворных фаворитов, считавших, что царский выбор невесты создаст угрозу их собственному положению при дворе. Благодаря счастливому стечению обстоятельств архивные источники дошли до наших дней и позволили сформировать взгляд на механизмы взаимовлияния политики и брака в России XVII века, о чем и идет речь в пятой главе.

В конце книги анализируется постепенное отмирание обычая смотра невест и восстановление междинастических браков как инструмента дипломатии в правление Петра I. Последние смотры невест состоялись в 1680-х годах. Именно тогда, еще до революционных реформ

Петра I, политическая культура претерпевала фундаментальные изменения, лишавшие смотр невест принадлежности к творимой заново политической культуре. Когда двор избавился от ряда отживших ритуалов и чинов, обычай смотра невест был исключен из культурного пространства и дворцовой политики. С исчезновением смотра невест династические браки вновь вошли в сферу дипломатии и внешней политики. Петр Великий благословлял брачные союзы своих детей и родственников с иностранными правителями, преследуя дипломатические цели. В отличие от государей XVI века он стремился изменить церковные каноны и правила, чтобы браки между членами православных и неправославных династий стали возможны. К концу правления Петра I Россия вновь появилась на королевском брачном рынке Европы, а эра смотров невест осталась в прошлом.

Щербатов знал и писал о брачных перипетиях в жизни самого Петра I, не одобряя их. В одном из своих наиболее известных сочинений – «О повреждении нравов в России» – он писал: «Не могу удержаться, чтобы не охулить развод его с первой супругою, рожденной Лопухиной, и второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною»³⁶. Для Щербатова второй брак Петра был постыден вдвойне: тот не только пренебрег русской женой ради иностранки, но и женился новым браком на женщине низкого происхождения. Такое поведение, по мнению Щербатова, подавало дурной пример: «...ибо пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать»³⁷. Щербатов считал, что второй брак первого русского императора приводит к проблеме неравных браков. Этот брак воскресил старые споры о повторных женитьбах государей. Он считал, что поведение царя демонстрирует равнодушие к святости таинства брака, что царь отменяет давние сомнения о культурных различиях между русскими женихами и иностранными невестами, а также возвращает иностранцев в Кремль спустя почти два века их отсутствия. Все эти и некоторые другие темы освещены в главах настоящей книги. Но по прочтении их нет никакой уверенности, что они получили бы одобрение Щербатова.

---

³⁶ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 17–18.

³⁷ Там же. С. 155, 157.

Глава 1

«СОЧЕТАТЬСЯ ЛУЧШЕ С ДОЧЕРЬЮ КОГО-НИБУДЬ ИЗ СВОИХ ПОДДАННЫХ»

Возникновение смотров невест в Московии

После размышлений и совещаний насчет своей женитьбы Василий Иоаннович решил в конце концов сочетаться лучше с дочерью кого-нибудь из своих подданных, чем с иностранкой, отчасти имея в виду избежать чрезвычайных расходов, отчасти не желая иметь супругу, воспитанную в чужеземных обычаях и в иной вере. Такой совет подал государю его казнохранитель и главный советник Георгий [по прозвищу Малый (Parvus)]. Он рассчитывал, что государь возьмет в супруги его дочь. Но в итоге по общему совету были собраны дочери бояр числом тысяча пятьсот, чтобы государь мог выбрать из них ту, которую пожелает. Произведя смотрины, государь, вопреки ожиданиям Георгия, выбрал себе в супруги Саломею (Salomea), дочь [боярина] Иоанна Сабурова (Sapur)³⁸.

Этими словами из «Regum Moscoviticarum Commentarii» габсбургский посол Сигизмунд фон Герберштейн описал события, сопровождавшие первый подтвержденный смотр невест в Московии, устроенный в 1505 году для Василия Ивановича, будущего Василия III (1505–1533). Безусловно, это весьма краткий отрывок. Тем не менее в нем представлен живой и, как выясняется, довольно точный взгляд на то, как в Московии появился смотр невест, кто стоял у его истоков и почему такой смотр стал основным средством выбора невесты для царя в XVI и XVII веках.

Согласно Герберштейну, идея смотра невест возникла в 1505 году в результате двух совещаний Василия с советниками. Герберштейн не отводит никакой роли Ивану III, отцу Василия, возможно, потому, что тот медленно умирал – жить ему оставалось месяц³⁹. Первая беседа у Василия была с Юрием Траханиотовым, греком, прибывшим с Софьей (Зоей) Палеолог (второй женой Ивана III, матерью Василия) в Москву в 1472 году и ставшим одним из главных советников сперва Ивана III, а затем его сына⁴⁰. Траханиотов предложил Василию взять в жены русскую девушку, не иностранку, а также подал идею смотра невест. По всей видимости, Василий обсудил идею Траханиотова с другими советниками, оставшимися неназванными. После этих обсуждений и появилось окончательное решение провести смотр невест, в котором, согласно сообщению Герберштейна, могла принимать участие и дочь Траханиотова.

---

³⁸ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 86–87 [в цитате текст в квадратных и круглых скобках приведен в таком виде в указанном издании. – Прим. ред.] Herberstein S. von. Regum Moscoviticarum Commentarii. Basileae: Ex officina Oporiniana, 1571. P. 47–48.

³⁹ Изабель де Мадарьяга предполагает, что плохое здоровье Ивана III могло быть обусловлено инсультом. См.: Madariaga I. de. Ivan the Terrible: First Tsar of Russia. New Haven; London: Yale University Press, 2005. P. 23, 390 (n. 2). См. также: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 66.

⁴⁰ О Траханиотове и греках в Московии в начале XVI века см.: Croskey R. Byzantine Greeks in Late Fifteenth- and Early Sixteenth-Century Russia // The Byzantine Legacy in Eastern Europe / Ed. by L. Clucas. Boulder, 1988. P. 35–36; Флоря Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 123–143; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 247–248; Он же. Россия на пороге Нового времени. С. 67; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; Забелин И. Е. Домашний быт русских царств. С. 207; Карамзин Н. М. История. Т. 7. Прим. 402; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XVI–XVII вв. [далее – ДДГ] / Под ред. С. В. Бахрушина, Л. В. Черепнина. М., 1950. С. 362–363.

Когда Василий выбрал Соломонию Сабурову, Траханиотов, наверное, был весьма разочарован. Но он добился того, на что не рассчитывал, когда давал Василию свой совет (возможно, исходно это было не более чем планом женить царя на своей дочери), – положил начало почти двухвековому обычаю выбора царской жены посредством смотра невест⁴¹.

Герберштейн лично в Москве во время описываемых событий не присутствовал (он собрал информацию в ходе своих дипломатических миссий в Московию в 1517 и 1526 годах), а будучи иностранцем, еще и воспринимал вещи с точки зрения стороннего наблюдателя. Поэтому некоторые детали он трактовал неверно: имя невесты было Соломония, а не Саломея; имя ее отца – Юрий Константинович Сабуров, а не Иоанн Сапур; боярский чин он получил уже после (несомненно, по причине замужества дочери), а не раньше⁴². Но, невзирая на эти ошибки, отчет Герберштейна вполне правдоподобен⁴³. Как будет показано в данной главе, предложение Траханиотова было правильной идеей, возникшей в правильное время. Именно в начале XVI века великокняжеская династия столкнулась с досадной матримониальной проблемой. Те источники, где правящая династия подыскивала супругов, или полностью исчезли, или внезапно стали нежелательны. Эти сложности позволили тому, что эгоистично предлагалось Траханиотовым, превратиться в обычай, который почти два столетия обеспечивал царские браки, формировал политику при дворе и создавал проекцию тщательно продуманного образа монархической власти в России⁴⁴.

---

⁴¹ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 86–88, 110–111, 306–307. См. также: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 67.

⁴² О Юрии Константиновиче Сабурове см.: *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics. P. 142–143, 233; она осторожно предполагает, что он стал боярином между октябрем 1506 и сентябрем 1509 года. В других источниках утверждается, что он был боярином уже в 1506 году. См.: *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 49; *Kleimola A. M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // *Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh.* Columbus, 1985. P. 255; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: В 3 т. М.: АН СССР, 1952–1964. Т. 3. С. 68–72. Ср. с кн.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 195, где он указан только как окольничий с 1509 года и до смерти в 1511/1512 году.

⁴³ См. комментарий Андрея Плигузова в кн.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 306 (прим. 223).

⁴⁴ Современный и всесторонний анализ «Записок» Герберштейна дан в кн.: *450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999: Jubiläumsvorträge / Hrsg. F. Kämpfer u. R. Frötschner.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

Русские и византийские смотры невест

Если, как говорит Герберштейн, Юрий Траханиотов был тем, кто предложил смотры невест будущему Василию III, откуда он взял эту идею? Скорее всего, Траханиотов был еще очень юн, когда сопровождал своего отца, Дмитрия Траханиота, и дядю, Юрия по прозвищу Старый, в Московию в 1472 году в свите Софьи Палеолог⁴⁵. Был ли он знаком с историей Византии и сходными литературными сюжетами, которые могли вдохновить его? Были ли иные модели смотра невест, помимо византийских, для него примером? Имелись ли в Московии вдохновившие его источники? Или Траханиотов придумал эту идею с нуля?

В настоящее время существуют серьезные споры между учеными по поводу смотров невест в Византии. Споры начались сравнительно недавно – с публикации Уоррена Тредголда в 1979 году, в которой обосновывалась историчность пяти смотров невест в Византии между 788 и 882 годами⁴⁶. Шведский филолог Леннарт Рюден ответил своим исследованием смотров невест, доказывая, что все пять случаев, описанные Тредголдом, не имели места в действительности, а являются всего лишь византийским литературным сюжетом⁴⁷. Вскоре выдающиеся византологи заняли противоположные позиции: одни встали на защиту Тредголда⁴⁸, другие согласились с Рюденом, часто ссылаясь на скудность источниковой базы (три жития святых, три записи в хронике и речь на погребение)⁴⁹. Тредголд недавно снова вступил в бой, предложив убедительные и новые аргументы в пользу историчности смотра невест в Византии⁵⁰, но споры не утихают – ни одна из сторон не готова уступать.

Даже среди тех, кто считает смотры невест в Византии историческим фактом, все же нет согласия в вопросе их генезиса. Стивен Рансимен и Ромилли Дженкинс полагают, что эта традиция пришла в Византию от хазар, чья империя с VII до X века простиралась на территории Половецкой степи и Северного Кавказа и чьи правители, каганы, заключали брачные союзы

⁴⁵ См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 273.

⁴⁶ *Treadgold W. T.* Bride-Shows of the Byzantine Emperors // *Byzantion*. 1979. Vol. 49. P. 395–413. А также более ранняя его работа: *Idem.* The Problem of the Marriage of the Emperor Theophilus // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1975. Vol. 16. P. 325–341. По его мнению, пять смотров невест завершились браками: Константина VI и Марии Амнийской (788), Ставракия и Феофано (807), Феофила и Феодоры (830), Михаила III и Евдокии Декаполитиссы (855), Льва VI и Феофано (882). Тредголд не признает смотры невест, обнаруженные другими учеными. О Льве IV и Ирине (768) см.: *Bury J. B.* A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A. D. 802–867). London, 1912. P. 81; *Runciman S.* Some Notes on the Role of the Empress // *Eastern Churches Review*. 1972. Vol. 4. P. 120–121. О Льве VI и его третьей жене Евдокии Ваяне (900) см.: *Bourboulis Ph. P.* Studies in the History of Modern Greek Story-Motives. Thessalonike, 1953. P. 37; *Jenkins R.* Byzantium: The Imperial Centuries, A. D. 610–1071. New York, 1966. P. 215. См. также последователя Рансимена: *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols. P. 83.

⁴⁷ *Rydén L.* The Bride-Shows at the Byzantine Court – History or Fiction? // *Eranos*. 1985. Vol. 83. P. 175–191.

⁴⁸ В защиту аргументов Тредголда см.: *Hans L.-M.* Der Kaiser als Märchenprinz: Brautschau und Heiratspolitik in Konstantinopel 395–882 // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1988. Bd. 38. S. 46–52; *Dagron G.* Nés dans la pourpre // *Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d' Histoire et Civilisation byzantines*. 1994. Vol. 12. P. 105–142.

⁴⁹ *Speck P.* Eine Brautschau für Staurakios? // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1999. Bd. 49. S. 26–30; *Ludwig C.* Sonderformen byzantinischer Hagiographie und ihr literarisches Vorbild. Frankfurt am Main, 1997. S. 104–145; *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Frankfurt am Main, 1996. S. 42–43; *Afinogenov D. E.* The Bride-Show of Theophilus: Some Notes on the Sources // *Eranos (Acta Philologica Suecana)*. 1997. Vol. 95. P. 10–18; *Vinson M.* Romance and Reality in the Byzantine Bride-Show // *Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900* / Ed. by L. Brubaker and J. M. H. Smith. Cambridge, 2004. P. 102–120; *Eadem.* Rhetoric and Writing Strategies in the Ninth Century // *Rhetoric in Byzantium* / Ed. by E. Jeffreys. Aldershot, 2003. P. 9–22; *Eadem.* The Life of Theodora and the Rhetoric of the Byzantine Bride-Show // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1999. Bd. 49. S. 31–60; *Herrin J.* Women in Purple: Rulers of Medieval Byzantium. Princeton, 2001. P. 132–138, 170–172, 185, 190–191, 222–225, 237, 292 (n. 84). Херрин досадливо отмахивается от историчности византийских смотров невест, называя их то «риторическим упражнением», которое «не может быть чем-то иным, кроме литературного вымысла», то «парадом привлекательных молодых женщин», который «вполне мог проводиться» (Ibid. P. 134, 137, 172).

⁵⁰ *Treadgold T. W.* The Historicity of Imperial Bride-Shows // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2004. Bd. 54. S. 39–52.

с членами византийских, а возможно, и ранних русских «династий»⁵¹. Первый византийский смотр невест был организован императрицей Ириной Афинской (годы жизни: 752–803) для своего сына Константина VI (годы правления: 780–797). Согласно Рансиму и Дженкинсу, императрица Ирина была вдохновлена своей свекровью, Чичак, дочерью кагана Вирхора, в крещении нареченной Ириной перед свадьбой с будущим Константином V (годы правления: 741–775) и имевшей прозвище Хазарянка, аналогично чему и ее сын Лев IV (годы правления: 775–780) имел прозвище Хазар (см. схему 1). Но, как указывает Тредголд, «эта гипотеза не слишком надежна». Чичак/Ирина Хазарянка (умерла в 750-м) была уже мертва, когда ее внук выбирал себе в жены Марию Амнийскую на смотре невест в 788 году⁵². Чтобы произошла такая передача традиции от Хазарии к Византии, предполагаемая Рансименом и Дженкинсом, должно было идеально совпасть множество случайных обстоятельств. Как скептически выразился Тредголд, «Ирина Хазарянка могла рассказать своему сыну Льву [IV], который мог рассказать своей жене Ирине [Афинской] о смотрах невест, которые могли происходить в Хазарии»⁵³. Скептицизм Тредголда оправдан, особенно учитывая отсутствие какой-либо уверенности, что такой обычай был принят у самих хазар.

Тредголд предполагает, что существовало два возможных альтернативных источника для появления византийского смотра невест, оба из Византии же. Во-первых, он оспаривает тот факт, что византийская императрица Ирина Афинская утвердила обычай в 788 году в ответ на решение Карла Великого порвать помолвку между своей дочерью Ротрудой и сыном Ирины Константином VI. По мнению Тредголда, смотры невест функционировали как «утверждение императорского достоинства и самодостаточности с целью показать, что сын [Ирины] может благополучно жениться без помощи недостойных доверия и диких [barbaric] франков»⁵⁴. Во-вторых, Тредголд, между прочим, предполагает, что Ирина могла быть также (или вместо того) вдохновлена библейской Книгой Есфирь, во второй главе которой описан смотр невест. В любом случае ответственной за появление в Византийской империи смотра невест Тредголд считает Ирину Афинскую, а не Ирину Хазарянку, тем самым представляя этот ритуал не заимствованием, а местным изобретением. Как заключает ученый, «идея выбора для императора самой лучшей и самой красивой невесты путем соревнования не столь хитроумна, чтобы Ирина с советниками не могли придумать ее сами»⁵⁵.

⁵¹ Jenkins R. Byzantium. P. 98; Runciman S. Some Notes on the Role of the Empress. P. 120–121. См. также: Bourboulis Ph. P. Studies in the History of Modern Greek Story-Motives. P. 35. О русско-хазарских отношениях см.: Pritsak O. The Origin of Rus. Cambridge, 1981. V. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. P. 3–33, 84.

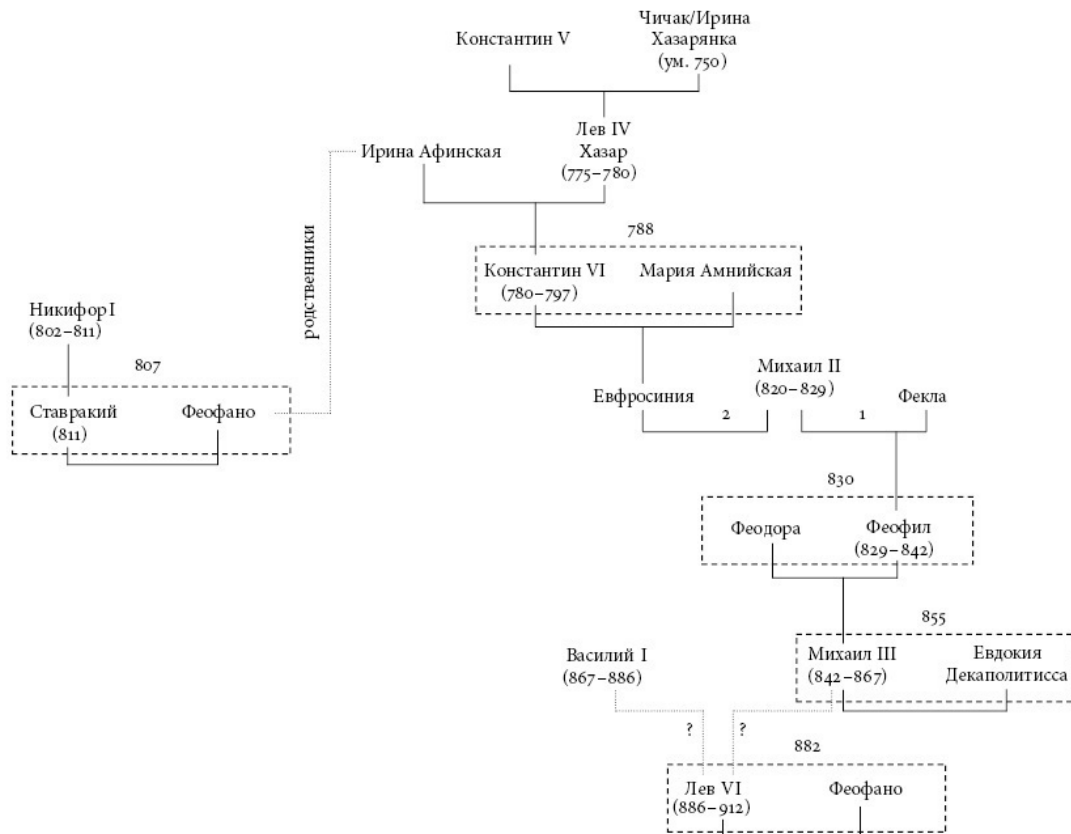
⁵² Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 100, 109–110; Ibn Fadlan's Journey to Russia: A Tenth-Century Traveller from Baghdad to the Volga River / Transl. by R. Frye. Princeton, 2005. P. 76.

⁵³ Treadgold W. T. Bride-Shows of the Byzantine Emperors. P. 398.

⁵⁴ Ibid. P. 397. См. также введение (Introduction) в работе: Fourmy M.-H., Leroy M. La Vie de S. Philarete // Byzantion. 1934. Vol. 9. P. 103.

⁵⁵ Treadgold W. T. Bride-Shows of the Byzantine Emperors. P. 398.

Схема 1. Пять византийских смотров невест

Добавим к предположениям Тредголда еще несколько возможных источников вдохновения для этой идеи. Один из них – отчеты о женитьбе императора Феодосия II на Афинаиде/Евдокии в 421 году. В отчете, сохранившемся в хронике («Хронографии») Иоанна Малалы, написанной через 150 лет после той свадьбы, сестра Феодосия II Пульхерия организует поиск невесты для императора среди дочерей аристократов в столице, а затем расширяет поиск, включив и простолюдинок. Свой выбор Пульхерия останавливает на девушке невысокого происхождения, но необыкновенно красивой – на Афинаиде, дочери языческого «философа». Феодосий II был сражен ее несравненной красотой и избрал Афинаиду себе в жены. Ее крестили под именем Евдокия и выдали замуж за императора, который был очень доволен. По другой версии – той, что запечатлена в «*Parataseis syntomoi chronikai*» («Краткие исторические очерки») приблизительно VIII века, – император оценил ум Евдокии (в дополнение к ее красоте), а также ум ее братьев, которые заслужили благодарность императора, когда перевели ему несколько запутанных надписей, выгравированных на античных руинах⁵⁶. В обеих версиях демонстрируется неожиданный поворот в знакомом сюжете смотра невест (жениху предоставлен только один вариант) и тем не менее отражены – процитируем Джудит Херрин – «центральные составляющие конкурса красоты и критерии отбора: необыкновенная красота юной девушки и полное пренебрежение ее происхождением»⁵⁷.

Еще один местный сюжет мог вдохновить императрицу – хорошо известный древнегреческий миф «Суд Париса». Рассказ менялся на протяжении веков как в греческой, так и в

⁵⁶ См.: The Chronicle of John Malalas / Transl. by E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. Melbourne, 1986. Bk. 14. P. 191–193; Constantinople in the Early Eighth Century: The Parataseis syntomoi chronikai / Ed. by A. Cameron, J. Herrin. Leiden, 1984. P. 141 (англ. пер.).

⁵⁷ Herrin J. Women in Purple. P. 135.

римской версиях, но ко II веку н. э. стал знакомой всем сказкой о конкурсе красоты, который проводил Зевс на свадьбе Пелея и Фетиды. Все боги Олимпа были приглашены на свадьбу, кроме Эриды. Разгневанная таким неуважением, она решила нарушить торжество и подкинула в толпу приглашенных золотое яблоко с надписью «прекраснейшей» (καλλίστη), правильно рассчитав, что среди богинь возникнет спор за это звание. Три богини – Афродита, Афина и Гера – попались на крючок и немедленно начали ссориться из-за яблока. Зевс воспользовался возможностью потешить собственное озорство и, избрав Париса (иногда его называют Александром), сына троянского царя Приама, решать спор богинь, попросил его указать красивейшую. Каждая из богинь пыталась купить голос Париса, но только Афродита знала, что может стать лучшей взяткой – рука прекрасной Елены, той, которую Парис на самом деле считал прекраснейшей. Он наградил яблоком Афродиту, и история продолжилась знаменитым циклом о Троянской войне⁵⁸.

Таким образом, византийские смотры невест, как предполагает Херрин, могут быть «византийской адаптацией „Суда Париса“»⁵⁹. Мотив золотого яблока появляется в хронике Симеона Логофета при описании третьего (согласно Тредгольду) византийского смотра невест, предпринятого в 830 году императором Феофилом⁶⁰. На смотре невест Феофил отдал предпочтение прекрасной и умной Кассии, но отверг ее, когда на меланхоличное размышление Феофила «Через женщину зло пришло в мир» она дерзко ответила: «Но через женщину и благое начинается». Император отдернул руку с яблоком, которое было символом его выбора, и передал его другой претендентке, Феодоре. Ассоциативная связь между золотым яблоком и судом Париса может быть косвенным образом найдена и в описаниях русских смотров невест. Рассказывая о выборе царем Алексеем Михайловичем второй жены на смотре невест 1671 года, польский дипломат Яков Рейтенфельс пишет о нем как о «справедливом Парисе»⁶¹.

Независимо от своего происхождения – миф о суде Париса, Книга Есфирь или фантазия императрицы Ирины Афинской, – византийские смотры невест, по всей вероятности, не были просто «литературным вымыслом» или «сюжетными линиями». Как считает выдающийся византолог Жильбер Дагрон, «в период VIII и IX веков выбор жены порфирородного, или, в более общем смысле, юного наследного принца, был поводом устроить любопытный „конкурс красоты“, который описан в независимых источниках, числом составляющих дюжину или около того. Эти отчеты, хотя они и превратились с легкостью в притчи и вобрали многообразную символику мирового фольклора, с большой вероятностью можно считать правдивыми. При сравнении источников невозможно игнорировать их как чистый вымысел, а описываемые эпизоды составляют последовательную серию с 788 по 882 год»⁶². Как в большинстве хороших сказок, зерно исторической правды есть и в представленных мифах⁶³.

⁵⁸ Для начального знакомства с мифом о суде Париса см. следующие источники: фрагменты «Киприи», в частности фрагмент 1 (язык оригинала – греческий, VII–VI века до н. э.), в кн.: *Hesiod, Homer. Hesiod, the Homeric Hymns, and Homeric Hymns* / Transl. by H. G. Evelyn-White. Charleston, S. C., 2007. P. 239; «Героиды» Овидия (латынь, I век до н. э. – I век н. э.) в кн.: *Ovid. Heroides and Amores* / Transl. by G. Showerman. Cambridge, 1958. P. 201–203; «Фабулы» (или «Мифы») Псевдо-Гигина (латынь, II век н. э.) в кн.: *Hyginus. The Myths of Hyginus* / Transl. by M. A. Grant. Lawrence, 1960. P. 82–83; «Библиотеку» Псевдо-Аполлодора (греческий, II век н. э.) в кн.: *Apollodorus. The Library of Greek Mythology* / Transl. by K. Aldrich. Lawrence, KS, 1975. P. 94; «Диалоги богов» Лукиана (греческий, II век н. э.) в кн.: *Lucian. Lucian's Dialogues* / Transl. by H. Williams. London, 1907. P. 38–48.

⁵⁹ *Herrin J. Women in Purple*. P. 137.

⁶⁰ *Treadgold W. T. Bride-Shows of the Byzantine Emperors*. P. 402–403; *Idem. The Problem of the Marriage of the Emperor Theophilus*. P. 327; *Silvas A. M. Kassia the Nun ca. 810–865: An Appreciation // Byzantine Women: Varieties of Experience, AD 800–1210* / Ed. by L. Garland. Aldershot, 2006. P. 17–40 (особенно 20–21, где она эвфемистически называет смотры невест «судом Париса»).

⁶¹ *Рейтенфельс Я.* Сказание святлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете [далее – ЧОИДР]. 1905. Кн. 3 (214). С. 1–137 (цит. 81). Окончание записок Рейтенфельса см.: Там же. М., 1906. Кн. 3 (218). С. 129–228.

⁶² *Dagron G. Emperor and Priest: The Imperial Office in Byzantium* / Transl. by J. Birrell. Cambridge, 2003. P. 47–48.

Вероятно, не только в Московии переняли византийскую идею смотра невест. Есть все основания полагать, что император Людовик I Благочестивый из династии Каролингов подражал византийской практике, когда в 819 году выбрал Юдифь, дочь графа Вельфа I, согласно *Анналам королевства франков*, «после тщательного обследования многих благородных дочерей»⁶⁴. Биография «*Vita Hludowici imperatoris*» («Жизнь императора Людовика»), созданная вскоре после его смерти в 840 году, описывает смотр невест даже более четко, сообщая, что «после обследования благородных дочерей, прибывших отовсюду, он женился на Юдифи, дочери наиболее благородного графа Вельфа»⁶⁵. Хотя некоторые игнорируют это свидетельство, в современной работе о византийском влиянии на двор Каролингов высказано предположение не только о том, что эти тексты описывают смотр невест в Аахене, но и о том, что его организаторов вдохновила византийская практика их времени⁶⁶.

Смотры невест существовали и за пределами сферы влияния Византии. Китайские императоры проводили смотры начиная, возможно, еще с монгольской династии Юань (1271–1368) и совершенно точно при династии Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). Императоры династии Юань предпочитали жениться на представительницах монгольской элиты, но при этом использовали процедуру, напоминающую смотры наложниц для пополнения императорского гарема⁶⁷. Марко Поло (1254–1324) описывает смотры невест (или будущих наложниц), устроенные для сыновей Кублай-хана (Хубилая, династия Юань): «Каждые два года, а иногда и чаще, в зависимости от его желания, Великий Хан посылает своих чиновников, которые собирают для него сто или больше самых красивых молодых девушек»⁶⁸. Традиции поменялись при династии Мин. Согласно Эллен Сульер, «в стремлении радикально уйти от своих предшественников династия Мин сознательно и последовательно утвердила политику выбора брачных партнеров для членов императорской фамилии среди семей, не имеющих общественного влияния»⁶⁹. И методом, который они использовали для выбора невесты из среднего класса, был смотр невест. Хуан Гонсалес де Мендоса (1540–1617) описал один из таких смотров для сыновей императора династии Мин. По словам Мендосы, император организовал пир, «на который

⁶³ О литературных «нитях» см.: *Bourboulis Ph. P. Studies in the History of Modern Greek Story-Motives*. P. 40–52. О близком мотиве истории Золушки см.: *Cinderella: A Casebook* / Ed. by A. Dundes. New York: Wildman, 1983; *Cox M. R. Cinderella: Three Hundred and Forty-Five Variants of Cinderella, Catskin, and Cap o' Rushes, Abstracted and Tabulated, with a Discussion of Medieval Analogues, and Notes*. Nendeln, 1967; *Rooth A. B. The Cinderella Cycle*. Lund, 1951; *Thompson S. Motif-Index of Folk Literature: A Classification of Narrative Elements in Folk-Tales, Ballads Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempia, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends: In 6 vols. Bloomington, 1932–1936*. Vol. 3. P. 389–390, 396; Vol. 5. P. 14.

⁶⁴ Оригинальный текст гласит: «...inspectis plerisque nobilium filiiabus». См.: *Annales Regni Francorum, inde ab a. 741. usque ad a. 829., qui dicuntur Annales Laurissenses Maiores et Einhardi* / Ed. by F. Kurze. Hanover, 1895. P. 150 (s. a. 819). На англ. яз. см.: *Carolingian Chronicles: Royal Frankish Annals and Nithard's Histories* / Transl. by B. W. Scholz and B. Rogers. Ann Arbor, 1972. P. 105.

⁶⁵ В оригинальном тексте – «undecumque adductus procerum filias inspiciens, Iudith filiam Uuelponis nobilissimi comitis in matrimonium iunxit». См.: *Thegan. Die Taten Ludwigs (Gesta Hludowici imperatoris), and Astronomus. Das Leben Kaiser Ludwigs (Vita Hludowici imperatoris)* / Ed. by E. Tremp; published together. Hanover: Hahnsche Buchhandlung, 1995. P. 392.

⁶⁶ Скептическая точка зрения на каролингский смотр невест 819 года представлена в работе: *Jong M. de. Bride Shows Revisited: Praise, Slander and Exegesis in the Reign of the Empress Judith // Gender in the Early Medieval World: East and West*. P. 257–277. О влиянии Византии на каролингский Запад см.: *McCormick M. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West*. Cambridge, 1986. P. 362–384; *Idem. Byzantium and the Early Medieval West: Problems and Opportunities*. // *Europa medievale e mondo bizantino: contatti effettivi e possibilità di studi comparati* / Ed. by G. Arnaldi, G. Cavallo. Rome, 1997. P. 1–17; *Idem. Byzantium and the West, A. D. 700–900 // New Cambridge Medieval History* / Ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. Vol. 2. P. 349–380; *Idem. Diplomacy and the Carolingian Encounter with Byzantium down to the Accession of Charles the Bald // Eriugena: East and West. Papers of the Eighth International Symposium of the Society for the Promotion of Eriugenean Studies* / Ed. by B. McGinn, W. Otten. Notre Dame, IN, 1994. P. 15–48.

⁶⁷ См.: *Ebrey P. B. Women and the Family in Chinese History*. London, 2003. P. 177–193; *Holmgren J. Imperial Marriage in the Native Chinese and Non-Han State, Han to Ming // Marriage and Inequity in Chinese Society* / Ed. by R. S. Watson, P. B. Ebrey. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 58–96; *Soullière E. The Imperial Marriages of the Ming Dynasty // Papers on Far Eastern History*. 1988. Vol. 37. P. 15.

⁶⁸ *Polo M. The Travels of Marco Polo: The Marsden Translation*. P. 143–145.

⁶⁹ *Soullière E. The Imperial Marriages of the Ming Dynasty*. P. 23–24.

он пригласил всех высших чиновников и благородных мужей двора, приказав им прибыть со своими сыновьями и дочерьми», и те «все исполнили, стремясь одеть своих детей наиболее богато и галантно. Пир подошел к концу, молодые принцы устремились к молодым девушкам, которые были расставлены по возрасту, и каждый выбрал себе жену по своей воле и желанию и какая ему больше полюбилась»⁷⁰.

Собственные китайские источники подтверждают наблюдения путешественника. И хотя со временем процедура менялась, обычно издавался указ, призывающий тех, кто имеет подходящих дочерей, явиться с ними в столицу для проверки. Например, по императорскому (династия Мин) указу в 1381 году должны были явиться кандидатки из «хороших семей», но не из высших слоев придворного или провинциального чиновничества. Последующие призывы могли быть адресованы более широкому кругу (включая «больших и малых служащих»), и тем не менее девушки из высокопоставленных семей обычно были исключены из набора претенденток⁷¹. Династия Мин устраивала также смотры женихов: по всей империи искали юношей, опять-таки из низких социальных слоев, в качестве потенциальных мужей для дочерей китайского императора, и выбор осуществлялся, очевидно, исключительно по внешности. Португальский иезуитский миссионер Альваро Семедо (1585–1658) описал эти смотры женихов как последовательность из нескольких этапов: поиск «наиболее симпатичного и соблазнительного» юноши в империи возрастом 17–18 лет; начальный отсев, доводящий число претендентов до двенадцати; оценка их принцессой, оставляющей двоих финалистов, и наконец окончательный выбор самим императором⁷². При династии Мин целью исключения сыновей и дочерей высокопоставленных придворных из участия в смотрах женихов и невест для членов императорской фамилии было контролировать власть родни, которая, как показал китайский опыт, могла временами оказывать губительное влияние на события при дворе⁷³.

Сходное беспокойство по поводу родни сформировало политику в отношении браков императора и отбор невест во время правления династии Цин. Эта династия отказалась от смотров женихов для принцесс, которые вновь начали выходить замуж за высокородных мужчин⁷⁴. Но смотры невест стали формализованными больше, чем когда-либо. Каждые три года (хотя были периоды, когда традиция прерывалась) осуществлялся проект *xiumi* (*шюнь*: «прекрасные девицы»): на всю империю раздавался призыв к отцам семейств восьми знамен (военная элита) явиться в столицу с дочерьми возрастом от 13 до 16 суй (система подсчета возраста в Китае, соответствует примерно 14–17 годам по европейскому исчислению) для испытаний⁷⁵. Молодые девушки, прошедшие начальный отбор, составляли группу, из которой император выбирал себе супругу⁷⁶. Эвелин Равски подсчитала, что порядка 76% императорских жен прошло процедуру выбора девиц (*xiumi*)⁷⁷. К тому же ежегодно проводились сходные процедуры отбора на вакансии служанок во дворце для девушек 13 суй и старше. Критериями отбора были

⁷⁰ *Mendoza J. G. de. The History of the Great and Mighty Kingdom of China and the Situation Thereof. In 2 vols / Transl. by R. Parke; ed. by Sir G. T. Staunton. London, 1853–1854. Vol. 1. P. 65–66.*

⁷¹ *Soullière E. The Imperial Marriages of the Ming Dynasty. P. 23–24.*

⁷² *Semedo A. The History of the Great and Renowned Monarchy of China. London, 1655. P. 120–121; Soullière E. The Imperial Marriages of the Ming Dynasty. P. 21–22.*

⁷³ См.: *Ebrey P. B. Introduction // Marriage and Inequity in Chinese Society. P. 2–6, 8–11.*

⁷⁴ *Wang Sh. Qing Imperial Women: Empresses, Concubines, and Aisin Gioro Daughters // Servants of the Dynasty: Palace Women in World History. P. 152.*

⁷⁵ О *xiumi* см.: *Wang Sh. The Selection of Women for the Qing Imperial Harem // Chinese Historical Review. 2004. Vol. 11. № 2. P. 212–222.*

⁷⁶ См. газетные репортажи об императорских свадьбах династии Цин, современные описываемым событиям: *An Imperial Wedding. The Emperor of China Has Taken unto Himself Several Wives // New York Times. 1872. December 26; Imperial Nuptials. How the Wife of the Chinese Emperor Has Been Chosen // Ibid. 1887. July 11.*

⁷⁷ *Rawski E. Ch'ing Imperial Marriage and Problems of Rulership // Marriage and Inequity in Chinese Society. P. 187; Eadem. The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley; Los Angeles, 1998. P. 131.*

вовсе не навыки белошвейки, или талант в искусстве, или умения в ведении хозяйства. Оценивалась только сексапильность. Некоторые из этих женщин – 16%, по подсчетам Равски, – позже будут выбраны императорами в супруги, а в самых редких случаях, если император был очень доволен девушкой, она могла стать императрицей⁷⁸.

Таким образом, смотры невест в Китае, Византии и Московии отличаются сходной политикой и приоритетами, включая, например, поиск по всей стране, предпочтение девушек, не принадлежащих к придворной среде, а также озабоченность по поводу новой родни – ее власти и влияния⁷⁹. Другими словами, независимо от места и времени появления, традиция смотра невест, по всей видимости, связана с тревогами и противоречиями (и служит для их сглаживания), рожденными политической системой, в которой родство является доминантой. И в Византии, и в Китае, и в Московии смотры невест шли рука об руку с брачной политикой.

Разумеется, это не говорит о том, что у всех смотров невест «одна и та же ДНК». Несмотря на несколько попыток, нет ни одного примера успешной демонстрации распространения этой традиции из Китая в противоположный конец континента, как и успешной демонстрации обратного процесса. Фотин Бурбулис, отметившая, что «императорский смотр невест ни в коей мере не является эксклюзивной византийской традицией», предприняла попытку поместить русские и византийские смотры невест в широкий евразийский контекст, находя этот обычай у «татар» (она имела в виду монголов), в Древнем и современном Китае (уже с VIII века), Оттоманской империи, Древнем Вавилоне и, благодаря Книге Есфирь, в Древней Персии⁸⁰. Феномен смотра невест получил у Бурбулис широкое и нечеткое определение, и в итоге она развела руками не в силах ответить на вопрос о происхождении обычая: «Мы не можем решить, – признает она с видимым отчаянием, – является ли китайский смотр невест привнесенным от татар в результате продолжительных контактов двух народов даже до начала нашей эры или наоборот»⁸¹. Сравнительно недавнее исследование Дональдом Островски кросс-культурных заимствований между Московией и ее восточными соседями также привело его к вопросу о генезисе обычая смотра невест в Московии. Он предположил, что «непосредственным предшественником смотра невест» в Московии «мог быть либо византийский, либо степной» обычай. Он рискнул выдвинуть гипотезу, что, если этот ритуал существовал у татар, он мог быть почерпнут из степных практик показа хану пленниц после битвы. «Все это, – признает Островски, – целиком домыслы»⁸². Можно обозначить ситуацию более решительно: за исключением перенятия обычая от Византии к Московии (через Траханиотова) и от Византии же к Каролингам (через культурные и дипломатические контакты во время правления Людовика Благочестивого), нет ни единого свидетельства кросс-культурного заимствования смотра невест на евразийском пространстве. Игорь Шевченко был, разумеется, прав, когда отклонил как то, о чем не может быть и речи, любые представления о заимствовании Византией данного обычая из Китая или откуда-либо еще и как «спорные» все предположения, что Московия могла перенять этот обычай из Монголии или из Китая через Монголию⁸³.

⁷⁸ Wang Sh. *Qing Imperial Women*.

⁷⁹ Holmgren J. *Imperial Marriage*. P. 75; Soullière E. *Reflections on Chinese Despotism and the Power of the Inner Court // Asian Profile*. 1984. Vol. 12. № 2. P. 132–134.

⁸⁰ Bourboulis Ph. *P. Studies in the History of Modern Greek Story-Motives*. P. 15–39 (цит. – P. 15).

⁸¹ Ibid. P. 30.

⁸² Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. P. 83.

⁸³ С этим комментарием Игорь Шевченко выступил во время заседания «Early Slavic Seminar» в Центре Дэвиса в Гарвардском университете 10 апреля 2009 года. Литература о заимствованиях Московией из Византии значительна и затрагивает вопросы и политические, и культурологические. См., например, следующие работы и библиографии в них: Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*; Cherniavsky M. *Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. № 4. P. 459–476; Дубакун Д. Н. О влиянии Византии на семейный быт русского общества // *Христианское чтение*. 1881. № 3–4. С. 354–362. См. также короткий, но элегантный обзор родства в Московии и Византии в кн.: Oakley F. *Kingship: The Politics of Enchantment*. Malden; Oxford: Blackwell, 2006. P. 83–86.

Свидетельства Герберштейна о смотре невест позволяют сделать вывод, что Московия его не «сама выдумала», как это было в Византии, а ввела с подачи Траханиотова в 1505 году для царя Василия III. Что касается вопроса о предмете, натолкнувшем Траханиотова на эту мысль, то ведь он имел доступ ко множеству византийских и древнегреческих источников, но также мог быть вдохновлен и тем же самым источником, что и Ирина Афинская столетием ранее, только в русской его трактовке. Один из таких возможных источников – славянский перевод хроники Иоанна Малалы, сделанный в X веке, скорее всего в Болгарии, а затем частично включенный в летописи восточных славян. Переведена была в том числе и книга 14-я (история Феодосия II и Афинаиды/Евдокии), поэтому сюжет со смотром невест мог быть хорошо известен хранителям данного текста⁸⁴.

Другим, более вероятным источником, вдохновившим Траханиотова в 1505 году, могла быть библейская Книга Есфирь, которая, как считает Тредголд, также могла вдохновить и Ирину Афинскую. Пользоваться Геннадиевской Библией (первый полный славянский перевод книг Ветхого и Нового Заветов с латинской Вульгаты) стало возможно с 1499 года, всего за несколько лет до первого смотра невест в Московии. Геннадиевская Библия включала и славянскую версию Книги Есфирь, которая до этого не была широко распространена в Московии. В скором времени Геннадиевская Библия сделалась стандартным текстом для литургической практики, поэтому несложно представить, что вторая глава Книги Есфирь могла стать известна за пределами клира, занимавшего восточную от иконостаса сторону в монастырях и церквях⁸⁵. Установлено, что архиепископ Геннадий Новгородский, который инициировал перевод Библии и руководил им, контактировал с Дмитрием и Юрием Траханиотовыми (отцом и сыном) и даже, как и они, был связан с кремлевским Чудовым монастырем, где являлся архимандритом и где Юрий дал монашеские обеты (став Геннадием) в 1520 году⁸⁶. Эта связь могла способствовать большему знакомству с текстом Геннадиевской Библии, включая вторую главу Книги Есфирь, чем было бы при других обстоятельствах⁸⁷.

И все же, независимо от источников вдохновения Траханиотова, остается вопрос: что Иван III, Василий III и круг их советников нашли привлекательным в смотре невест? Мотивы Траханиотова, скорее всего, были связаны с семьей: он пытался женить Василия на своей дочери, как считает Герберштейн. Что касается мотивации Ивана III и Василия III, то важная подсказка содержится опять-таки в записках Герберштейна. Как он пишет, Василий «решил... сочетаться лучше с дочерью кого-нибудь из своих подданных, чем с иностранкой, отчасти имея в виду избежать чрезвычайных расходов, отчасти не желая иметь супругу, воспитанную в чужеземных обычаях и в иной вере». Доводы о тратах и культуре убедили Василия и его советников ограничиться при поисках невесты православными россиянками. Как показывал предыдущий опыт, для беспокойства по поводу браков с иностранцами имелись веские причины.

⁸⁴ См. библиографию в кн.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. С. 471–474.

⁸⁵ Литература о Книге Есфирь и Геннадиевской Библии обширна. См., например: *Lunt H. G., Taube M. The Slavonic Book of Esther: Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation*. Cambridge, 1998; *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1. С. 145–146; *Altbauer M., Taube M. The Slavonic Book of Esther: When, Where, and from What Language Was It Translated?* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1984. V. 8. P. 304–320; *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1.

⁸⁶ См.: *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols*. P. 231; *Плигузов А. И., Тихонок И. А.* Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // *Естественнонаучные представления Древней Руси*. М., 1988. С. 51–75; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 208–211.

⁸⁷ Другое греческое имя, упоминаемое в связи с текстом Книги Есфирь, – Максим Грек (1475–1556), переводчик библейских и богослужебных текстов и видный деятель при великокняжеском дворе. Моше Таубе и Хью Олмстед убедительно доказывают, что Максим Грек, вероятнее всего, был переводчиком новой славянской версии так называемой «Повести о Есфири». См.: *Taube M., Olmsted H. M.* «Povest' o Esfiri»: The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // *Harvard Ukrainian Studies*. 1987. Vol. 11. № 1/2. P. 100–117.

Елена Ивановна и Александр Литовский

Смотр невест как механизм для отбора русской невесты появился вскоре после свадьбы в 1495 году дочери Ивана III Елены и великого князя Литовского Александра Ягеллончика. Этой женитьбой обе стороны пытались закрепить мир между Россией и ее западным соседом, установившийся после постоянных военных столкновений на границе, происходивших с 1487 года. Практически всегда агрессором выступала Московия, чьей задачей было присоединить ключевые приграничные города Литвы, что позволило бы армии Ивана III занять выгодную позицию для последующего удара по Смоленску, «буферу» между Москвой и Вильной (Вильнюсом), столицей Литвы. К 1492 году литовцы жаждали перемирия, но смерть тем летом Казимира IV, великого князя Литовского и короля Польского, помешала этому. Военные действия вновь разгорелись и утихли, только когда Москва заняла стратегически важный город Вязьму, расположенный в зоне досягаемости Смоленска⁸⁸.

В условиях отступления войск и внутреннего политического перехода власти новый правитель Литвы, великий князь Александр (сын Казимира IV), обратился к Ивану III с предложением о мире. Через несколько месяцев после смерти Казимира IV литовцы направили делегацию одновременно с просьбой о мире и с предложением династического брака между Александром и дочерью Ивана III Еленой⁸⁹. Но Иван III на тот момент был нацелен на взятие Вязьмы и не хотел торопиться с перемирием. Тем не менее к весне 1493 года, твердо имея в руках уже и Вязьму, и несколько других городов, Иван III выразил готовность более серьезно обсудить условия мира, тем более что хотел извлечь из него выгоду: получить признание территориальных приобретений и, что, возможно, было для него даже важнее, признание своего нового титула «государь всея Руси»⁹⁰. Официальные переговоры между сторонами начались весной 1493-го и продолжались до следующего года. И хотя обе стороны по собственным причинам хотели мира, одна проблема задерживала принятие соглашения: Иван III настаивал, чтобы его дочь оставалась православной, но Александр не менее упрямо настаивал на ее переходе в католичество. В конце концов литовцы, тщетно ждавшие, что поляки, которыми правил брат Александра, выступят войском на стороне князя Литовского, согласились и на территориальные уступки, и на принятие нового титула Ивана III. Частью договора было и то, что Александр берет в жены Елену и обещает не настаивать на ее переходе в католичество.

6 февраля 1494 года с соблюдением всех оговоренных условий Елена Ивановна была обручена с Александром Литовским. Обручение совершил по православному чину православный священник⁹¹. Александр на этом действе, конечно, не присутствовал – его представлял литовский дворянин Станислав Янович Кезгайло. Православные священники произнесли молитвы о соединении пары, благословили кольца, которыми, равно как и золотыми крестами

⁸⁸ См.: *Stevens C. B. Russia's Wars of Emergence, 1460–1730.* Harlow, 2007; *Fennell J. L. I. Ivan the Great of Moscow.* London, 1963. P. 132–159; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 1952. С. 239–281; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. Ч. I: Сношения великих князей Иоанна Васильевича и Василия Иоанновича с императорами Германскими Фридрихом III и Максимилианом I, 1488–1517. Стлб. 1–154.

⁸⁹ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I: С 1487 по 1533 год // Сборник Императорского Русского исторического общества [далее – Сб. РИО], СПб., 1882. Т. 35. С. 71–188 (№ 17–35); *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. P. 251–266; *Бережков М. Н.* Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская.

⁹⁰ См.: *Alef G.* Was Grand Prince Dmitrii Ivanovich Ivan III's «King of the Romans»? // *Essays in Honor of A. A. Zimin.* P. 94–96; *Szefel M.* The Title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century // *Canadian-American Slavic Studies.* 1979. Vol. 13. № 1–2. P. 59–81; *Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV века // История СССР. 1974. № 5. С. 134–136.

⁹¹ См.: *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1. С. 62; Сб. РИО. Т. 35. С. 120–124 (фрагм. XI–XIV).

на цепочках, обменялись «жених» и невеста. Для Ивана III обручение было хорошим началом его далеко идущих планов, связанных с этой женитьбой. Елена Ивановна оставалась православною и, как предположил Джон Феннел, должна была стать потенциальным «объединяющим фактором» для православных русских подданных Александра, чтобы те «дезертировали в Москву»⁹². Для Александра обручение и женитьба означали гарантию хотя бы временного перемирия с Московией – необходимую передышку в нескончаемой войне.

За обручением последовало посольство от Ивана III в Вильну (оно выехало в марте и прибыло на место в апреле) для заключения перемирия и обсуждения деталей женитьбы Александра и Елены Ивановны. В обоих случаях – в феврале в Москве и в апреле в Вильне – переговоры Ивана III требовали письменных обещаний Александра не склонять Елену к переходу в католицизм. И литовское посольство, прибывшее в Москву в ноябре 1494 года, выразило согласие: грамота «от великого князя Александра, дана с печатью, его тестю великому князю Ивану [III] о его дочери Елене, что он не будет заставлять ее перейти в римскую веру, но разрешит ей сохранить ее веру согласно греческому закону»⁹³. С получением на руки такого твердого обещания последние преграды к миру были устранены.

В качестве невесты Александра Елена отправилась к своей новой жизни 15 января 1495 года. Выехав из подмосковного села Дорогомилова, она продолжила свой путь через Смоленск, Витебск, Полоцк и полдюжины других городов между ними и прибыла в Вильну 15 февраля⁹⁴. Она путешествовала с большой свитой, в которую входили боярин князь Семен Иванович Ряполовский, боярин Михаил Яковлевич Морозов по прозвищу Русалка, дьяк Василий Кулешин и «много других князей и придворных детей боярских», а также многие из их жен⁹⁵. По мере продвижения Елены на запад через города Московии и Литвы ее встречали светские и религиозные высокие чины, для нее служили церковные службы, ее одаривали подарками («поминками»), которые добавлялись к раздутым возам с дарами ее отца Александру и с ее собственным приданым⁹⁶.

Содержимое возов каравана Елены известно из по большей части неопубликованных описей, составленных от руки во время ее путешествия на запад⁹⁷. В них перечислено приданое Елены, личные вещи и другие предметы, которые могли понадобиться ей в новом доме. Сюда входило большое количество традиционных для Московии костюмов: пять шуб, семь тулупов, ожерелья, шесть летников, русские сандалии и обувь, множество колец, брошей, серег, зеркало, а также бесчисленные рулоны ткани и неоправленные драгоценные камни, вероятно, с тем чтобы портнихи могли сделать ей новую одежду, используя знакомые Елене материалы и орнаменты. Среди личных вещей на ее возах находилось великое множество религиозных предме-

⁹² *Fennell J. L. I. Ivan the Great of Moscow*. P. 162–163; Сб. РИО. Т. 35. С. 138–144 (№ 25), 160–163 (фрагм. I–VI).

⁹³ Эта грамота хранилась в Царском архиве и значится в более поздних описях: Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 36 (ящик 183), 61 (л. 48–48 об.), 65 (л. 63 об. – 64); Опись архива Посольского приказа 1626 года / Под ред. С. О. Шмидта; подгот. к печ. В. И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1. С. 85 (л. 93 об. – 94), 255 (л. 420); Опись архива Посольского приказа 1673 года / Под ред. С. О. Шмидта; подгот. к печ. В. И. Гальцов. М., 1990. Ч. 1. С. 150–252 (л. 286 об. – 290 об.). Цитата из описи 1626 года.

⁹⁴ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся [далее – ДРВ]: В 20 ч. / Изд. Н. Новиковым. М., 1788–1791. Ч. 14. С. 5–15.

⁹⁵ ДРВ. Ч. 14. С. 2; Сб. РИО. Т. 35. С. 163–164 (фрагм. VII).

⁹⁶ ДРВ. Ч. 14. С. 5–11.

⁹⁷ Описи включают фрагментарный оригинал и две полные, хотя и более поздние копии. Оригиналы см. в: Российский государственный архив древних актов [далее – РГАДА]. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 1. Он опубликован: *Хорошкевич А. Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1984. № 5. С. 29–34. Копии см. в: Библиотека Российской академии наук [далее – БАН]. 16.15.15. Л. 1–26 об.; 32.4.21. Л. 6 – 23 об. Об этих описях см.: *Martin R. E.* Muscovite Royal Weddings. P. 77–189 (особенно 81–86); *Idem.* Gifts for the Bride: Dowries, Diplomacy, and Marriage Politics in Muscovy // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2008. Vol. 38. № 1. P. 119–145. Дипломатические отчеты и связанная с ними корреспонденция об этом браке представлены в: ДРВ. Ч. 14. С. 1–4; Разрядная книга 1475–1605 гг.: В 3 т. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1977–1989. Т. 1. С. 40–42; Сб. РИО. Т. 35. С. 157–171 (№ 30–31).

тов, включая шесть крестов и шесть икон. Иконы обозначены поименно: Св. Георгия Победоносца, Спасителя, Богородицы, Архангелов Михаила и Гавриила, Св. Фотинии Самаритянки и триптих из икон Спасителя, Богоматери и Св. Мины. Среди предметов, данных Елене для свадебного ложа, была огромная икона Божьей Матери с Младенцем и три иконы, взятые «от принадлежностей князя Андрея» (вероятно, князя Андрея Васильевича Меньшого, младшего брата Ивана III): триптих из образов Спасителя, Свв. Архангелов Михаила и Гавриила и Свв. Николая, Петра и Сергия. Затем икона, иллюстрирующая псалом 148, – «Хвалите Господа с небес»⁹⁸ и икона Благовещения⁹⁹. Высоки были ожидания, что Елена останется православной и ее покои будут украшены привычными религиозными предметами. И все же некоторые в таком выборе икон, отсылаемых с Еленой, видят показатель тревоги: тут и символ московского суверенитета и победы православия над неправославными (св. Георгий), и египетский христианин III века в рядах римской армии, отказавшийся отречься от Христа и принявший мученическую смерть (св. Мина), и женщина у колодца (Ин. 4: 1–30), которая выступает в качестве модели целомудрия (в ее случае обретенного вновь), а также, будучи самаритянкой, представляет верность своей вере в чужой стране (св. Фотиния Самаритянка). Тема фертильности тоже была отражена в иконах – в изображениях Благовещения, Богоматери и Рождества. Итак, иконы, которые везла Елена, предназначались не только для молитв, но и для живого напоминания ей о решимости ее отца видеть дочь православной.

Много предметов Елена взяла исключительно для свадебной церемонии. Например, привезла кикю (традиционный головной убор, который носили замужние женщины), а также предметы для свадебного ложа: подушки, наволочки, одеяла, занавеси для кровати (использовавшиеся, вероятно, с балдахинном) и три ковра, которые было принято в Московии стелить под постель новобрачных. Кроме того, Елена везла подарки своему будущему мужу, многие, по всей видимости, тоже для свадебной церемонии: золотой крест с изображениями святых, золотую цепь («чепь золота») и традиционную русскую одежду – шубу, узорчатый пояс, кожух. Остальные подарки жениху предназначались для ритуальной бани на утро второго дня свадьбы: другая шуба, терлик (вид кафтана), опашень (легкая верхняя одежда), ожерелье и чаша¹⁰⁰. Иван III также оправил Александру жеребца, подкованного и с потником под седло, – вероятно, для многих, как предполагал отец невесты, перемещений Александра во время свадебной церемонии. Очевидно, Иван III ожидал, что Александр наденет традиционный русский костюм, по крайней мере на некоторые части церемонии. Он ожидал, что тот совершит ритуальное омовение и наденет после этого то, что полагалось надеть жениху. Он ожидал, что жених будет перемещаться верхом на жеребце – именно так, как это происходило во время царских свадеб в Московии¹⁰¹. Несомненно, эти подарки были переданы Александру, чтобы он мог сыграть роль, которую ему предназначил Иван III, – роль царственного жениха на русской православной свадьбе.

Делегация от Александра встретила Елену со свитой в литовском пограничном селении Неиж [соврем. Нямежис. – *Прим. ред.*]. Здесь и появились первые признаки беды. Посланник Александра Ян Заберезенский сообщил боярам из свиты Елены, что свадебная церемония состоится не в православной церкви в Вильне, а в римско-католическом соборе Св. Станислава. Бояре стали протестовать, ссылаясь на согласие Александра уважать религию Елены, включая православные свадебные обряды. Но литовцы стояли на своем. Со все растущим накалом страстей процессия продолжила путь в Вильну¹⁰².

⁹⁸ На этой редкой иконе, названной по первой строке 148-го псалма, изображены все творения Господа, восхваляющие его, и святые, расположенные в несколько рядов вокруг Христа, восседающего на троне.

⁹⁹ БАН. 16.15.15. Л. 3 об. – 5, 15–15 об., 17 об. – 18.

¹⁰⁰ БАН. 16.15.15. Л. 1–3; 32.4.21. Л. 6 – 7 об.

¹⁰¹ Примеры процессий с женихом на коне см. в: ДРВ. Ч. 13. С. 2–3, 28, 38, 56–57, 95 и далее.

¹⁰² Там же. Ч. 14. С. 11.

По прибытии невесты 15 февраля в Вильну напряжение только возросло. Елена немедленно отправилась в русскую православную церковь Рождества Пресвятой Богородицы отслушать молебен. Александр, который сопровождал Елену на последнем этапе ее путешествия, направился напрямик в католический храм Св. Станислава. В православной церкви архимандрит Троицкого монастыря в Вильне (и митрополит Киевский) Макарий провел богослужение, после которого Еленой были соблюдены ритуалы, считавшиеся необходимыми в Московии. Волосы Елены были расчесаны, и вместо одной косы незамужней девушки были заплетены две косы замужней женщины, на голову надели кичу и покрывало, невесту осыпали хмелем, а православный священник Фома (духовный отец Ивана III) произнес молитвы на вступление в брак и благословил ее крестом¹⁰³. Затем невеста, одетая в лучшие наряды, привезенные из Москвы, присоединилась к процессии, возглавляемой отцом Фомой, и направилась в церковь Св. Станислава, где ее ждал Александр.

Венчание в церкви Св. Станислава совершалось согласно католическим канонам, но для Елены включили несколько православных элементов. Поскольку обряд обручения был совершен еще в январе, свадебный обряд сократили. Однако обряд возложения венцов (что для православных соединяет пару в таинстве венчания) был включен¹⁰⁴. Невеста (но не жених) стояла на бархате, украшенном сорока соболями (который привезла из Москвы для свадьбы). Священник Фома произносил венчальные молитвы только для невесты, а католический епископ – для Александра. Венец держали над головой одной Елены (над Александром венца не было)¹⁰⁵.

Далее произошел инцидент. В то время как над головой Елены еще держали венец, ей преподнесли чашу вина, что является частью православного ритуала¹⁰⁶. Как и другие элементы этого ритуала, чаша предназначалась, похоже, только невесте. После того как Елена отпила из нее, отец Фома разбил чашу об пол. В разных описаниях русского свадебного ритуала XVI века присутствует этот момент разбития чаши ногой¹⁰⁷. Но во всех описанных случаях это делает жених, который перед тем тоже из нее пьет. В случае же Елены и Александра жених был неправославным, поэтому ему не предложили испить вина и затем разбить чашу. Жених и католический епископ были так поражены этим действием, что немедленно прекратили обряд венчания. (По всей видимости, их не предупредили о таком обычае заранее.) Венец убрали от головы Елены, а отцу Фоме запретили продолжать чтение молитвы. В конце концов князь Семен Ряполовский убедил жениха позволить продолжать службу. И хотя мы не знаем, что он сказал Александру, венец снова был поднят над Еленой, и отцу Фоме разрешили возобновить последование венчания¹⁰⁸.

Недовольство нарастало и после венчания. Позже в этот день был пир, на котором состоялся обмен подарками. Но на литовской стороне некоторые сокрушались, что Елена и после венчания одета в традиционный русский наряд. Эти жалобы продолжались еще несколько дней, поскольку Елена продолжала носить одежду русской царевны. Как можно предпо-

¹⁰³ О священнике Фоме см.: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913. С. 250. Все эти традиционные элементы повторяются и в описаниях других русских царских свадеб: ДРВ. Ч. 13. С. 8, 11, 12 и далее. См. также: Домострой Сильвестровского извода. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1902. С. 72–74.

¹⁰⁴ См.: *Meyendorff J.* Marriage: An Orthodox Perspective. Crestwood, N. Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. P. 29–42.

¹⁰⁵ *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда. С. 64–65.

¹⁰⁶ *Meyendorff J.* Marriage. P. 20–29.

¹⁰⁷ ДРВ. Ч. 13. С. 10 (Василий III, 1526 год), 24 (Андрей Старицкий, 1533), 42 (Юрий Васильевич, 1547). Начиная с первой свадьбы царя Михаила Романова (1624 год), практика изменилась: общую чашу, после того как пара пила из нее вино, не разбивали, а передавали священнослужителю, и он уносил ее в алтарь. См.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 4. Л. 13 (первая свадьба царя Михаила, 1624); ДРВ. Ч. 13. С. 164 (его вторая свадьба, 1626), 206 (первая свадьба царя Алексея Михайловича, 1648).

¹⁰⁸ *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда. С. 64–65; Сб. РИО. Т. 35. С. 184–188 (№ 35); ДРВ. Ч. 14. С. 13–15.

жить с учетом всей той одежды, которую она привезла с собой, у Елены (или у ее отца) с самого начала было задумано, что она будет одеваться по-московски, не перенимая моды новой родины. Александр же, со своей стороны, не собирался перенимать черты москвитов. По всей видимости, он не носил ни одного предмета одежды из тех, которые Елена ему привезла, не скакал на подаренном ему жеребце и не совершал ритуального омовения на утро второго дня свадьбы¹⁰⁹. Великий князь Александр не желал играть роль русского жениха даже несколько дней.

Но не только свадебная церемония была причиной недовольства обеих сторон. Эта женитьба не увенчалась достижением ни одной из намеченных целей. Во-первых, союз оказался относительно недолог. Александр преждевременно умер в августе 1506 года, Елена последовала за ним в могилу в январе 1513 года. И хотя они были женаты более одиннадцати лет, однако так и не оставили после себя наследника престола ни Литвы, ни Польши (трон последней Александр унаследовал в 1501 году по смерти своего брата, короля Яна I Альбрехта). Во-вторых, этот брак потерпел неудачу и как средство к установлению мира. Война между Московией и Литвой возобновилась в 1500 году и длилась до 1503 года, затем вспыхнула в 1507-м и продолжалась с перерывами до 1537 года. В-третьих, притом что желание Ивана III, чтобы его дочь оставалась православной, было продиктовано заботой о ее душе, он также хотел, чтобы она всячески подчеркивала свое происхождение и веру, служа маяком московского влияния в обстановке религиозного раскола (на православие и католицизм) в княжестве. Но Елена не оправдала надежд отца – не стала его миссионером и «объединяющим фактором» для выступления православных русинов против католического господства. Наконец, Александр изменил своему слову не склонять Елену к переходу в католичество, чем вынуждал Ивана III снова и снова напоминать зятю об уважении к религии жены¹¹⁰.

Память об этом неудачном альянсе была жива долго. Дипломатическая переписка между Вильной и Москвой и другие касающиеся женитьбы канцелярские документы показывают рост противоречий между двумя династиями¹¹¹. Отразилась эта женитьба и на состоянии казны. Свадьбы всегда были дорогостоящими мероприятиями, но эта стоила уже непомерно много. Согласно одной из двух сохранившихся копий списка приданого Елены, стоимость вещей, отвезенных ею в Вильну, составляла 61 898 рублей – просто астрономическую сумму¹¹². Для сравнения, приданое Евдокии Ивановны, другой дочери Ивана III, вышедшей за татарского царевича Петра (Худайкула) в 1506 году, оценивалось в 2580 рублей. А Мария Сабурова, сестра первой жены Василия III, вышедшая за его родственника, Василия Семеновича Стародубского, имела приданое стоимостью 2063 рубля 20 алтын¹¹³. Если эти цифры верны, то свадьба Елены и Александра должна была нанести ощутимый урон финансам. Трудно представить, что Иван III не сожалел о потраченных напрасно деньгах и напрасно отданной дочери в результате этой женитьбы, принесшей ему только головную боль по поводу религии да пустые сундуки.

¹⁰⁹ Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда. С. 65.

¹¹⁰ Сб. РИО. Т. 35. С. 191–192 (фрагм. III).

¹¹¹ Там же. С. 68–72 (№ 17, фрагм. I–VI), 123–124 (№ 24, фрагм. XIV–XV), 139–144 (№ 25, фрагм. III, V), 145–171 (№ 28, фрагм. I–XIII; № 30, фрагм. I–V; № 31, фрагм. I–XVII), 182–196 (№ 35, фрагм. I–II; № 36, фрагм. I–VI), 204–211 (№ 40, фрагм. I–III), 239–242 (№ 49, фрагм. I–III), 269–280 (№ 56, фрагм. III–IV; № 57, фрагм. I–II; № 58, фрагм. I–V; № 60, фрагм. I–IV), 288 (№ 61, фрагм. IV), 292–300 (№ 62, фрагм. III; № 63, фрагм. I–III, № 64, фрагм. I–III), 425–426 (№ 76, фрагм. I).

¹¹² БАН. 32.4.21. Л. 23 об.

¹¹³ О Евдокии и царевиче Петре см.: БАН. 32.4.21. Л. 37 об. О Марии Сабуровой и Стародубском: Там же. Л. 48.

Династический кризис 1497–1502 годов

Если брак Елены Ивановны и великого князя Александра в 1495 году отвратил Москву от женитьбы на иностранках, то борьба за наследование в последние годы правления Ивана III обнажила риски выбора русской невесты. Династический кризис 1497–1502 годов коренился в двух женитьбах Ивана III. От первой жены, Марии Борисовны Тверской, у него был сын Иван Иванович Молодой, который в 1483 году женился на Елене Стефановне, дочери молдавского господаря Стефана III Великого (годы правления: 1457–1504)¹¹⁴. У них был один сын – Дмитрий по прозвищу Внук¹¹⁵. Второй раз Иван III женился на византийской принцессе Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI (годы правления: 1449–1453). Софья родила Ивану III по меньшей мере двенадцать детей, восемь из которых выжили. Среди них были Василий Иванович – будущий Василий III, для которого организовали первый смотр невест в 1505 году, – а также Елена, вышедшая замуж за великого князя Александра в 1495-м¹¹⁶.

Смерть Ивана Молодого в 1490 году заложила основу кризиса¹¹⁷. Как старший сын Иван Молодой был наследником трона, ему был дан титул великого князя и в удел Тверское княжество после присоединения его в 1485 году к Москве. Эта преждевременная смерть оставила Ивану III два варианта выбора наследника: Дмитрий Внук, сын Ивана Молодого, или Василий, старший сын от второго брака. Оба были еще детьми: Дмитрию было только шесть с половиной лет, а Василию – почти одиннадцать. Каждого поддерживала своя боярская фракция при дворе Ивана III. Дмитрий Внук получил поддержку лидирующего на тот момент боярского рода Патрикеевых. Патрикей Наримунтович и его сын Юрий Патрикеевич, основатели рода, иммигрировали в Московию в 1408 году и имели большое влияние при московском дворе. Патрикей был отпрыском литовской правящей династии и троюродным дядей жены Василия I. Юрий Патрикеевич стал боярином в 1417 году, а в 1418-м женился на дочери Василия I (годы правления: 1389–1425)¹¹⁸. С той поры Патрикеевы мастерски создали коалицию внутри боярских кланов, используя женитьбы для упрочения за собой первого места при дворе Василия I, затем Василия II и, наконец, Ивана III. Сын Юрия Патрикеева (Иван Юрьевич) Иван III и вдова Ивана Молодого (Елена Стефановна Молдавская) были близкими родственниками. Видимо, эта кровная связь стала причиной того, что род Патрикеевых поддерживал стремление Дмитрия Внука к трону после смерти в 1490 году Ивана Молодого¹¹⁹. Другой возможный наследник, Василий, тоже имел поддержку – в лице своей матери и многих бояр вне фракции Патрикеевых. Смерть Ивана Молодого пришлось на время, когда двор фактически уже был расколот на две группы, сформировавшиеся вокруг двух возможных великокняжеских наследников.

¹¹⁴ О первом браке Ивана III см.: Полное собрание русских летописей [далее – ПСРЛ]: В 42 т. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2005. Т. 12. С. 77 (6960 год, Патриаршая, или Никоновская, летопись). О рождении Ивана Молодого см.: Там же. Т. 4. С. 131 (6960, Новгородская 4-я летопись); Т. 8. С. 147 (6966, Воскресенская летопись); Т. 12. С. 112 (6966). О свадьбе Ивана Молодого см.: Там же. Т. 4. С. 134 (6991); Т. 6. С. 36 (6991, Софийская 1-я летопись), 234–235 (6991, Софийская 2-я летопись); Т. 8. С. 214 (6991); Т. 12. С. 214 (6991).

¹¹⁵ О его рождении см.: Там же. Т. 4. С. 155 (6990); Т. 6. С. 235 (6992); Т. 12. С. 215 (6992).

¹¹⁶ О втором браке Ивана см.: Там же. Т. 4. С. 133, 246; Т. 6. С. 196–197 (6980), 278 (6981, отрывок русской летописи); Т. 8. С. 175–176 (6981); Т. 12. С. 151 (6981). О рождении Василия см.: Там же. Т. 4. С. 133 (6981); Т. 6. С. 19 (6987, Софийская 1-я летопись), 33 (6987), 222 (6987); Т. 8. С. 200 (6987); Т. 12. С. 190–191 (6987). О рождении Елены см.: Там же. Т. 8. С. 182 (6984); Т. 12. С. 168 (6984).

¹¹⁷ О его смерти см.: Там же. Т. 4. С. 135 (6997), 157 (6998); Т. 8. С. 219 (6998); Т. 12. С. 222 (6998).

¹¹⁸ Ее имя в источниках различается. О ней как об Анне см.: Там же. Т. 24. С. 232 (б. г., Типографская летопись). Как о Марии – см.: *Karamzhi N. M.* История. Т. 5. Прим. 254; *Baumgarten N. de.* Généalogies des branches régnantes de Rurikides du XIIIe au XVIe siècle. Rome, 1934. P. 17 (table 111), 20 (n. 8).

¹¹⁹ О Патрикеевых и их родственных связях см.: *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics. P. 133–140.

После смерти Ивана Молодого Иван III не сразу объявил своего внука наследником. Почему он так сделал, до сих пор неясно. Но ранним признаком того, что Иван III благоволил к Дмитрию – и роду Патрикеевых, – была женитьба, которую он разрешил в 1497 году между князем Федором Ивановичем Бельским и Анной Васильевной, дочерью князя Василия Ивановича Рязанского, внучкой Василия II. Бельский, как и Патрикеевы, принадлежал к литовской правящей династии, а также был родственником Елены Стефановны Молдавской, матери Дмитрия Внука. В Московию Бельский прибыл в 1481/1482 году. Позади, в Литве, он оставил жену, которая так и не присоединилась к нему в Москве, несмотря на долгие уговоры. В 1497 году, когда он решил жениться второй раз, ему, как пишет Герберштейн, нужно было испросить благословение митрополита, которое он и получил. Как считает Коллманн, женитьба Бельского «укрепила сторону поддержки князя Дмитрия и Патрикеевых в династической битве»¹²⁰.

К концу 1497 года Иван III принял решение выбрать Дмитрия, о чем узнали поддерживающие Василия бояре и решили выступить против Дмитрия и лагеря его сторонников. В декабре 1497 года был раскрыт заговор против Дмитрия. Василий и его мать Софья Палеолог, которые поддерживали планы заговорщиков, включая и убийство Дмитрия, оказались в опале. Гораздо хуже все закончилось для сторонников Василия. Многие из них были казнены, в том числе Владимир Гусев Добрынский, князь Иван Иванович Палецкий Хруль, Щавей (Щавель) Тимофеевич Травин, Поярок Рунов, дьяк Федор Стромиллов и Афанасий Еропкин¹²¹. В феврале 1498 года в возрасте 14 лет Дмитрий был венчан на царство по византийскому образцу, номинально став соправителем своего деда¹²².

Победа была полной, но недолгой. В январе 1499 года Патрикеевы были неожиданно и безжалостно низложены. Князя Ивана Юрьевича Патрикеева и двоих его неженатых сыновей, Василия и Ивана, первоначально приговорили к смерти, но позже приговоры им заменили монашеским постригом, что приравнивалось к политической смерти. Зять князя Ивана Юрьевича, князь Семен Иванович Ряполовский Молодой, – тот Ряполовский, который сопровождал Елену Ивановну на ее пути в Вильну в 1495 году и потушил конфликт, возникший во время свадебного обряда после ритуального разбития чаши, – был казнен¹²³. Окончательно благоволение Ивана III перешло от Дмитрия Внука к Василию в конце зимы – весной 1499 года, когда он получил титул великого князя Новгородского и Псковского¹²⁴.

Десятилетия историки спорили о том, почему Патрикеевы были смещены. Некоторые ученые доказывают, что падение клана совсем не связано с династическим кризисом 1497–1502 годов, хотя взамен выдвигают достаточно вариативные объяснения. Одни объясняют кризис как эпизод в борьбе за централизацию государства, а значит, против бояр, защищавших феодальную раздробленность. Другие – внешнеполитическим курсом на удаление из русского правительства людей, которые не были полностью согласны с планами Ивана III отно-

¹²⁰ *Kollmann N. Sh.* Consensus Politics: The Dynastic Crisis of the 1490s Reconsidered. P. 250–251; *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 111, 318 (прим. 312).

¹²¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 263 (7000); Т. 24. С. 214 (7006).

¹²² Там же. Т. 12. С. 263 (7000); Т. 20. С. 366–368 (7006, Львовская летопись); Т. 24. С. 213 (7006). См. также: *Бычкова М. Е.* Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: Воплощение идей власти государя // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1993. Vol. XXXIV. № 1–2. P. 245–255; *Majeska G. P.* The Moscow Coronation of 1498 Reconsidered. О коронации наследников при жизни их отцов см.: *Назаров В. Д.* О соправительстве в Московском великом княжестве (конец XIV – начало XVI века) // *Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половине XIX века: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй.* М., 2009. С. 112–115. См. также: *Lewis A. W.* Royal Succession in Capetian France: Studies in Familial Order and the State. Cambridge, 1981; *Idem.* Anticipatory Association of the Heir in Early Capetian France // *American Historical Review.* 1978. Vol. 83. P. 906–927.

¹²³ ПСРЛ. Т. 24. С. 213 (7003), 214 (7007); Т. 26. С. 291 (7006, Вологодско-Пермская летопись); Т. 30. С. 139 (7007, Владимирская летопись).

¹²⁴ Там же. Т. 20. С. 368 (март 7007); Т. 4. С. 531 (7001 [sic]); Т. 26. С. 291 (июнь 7007); *Лурье Я. С.* Краткий летописец погодинского собрания // *Археографический ежегодник за 1962 г.* М., 1963. С. 443 (июль 7007); *Шмидт С. О.* Продолжение хронографа редакции 1512 г. // *Исторический архив.* 1951. № 7. С. 273 (январь 7007); *Kollmann N. Sh.* Consensus Politics. P. 254.

сительно войны с Литвой. Третьи считают падение рода связанным с так называемой ересью жидовствующих¹²⁵. Коллманн тем не менее утверждает, что кризис в судьбе Патрикеевых был непосредственно связан с династическим кризисом, который обернулся против подковерной борьбы между боярскими родами при дворе. Она считает, что «фатальной ошибкой Патрикеевых было монополизирование ими власти в ущерб другим семьям политической элиты. Они [Патрикеевы] состояли в родстве с очень многими боярами, захватили значительные экономические ресурсы, поддерживали такого кандидата на великокняжеский трон [Дмитрия], у которого не было родственников для женитьбы на представительницах иных боярских родов»¹²⁶. К этому можно добавить оскорбительную женитьбу между Бельским и племянницей Ивана III, хотя поначалу это и выглядело хорошей идеей, только усиливающей положение Патрикеевых при дворе и их противодействие боярам-соперникам. Возможно, именно брак Бельского в 1497 года настолько склонил чашу весов в пользу Патрикеевых, что это вызвало неудавшееся восстание в пользу Василия в том же году, ускорив кризис преемственности.

Насколько эти события имеют отношение к брачной политике и смотрам невест, показывает детальный анализ свадебных росписей (свадебного разряда) Феодосии Ивановны, другой дочери Ивана III, и князя Василия Даниловича Холмского 13 февраля 1500 года. Свадебный разряд (самый ранний из существующих в наше время) сохранился только в поздних копиях и в двух редакциях – краткой и расширенной. В последней упоминается намного больше исполнителей гораздо большего числа различных обязанностей на свадебной церемонии, чем в краткой редакции, а также приводится несколько указаний на хореографию свадьбы, необходимых для данного исследования¹²⁷. Свадьба совершалась в самый разгар династического кризиса (хотя, конечно, никто в то время не мог этого знать). Состав участников и хореография ритуалов отражают попытку восстановить мир между двумя противоборствующими фракциями. Более того, продуманный выбор кандидатуры Холмского (а не кого-либо из иностранцев) показывает, что московский двор столкнулся с проблемами и пытался использовать преимущества правильного выбора супруга-соотечественника для сохранения стабильности при дворе.

Свадебный разряд (в обеих редакциях) преимущественно сосредоточен на составе свадебного поезда и представляет только частичный перечень других важных обязанностей на свадьбе. Действительно, сам Иван III упоминается лишь в первых строках и даже затем лишь в качестве отца невесты, а не как исполняющий какую-либо роль или появляющийся в каком-либо месте, хотя он должен был это делать. Свадебный поезд состоял из двух частей. Центром одной были сани, в которых везли мать невесты, Софью Палеолог. Центром второй – сани жениха, князя Василия Даниловича Холмского. Композиция поезда намеренно разрабатывалась так, чтобы в одном месте публично собрались родственники жертв разгрома провасильевской партии в 1497 году и родственники Патрикеевых, свергнутых в предыдущем году¹²⁸. Так, в поезде жениха мы находим двух братьев: Федора Стригу и Петра Лобана (князей из рода Оболенских), которые были двоюродными братьями князя Семена Ивановича Ряполовского – единственного члена патрикеевской фракции, казненного при ее низвержении. Также записаны были братья-князя Михаил Голица, Андрей Курака и Дмитрий Иванович Булгак Патрикеев, внучатые племянники князя Ивана Юрьевича Патрикеева, лидера фракции¹²⁹, а кроме

¹²⁵ См., например: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI веков: В 2 т. М., 1948–1951. Т. 2. С. 289–320; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 360–376; *Fennell J. L. I.* Ivan the Great. P. 315–352; *Fine J. V. A., Jr.* The Muscovite Dynastic Crisis of 1497–1502 // *Canadian Slavonic Papers*. 1966. Vol. 7. P. 198–215.

¹²⁶ *Kollmann N. Sh.* Consensus Politics. P. 253; *Alef G.* Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27. S. 77–109. Крамми адаптировал умозаключения Коллманн и Алефа. См.: *Crummey R. O.* The Formation of Muscovy, 1304–1613. London, 1987. P. 104–105, 110–113.

¹²⁷ См.: *Martin R. E.* Archival Sleuths and Documentary Transpositions. P. 271–281, 291.

¹²⁸ БАН. 16.15.15. Л. 27 об. – 28; ДРВ. Ч. 13. С. 2. См. также: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 38–42.

¹²⁹ БАН. 16.15.15. Л. 27 об. – 28; ДРВ. Ч. 13. С. 2. См. также: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 30, 34; *Kollmann N. Sh.* Consensus Politics. P. 260; *Eadem.* Kinship and Politics. P. 79.

того, князя Юрий, Михаил и Борис Васильевичи Ромодановские, которые были связаны с князьями Ряполовскими и Палецкими и являлись братьями князя Василия Ромодановского, арестованного в 1499 году, возможно, в связи с падением Патрикеевых¹³⁰. В поезде рядом с этими сторонниками Патрикеевых находились Иван Федорович Пестрый Палецкий Гундор, чей двоюродный брат, Иван Иванович Палецкий Хруль, был казнен в 1497 году¹³¹. Поезд великой княгини Софьи тоже включал родственников тех, кто участвовал в заговоре. Упомянуты Тимофей Григорьевич Травин Скряба, чей сын Щавей был казнен в 1497 году¹³², и Иван Михайлович Еропкин Кляпик (родственник Травина), чей двоюродный брат Афанасий тоже был казнен¹³³.

Наверное, наиболее значимое и красноречивое свидетельство миротворческой роли этой женитьбы – месторасположение двух матерей престолонаследников: Елены Стефановны, матери Дмитрия Внука, и Софьи Палеолог, матери Василия. Согласно последней строке разряда (в его расширенной редакции), «А великой княгине Елене быть с великою княгинею с Софьею в одних санях»¹³⁴. Далее, что вполне естественно, фокус повествования в описании царской свадьбы смещается на невесту и жениха, а не на их матерей и не на других членов династии. Хореография этой свадьбы тем не менее несла ясное послание – сигнализировала о новом равновесии между боярскими фракциями при дворе, которое было результатом и целью смещения Патрикеевых годом ранее. То, что матери обоих возможных наследников ехали в одних санях, явно служило публичной (хотя и, разумеется, фиктивной) демонстрацией гармонии и мира между ними и между их соперничающими лагерями. В этот миг ритуального действия все вендетты, недовольства и обиды были забыты.

Если хореография примирения, столь очевидная в этой свадьбе, должна была символизировать внутренний мир при дворе и сама способствовать его установлению, то выбор жениха еще больше подчеркивал, в сколь полной мере внутрдинастический брак стал предметом придворной политики. Можно предположить, что это вообще не бывает копеечным делом – то, когда дочь правителя или любой другой член династии вступает в брак. Однако же то, что Феодосия Ивановна вышла замуж именно за Холмского, так идеально отражало изменившуюся ситуацию при дворе, озабоченном вопросом династических браков после свадьбы в 1495 году Елены Ивановны и опалы Патрикеевых в 1499-м, что уж точно не было ни случайным выбором, ни браком по любви. Жених Холмский – результат осознанного решения Ивана III и его советников использовать свадьбу для установления «широкого распределения власти» при дворе в том вакууме, который возник после смещения Патрикеевых. Коллманн выявила три фракции, делившие между собой власть и выгоды при дворе Ивана III и Василия III: «фракция Холмских-Челядних-Оболенских, фракция Захарьиных и фракция Булгаковых-Щенятевых»¹³⁵. Брак Василия Даниловича Холмского не создал новой доминантной фракции вокруг него, жениха в 1500 году (как было бы при простой замене Холмских-Челядних-Оболенских на свергнутых Патрикеевых). Напротив, эта женитьба создала баланс во внутреннем придворном кругу, подняв до статуса царской родни род, чья значимость была неразрывно связана с другими родами (с Челядними и Оболенскими), и в результате распределяя царскую милость на несколько боярских родов – ту царскую милость, которая в иных обстоятельствах могла бы поднять род жениха на первые позиции при дворе, как это произошло после свадьбы Патрикеева в 1418 году. Ничто лучше не доказывает намерения создать баланс при дворе, чем тот факт, что спустя два месяца после свадьбы Холмского, в апреле 1500 года, внутренний при-

¹³⁰ БАН. 16.15.15. Л. 28; ДРВ. Ч. 13. С. 2. См. также: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 38, 40; *Kollmann N. Sh.* Consensus Politics. P. 253, 259.

¹³¹ БАН. 16.15.15. Л. 28; ДРВ. Ч. 13. С. 2; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 38, 42–43.

¹³² БАН. 16.15.15. Л. 29 об.; ДРВ. Ч. 13. С. 4; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 229.

¹³³ БАН. 16.15.15. Л. 29 об.; ДРВ. Ч. 13. С. 4; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 233.

¹³⁴ БАН. 16.15.15. Л. 30 об.; ДРВ. Ч. 13. С. 5.

¹³⁵ *Kollmann N. Sh.* Consensus Politics. P. 255.

дворный круг приветствовал вхождение в него старых врагов: князя Ивана Андреевича Можайского и Василия Ивановича Шемячича (потомков давних соперников времен династических войн 1420-х, 1430-х и 1440-х годов) и князя Семена Ивановича Бельского (брата Федора и родственника Елены Стефановны и Патрикеевых)¹³⁶.

Как выяснилось, женитьба Холмского не разрешила династического кризиса. К концу 1500 года неизвестные мотивы вынудили или побудили Василия пригрозить отозвать свои войска с войны с Литвой, которая только возобновилась (возможно, он даже угрожал присоединиться к врагам отца в этой войне). Столкнувшись с возможным бунтом сына, Иван III окончательно и полностью подчинился. В 1502 году Дмитрий Внук и Елена Стефановна были заточены в темницу. Елена умерла в 1505 году, а Дмитрий Внук – в 1509-м¹³⁷. Что касается четы молодоженов Холмских, то, несмотря на возлагавшиеся на этот союз большие надежды, результаты оказались печальны. Невеста скоропостижно умерла в 1501 году¹³⁸, а князь Василий Данилович, хоть и стал в 1502-м боярином, попал в 1508 году в опалу и умер в заточении¹³⁹. Уроки династического кризиса только подкрепили то, что уже было усвоено в качестве уроков из нескольких лет предшествующего брака Елены и Александра: если готовятся браки с соотечественниками, то необходимо разработать некоторые процедуры, чтобы не спровоцировать дестабилизацию баланса при дворе. Выбор невесты для правителя быстро стал целью российской политики.

---

¹³⁶ *Kollmann N. Sh. Consensus Politics. P. 257.*

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 295 (7010); Т. 28. С. 337 (7013, Летописный свод 1518 года).

¹³⁸ Там же. Т. 26. С. 294 (7009).

¹³⁹ Там же. Т. 23. С. 198 (7017, Ермолинская летопись); *Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. P. 209.*

Первый смотр невест – Василий III и Соломония Сабурова

В 1503 году, до того как Траханиотов убедил его организовать первый смотр невест, Василий Иванович был активно вовлечен в поиск невесты за границей. И то сказать, самое время: ему уже 24 года, и он миновал пору вступления в брак правителей и престолонаследников – такая отсрочка, вероятно, была связана с неопределенностью предыдущих шести-семи лет¹⁴⁰. Возможно, по привычке первой мыслью его отца и советников было искать жену за границей. Преимущества иностранной невесты были очевидны, особенно на фоне потрясений, которые только что пережил двор. Иностранцы принцессы в Тереме сохраняли статус-кво: они не вводили в придворный круг новую царскую родню или родню родни. Иностранная королева прибыла бы в свое новое царство в одиночестве или почти в одиночестве, поэтому двор не погрузился бы в дестабильность, к которой мог привести брак с представительницей одного из крупных боярских родов. С другой стороны, препятствия для брака с иностранкой показали себя в женитьбе Елены Ивановны и Александра Литовского в 1495 году и все еще жили в памяти советников Ивана III и Василия. Решительный поворот в брачной политике московской династии – и от иностранных, и от высокородных отечественных невест – произошел с неудавшейся попыткой отыскать для Василия подходящую невесту за границей, когда вновь проявились религиозные и культурные различия как непреодолимые препятствия для междинастического союза.

Вначале потенциальной невестой Василия стала Елизавета (1485–1555), дочь Ханса, короля Датского (годы правления: 1481–1513), который также правил Норвегией (1483–1513) и Швецией (1497–1513) в рамках непрочной Кальмарской унии трех скандинавских королевств. Между 1499 и 1503 годами Московия сделала несколько серьезных предложений датчанам, которые их резко отвергли, очевидно, потому, что сочли непозволительным обязательное требование к невесте перейти в православие. На самом деле датчане столь пренебрежительно отнеслись к инициативе московитов, что последние продолжали искать руки Елизаветы даже тогда, когда та, не ставя их в известность, вышла в 1502 году замуж за Иоахима I Нестора Гогенцоллерна, курфюрста Бранденбурга¹⁴¹.

Тогда Иван III и Василий обратились за помощью к Елене Ивановне. Будучи великой княгиней Литовской и (с 1501 года) королевой Польской, она могла, как небезосновательно полагали ее отец и брат, легче и вызывая меньше подозрений, разузнать о подходящих кандидатах – не в пример отцу и брату, действовавшим из отдаленной Москвы. В мае 1503 года из Москвы была направлена делегация от Ивана III к великому князю Александру в Литву для подписания договора о мире между Москвой и Вильной, а также с поручением тайно обсудить с Еленой потенциальных кандидаток в невесты Василию. Это первая разведка была общей, неопределенной: «...ты бы, дочка, отведала: у которых государей греческого закона или римского закону будут дочери, где бы пригоже мне сына своего Василия женити»¹⁴². Единственный конкретный запрос касался дочерей Джураджа Бранковича, сына православного сербского деспота Стефана Бранковича (годы жизни: 1417–1476). Но Иван III даже не был уверен, жив ли Джурадж и есть ли у него дочери, на которых можно жениться: «...Юрий [т. е. Джурадж

¹⁴⁰ О возрасте вступления в брак членов династии Даниловичей см.: *Kollmann N. Sh. Appendix 1 (The Calculation of Boyars' Ages), table A1.1 (Vital Statistics of Daniilovich Males) // Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. P. 192.*

¹⁴¹ *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. // ЧОИДР. 1893. Кн. 1 (164). Раздел I («Материалы исторические»). С. 1–340. С. 3; *Баттвиш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год): В 4 ч. М., 1894–1902. Ч. 1. С. 298.

¹⁴² Сб. РИО. Т. 35. С. 426–427 (фрагм. I).

Бранкович] деспот в Угрех еще ли жив? И есть ли у него дети, сынове ли, дочери ли? И будут у него дети сынове и дочери, женаты ли, а дочери замужом, или еще холосты?»¹⁴³

Насколько нам известно, на это первое обращение к ней Елена не ответила. Но в ноябре 1503 года в Вильну было отправлено из Москвы второе посольство, и теперь Елену более строго попросили дать информацию. В меморандуме («памяти»), данном дьяку Никите Моклокову Губе (он был членом посольства и в мае), его наставляли спросить у Елены: «...у которых на имя государей дочери есть, и колка лет? Да о матерех о их и о них вспросити, не бывало ли на них какое слово?» Инструкции Моклокову отражают особый интерес к дочерям сербского деспота, вероятно, потому, что они были православными, т. е. конфессиональных препятствий для брачных предложений не было: «...сказывали, в Угорской земле, у деспотов у сербских дочери: и ты, госпоже, там посылавала ли в Угорскую землю о деспотовых дочерех отведывати или не посылавала? И будешь, госпоже, не посылавала, и что, госпоже, у вас слух есть ли: у которого деспота дочери, и каковы дочери, колких лет?»¹⁴⁴

На самом деле Елена не проводила того масштабного исследования королевских домов Европы к приезду Моклокова, о каком просил ее отец. За исключением одной строки с упоминанием сербских деспотов, сведения, полученные от Елены, касались лишь королевских семей, родственников ее мужу Александру, – эту информацию она могла получить достаточно просто:

Сказывала королева Губе, что про Стефановы дети, деспота сербского, пытала, да не могла ся их допытати. А у макрабиа поведают пять дочерей: большая осимнадцати лет, хрома, нехороша; под болшею четырехнадцати лет, а парсуною ее поведают хорошу. А у баварьского князя, у королева зятя, дочери поведают же, а того не ведают, колких лет, а матери у них не стало. А у щетинского князя, у королева же зятя, поведают же дочери, а тогож не ведают, колких лет, а матери у них не стало ж, а слава про мать и про них добра. А у фрянского короля сестра, а угорьскому королю своякия, а заручена была за Олбрехта короля; парсуною поведают хорошу, да хрома, да ныне деи на себя чепец положила, пошла на клаштарь. А у датцкого короля, и он его милость сам ведает боле меня, что дочь есть¹⁴⁵.

Моклоков просил Елену узнавать дальше, но она отвечала, что ее отец и брат через своих послов могут расследовать эти вопросы лучше, чем она. Вместе с тем она предупреждает: королевства Западной Европы «так в латыне крепко, что у них без папина ведома никакож не дадут в греческой закон»¹⁴⁶. Нельзя было бы выразиться яснее. Если Иван III и Василий Иванович думают, что западные правители разрешат своим дочерям в целях династического

¹⁴³ Там же. С. 427 (фрагм. I).

¹⁴⁴ Там же. С. 442–443 (фрагм. V).

¹⁴⁵ Слово «макрабиа» относится к маркграфу Бранденбург-Ансбаха Фридриху Гогенцоллерну, который был женат на сестре Александра Софии. См.: *Europäische Stammtafeln: Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten*: In 4 Bdn. / Hrsg. W. K. von Isenburg, Prinz. Marburg, 1975. Bd. 1. Tafel 61; Bd. 2. Tafel 85. «Баварский князь» — герцог Георг Баварско-Ландсхутский, сын Людвига IX Баварского и муж Ядвиги, сестры Александра. См.: *Ibid.* Bd. 1. Tafel 27; Bd. 2. Tafel 85. «Щетинский князь» — Богуслав X, герцог Померании, был женат на сестре Александра Анне. См.: *Ibid.* Bd. 1. Tafeln 126, 127; Bd. 2. Tafel 85. «Фрянский король» — король Франции Франциск I. Церетели предположила, что сестра, описанная в тексте, — Маргарита. См.: *Тураева-Церетели Е. Ф.* Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская: Биографический очерк в связи с историей того времени. СПб., 1898. С. 282–284. См. также: *Europäische Stammtafeln*. Bd. 2. Tafel 17. «Угорский король» — Владислав II, король Богемии, Венгрии и Хорватии, брат Александра и Яна Альбрехта, предыдущего короля Польши (1492–1501). В 1503–1504 годах Венгрия и Польша вместе управлялись династией Ягеллонов, которые унаследовали эти престолы после исчезновения неаполитанской ветви (Анжу) французской династии Капетингов (ветви, происходившей от Карла Анжуйского, сына короля Людовика VIII). См.: *Europäische Stammtafeln*. Bd. 2. Tafeln 105, 118. Упомянутый здесь датский король — Ханс, или Иоганн (годы правления: 1481–1513). Его дочь Елизавета была одной из первых иностранных кандидаток в невесты в списке Василия. См.: *Europäische Stammtafeln*. Bd. 2. Tafel 72. Документ опубликован в: Сб. РИО. Т. 35. С. 452–453 (фрагм. XVI). См. также: *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice. P. 266–268.

¹⁴⁶ Сб. РИО. Т. 35. С. 453.

брака перейти в православие, то они ошибаются. Одно дело – Елене (или иной женщине из царского рода XV века) выйти замуж за неправославного иностранца, оставаясь православной. И совсем другое дело – ожидать, что неправославная иностранная принцесса перейдет в «греческую веру», даже в стремлении составить выгодную дипломатическую партию с наследником московского престола.

Хотя отчет Елены был ограниченным и, возможно, поверхностным, он затрагивал темы, наиболее важные для Ивана III, Василия и их советников. В ее отчете подразумевалось, что первой целью государей было найти группу здоровых кандидаток. Это объясняет рекомендации в наставлении Моклокову, касающиеся сведений о здоровье и молодой девушки, и, если возможно, ее матери. Здоровье было необходимо, поскольку от любой королевской невесты в те времена высокой детской смертности ожидалось, что в браке она постоянно будет беременна, чтобы оставить как можно больше живых и здоровых потомков. Внешность тоже обозначена в отчете Елены. Обозначен и возраст – вероятно, для оценки репродуктивной зрелости кандидаток. Наконец, в отчете Елены подразумевалось, что москвиты ожидают от невесты своего государя перехода в православие. Когда Елена Ивановна вышла в 1495 году замуж за Александра, то камнем преткновения, как мы видели, было настойчивое желание Ивана III, чтобы она оставалась православной; при этом его не слишком заботило, что это будет смешанный брак с католиком¹⁴⁷. Сейчас же искали иностранную невесту, а не жениха. Невеста должна была приехать в Московию и сделаться, как заметила Изольда Тирет, «благословенным чревом» династии¹⁴⁸. Неправославная царица виделась явлением немислимим, поскольку не соответствовала функции посредника между царем и подданными, которую супруга царя выполняла в московской политической культуре.

Что отсутствует в отчете Елены, так это сколько-нибудь серьезное беспокойство о знатном происхождении потенциальной невесты. Генеалогические замечания в отчете лишь помогают идентифицировать родственную связь потенциальных кандидаток и мужа Елены, Александра. Нет упоминания или предположения, что знаменитые родители являются каким бы то ни было преимуществом. На самом деле религия превосходила по своей важности генеалогию – превосходила до такой степени, что дочери сербского деспота серьезно рассматривались в качестве возможных невест, и не из-за происхождения (далеко не блестящего по европейским меркам), а из-за их православного вероисповедания. В 1472 году москвиты были весьма польщены, принимая в царскую семью византийскую принцессу Софью Палеолог в качестве жены Ивана III – союз, благодаря которому, как считается, царский двор Московии последней четверти XV века заимствовал или выработал многие черты имперского стиля. Но даже в этом случае не было попытки проследить генеалогию Софьи или добавить ее предков к ветви Даниловичей. Генеалогия москвитов сознательно велась исключительно по мужской линии. Сходным образом, когда в 1561 году Иван IV женился во второй раз, неясность происхождения Марии Темрюковны Черкасской не была помехой для выбора ее кандидатуры. И когда в 1643–1645 годах Михаил Романов выбрал в женихи своей дочери Ирины Вальдемара Датского и Норвежского, то ни царя, ни его советников ничуть не тревожило, что Вальдемар – сын от морганатического второго брака короля Кристиана IV и Кирстен Мунк. Этот практичный подход к родословной сильно контрастирует с высокогенеалогическим сознанием европейских династий тех столетий – династий, одержимых демонстрацией реального или фальсифицированного происхождения своего рода от августейших исторических личностей, начиная с Карла

¹⁴⁷ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 325, 330–331, 332–337; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 102–104; *Тураева-Церетели Е. Ф.* Елена Иоанновна. С. 57–81.

¹⁴⁸ *Thyrêt I.* Between God and the Tsar; *Eadem.* «Blessed Is the Tsaritsa's Womb»: The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood in Muscovite Russia // *Russian Review*. 1994. Vol. 53. № 4. P. 479–496.

Великого и заканчивая (в наиболее причудливых случаях) гомеровским или виргилиевским царем Приамом Троянским, библейским царем Давидом или Александром Великим¹⁴⁹.

Это отсутствие озабоченности знатностью происхождения предков также контрастировало с сильной сосредоточенностью на генеалогии отечественных кандидаток в царские невесты. Их смотры включали в себя расследования, в ходе которых выяснялась медицинская история каждой потенциальной невесты и ее родителей, подтверждались ее возраст и целомудрие, оценивалась физическая красота и предпринимались попытки предсказать, используя доступные на тот момент народные методы, ее способность выносить и родить множество детей. А кроме того, в такие расследования входило серьезное изучение генеалогии кандидаток – не с целью отыскать девушку с наиболее блестящим фамильным древом (хотя, поскольку все невесты были россиянками, ни одно древо не могло сравниться с царским), но с тем, чтобы составить список родственников. Генеалогия стала основной заботой при выборе русской невесты, ведь требовалось найти такую супругу, которая не нарушит хрупкий баланс придворных фракций, – забыть этот урок династического кризиса 1497–1502 годов было невозможно.

Когда Юрий Траханиотов и другие советники предложили будущему Василию III выбрать себе жену на смотре невест, они не могли не беспокоиться по поводу подводных камней, таившихся на пути домашних и зарубежных поисков. Иностранки были исключены, как замечает Герберштейн, из-за издержек, а также религиозных и культурных различий. Но русские невесты тоже представляли риск. В результате были введены ограничения и на набор отечественных невест.

Эти ограничения прямо упоминаются в нескольких отчетах иностранцев, описывающих московские смотры невест. Папский посол Павел Йовий подробно рассказал о московском смотре невест в «Книге о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII в 1525 году»¹⁵⁰. И хотя сам Йовий никогда не путешествовал в Московию, его отчет считается серьезным источником, поскольку написан историком Возрождения, чьи работы (по большей части касающиеся итальянской истории и исторических биографий) до сих пор ценятся как замечательные ранние примеры научных гуманистических трудов по истории¹⁵¹. Также труд Йовия важен потому, что основан на надежном первоисточнике – на разговоре с Дмитрием Герасимовым, московским дипломатом и переводчиком, который находился в Риме в 1525 году в составе посольства к папе Клименту VII. Герасимов был идеальным собеседником: вовлеченный в дипломатическую сферу, он близко знал все, что касалось дел династии, и в том числе царских свадеб. И дипломатией, и свадьбами управляла небольшая группа дьяков, обладавшая все более специализированными знаниями внутри царского скриптория. Посольский приказ и его архив возникли на базе этого скриптория в первой половине XVI века. Данный архив с его штатом писцов будет отвечать за составление, редактирование и сохранность свадебных документов XVI и XVII веков¹⁵². Герасимов, являясь высокопоставленным дипломатом, был хорошо знаком и работал с дьяками и другими придворными, которые организовали Василию III смотр невест и свадьбу.

Историк всегда и во всем, Йовий добыл у Герасимова информацию и оформил как общее рассуждение, не называя Василия III по имени, но описывая механизм смотра невест¹⁵³. «Задумав жениться, – начинает Йовий, —

¹⁴⁹ См.: *Tanner M.* The Last Descendant of Aeneas: The Habsburgs and the Mythic Image of the Emperor. New Haven, 1993.

¹⁵⁰ О Йовии см.: *Zimmermann T. C. P.* Paolo Giovio: The Historian and the Crisis of the Sixteenth Century. Princeton, 1995.

¹⁵¹ О Дмитрие Герасимове см.: *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 248–266; *Ostrowski D.* Ironies of the Tale of the White Cow // *Paleoslavica*. 2002. Vol. 10. № 2. P. 28–32.

¹⁵² О царском скриптории и архиве Посольского приказа см.: *Martin R. E.* Royal Weddings and Crimean Diplomacy. P. 402–406.

¹⁵³ Н. М. Карамзин считал, что Йовий мог описывать одну из двух свадеб Василия Ивановича (в 1505 и 1526 годах), но

московитские государи повелевают произвести в целом царстве отбор молодых девушек и привезти к себе тех, которые выделяются своей наружностью и душевными качествами. Потом сведущие люди и верные женщины осматривают их, и притом так тщательно, что могут даже ощупать и исследовать самое сокровенное. После долгого и мучительного ожидания родителей, достойной брака с царем признается та из них, которая придется по душе государю. Остальные же девицы, состязавшиеся в первенстве в красоте, целомудрии и нравственности, часто в тот же самый день в угоду государям выходят замуж за вельмож и воинов. Таким образом, в силу того, что государи пренебрегают славными отпрысками царского рода, на высоту царственного ложа под покровительством красоты взбираются по большей части девушки невысокого звания, как мы видим это в обычае у турок-оттоманов¹⁵⁴.

Этот замечательный отчет ясно указывает на то, что москвиты разработали и проводили смотры невест как средство, чтобы не допустить появления невесты из знатного придворного клана. Йовий говорит нам, что смотры невест были созданы именно как способ избежать «славных отпрысков царского рода», что, конечно, означает знатные боярские кланы, которые доминировали в политике и часто были связаны с правителем благодаря брачному союзу или по крови. Таким образом, Йовий подтвердил отчет Герберштейна в том, что Иван III, Василий III и их советники – все были согласны, что «сочетаться лучше с дочерью кого-нибудь из своих подданных, чем с иностранкой».

Шведский дипломат Петр Петрей (1570–1622) оставил важное описание смотра невест, устроенного для Василия III в 1505 году (опубликованное в 1615-м), которое повторяет многое из отчета Герберштейна, особенно в том, что касается цены и культуры:

Прожив довольно времени в большом распутстве и сладострастии с развратными женщинами и потаскушками и не желая допустить, чтобы брат его с детьми, по его смерти, имел доступ к верховной великокняжеской власти, он [Василий III] решил взять себе жену и собрал для того всю Боярскую думу, чтобы бояре хорошенько обдумали и обсудили все обстоятельства и наконец решили, полезнее ли и выгоднее для страны жениться ему на туземной или на иностранной княжне.

Они много и долго советовались и наконец решили в Думе, чтобы он женился на туземке, оставил в покое иностранок и не слишком много заботился о родстве с иноземными государями, так как они вероломны, горды и надменны, а потому не отдадут и не пошлют своих дочерей ни в какую варварскую землю, тем менее к московскому князю; кроме того, иностранная невеста и новая княгиня приводит обыкновенно с собою новые, чужие нравы, много чужого народа и иностранный покрой платья, а это будет стоить невероятных издержек. У них же и другая вера, которой русские не могут терпеть, даже слышать о ней, а это поведет к чрезвычайным переменам и разногласию в государстве.

Такое мнение и предложение внушил другим думным боярам и придворным один знатный человек, греческий уроженец, по имени Георгий Микрус, бывший в большой милости и почете у великого князя; к нему расположены были все, знатные и незнатные, за его благочестие и скромность.

на деле он, вероятнее всего, запечатлел первое бракосочетание, поскольку второе произошло уже после публикации записок Йовия в Риме. См.: Карамзин Н. М. История. Т. 7. Стлб. 132.

¹⁵⁴ Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 285–286.

Он говорил, что в Москве найдутся девицы, которые нисколько не уступят европейским в красоте, добродетели и знатности: из них-то великий князь и может выбрать себе одну, которая покажется ему всех лучше, от нее будет больше пользы и прибыли стране, чем от иностранки. В самом же деле он думал, что так как находится теперь в большом почете у великого князя, то тот женится на его дочери, которая превосходила всех других девушек красивой наружностью, нравственностью и добродетелью¹⁵⁵.

Более поздние отчеты повторяют эти постоянные опасения об иностранном влиянии. Филипп Иоганн фон Страленберг (1676–1747), офицер шведской армии, плененный после сражения под Полтавой и проживший в России тринадцать лет, написал (до 1730 года):

Сие поволно уже ведомо, что российския монархи весма редко с чужестранным принцессами в супружество вступают, но всегда супругу свою из природных своих избирают. А своих царевен выдают за князей российских. И сие чинят они отчасти ради разности в вере, отчасти же ради умаления чужестранной корреспонденции. Да и сами редко и[з] знатнейших фамилий поимали, того ради, чтоб богатым чрез такая случаи не подать притчины к получению наивящих богатств, и притом тако ж о богатстве и великом свойстве они весма мало разсуждали, но паче искали, чтоб супруги их были прекрасные, а притом бы и добродетельные¹⁵⁶.

Иоганн Георг Корб (1670–1741), секретарь габсбургского посольства к Петру I, писал (в 1700 году) о подобном же:

Между фамилиями иноземных государей поныне было опасно для царей искать себе супругу, так как бояре и вельможи царства из пустой боязни утверждают, будто посредством браков с иностранками вводятся весьма вредные перемены в отечестве и народ перенимает новые иноземные нравы и забывает старые обычаи. По мнению бояр, сама религия предков может при этом потерять свою чистоту и наконец вся Московия подвергнется самой большой опасности¹⁵⁷.

Возможно, самое прямое высказывание об опасениях москвитов насчет иностранных партий мы встречаем в отчете польского дипломата Якова Рейтенфельса (написанном в 1671 году, во время второго смотра невест и женитьбы царя Алексея Михайловича):

Из различных иных особенностей, которыми цари московские отличаются от прочих государей Европы, особенно следует, поистине, упомянуть о том, что они никоим образом не соглашаются искать себе жен у чужестранцев. Так как препятствием или тормозом к сему служит не что иное, как различие вероисповеданий, то вследствие сего и дочери царей неохотно выдаются замуж за иностранцев, за пределы страны. Почему и в канонах Иоанна митрополита (которого они считают за пророка) сказано: не должно выдавать дочерей князя замуж за тех, кто употребляет нечистое в пищу или причащается опресноками. Итак, цари избирают себе супруг из собственных подданных совершенно так, как поступил восточный император Никифор, призвавший, говорят, самых красивых девиц во дворец, намереваясь избрать

---

¹⁵⁵ Петрей П. История о великом княжестве Московском // Масса И., Петрей П. О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 235.

¹⁵⁶ Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. С. 84.

¹⁵⁷ Корб И. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 194–195.

супругу для сына Ставрания [имеется в виду Ставракий. – *Прим. ред.*]. И соблюдают они этот дедовский обычай и поныне весьма строго, главным образом из-за того, чтобы не возбуждать, сроднившись и смешавшись чрезмерно с иноземцами, у подданных желания поступать таким же образом, ибо они в достаточной мере узнали, насколько это им невыгодно, когда они некогда выдавали своих царевен за польских и иных королей и литовских великих князей или же сами брали себе жен из Грузии или иной какой страны¹⁵⁸.

В этом позднем, но замечательном рассказе затронуто много тем, которые прослеживались и ранее: исключение иностранных кандидатов из-за религии, горький опыт брачных союзов с иностранцами в прошлом (включая и упоминание Елены и Александра) и исторический прецедент – византийские смотры невест (Ставракий и Феофания (Феофано)) в 807 году – второй смотр невест в списке Тредголда).

Большинство источников сходятся на том, что женитьба Василия и Соломонии Сабуровой произошла 4 сентября 1505 года – возможно, вскоре после того, как Василий выбрал ее на смотре невест¹⁵⁹. Согласно одному летописному источнику, «князь великий Василей Иванович помысли жениться и нача избирати княжны и боярчины» (т. е. начал собирать на смотр княжон и боярышень)¹⁶⁰. Местоположение этого упоминания о смотре невест в данной летописи указывает на то, что смотр был проведен не позднее августа 1505 года. Вместе с тем легко представить, что колоссальная работа по организации первого смотра невест могла потребовать нескольких недель и начаться в первых числах июня¹⁶¹.

Согласно Коллманн, семья невесты – Сабуровы – «была безопасным выбором для Василия III». Они не были, продолжает Коллманн, «достаточно сильны политически, чтобы угрожать балансу сил между родами Холмских, Захарьиных (Кошкиных), Булгаковых-Щенятевых, Оболенских и Челяднинных». Несомненно, Сабуровы являлись старым боярским родом, но значительно утратили блеск со времен своего расцвета, пришедшегося на правление Василия I. Более того, Соломония происходила из той ветви рода Сабуровых, представители которой, согласно придворным обычаям, не имели боярского звания. Отец Соломонии, Юрий Константинович Сабуров, стал в 1509 году боярином, но его продвижение было, «видимо, почетным, а не наследственным». Таким образом, Коллманн права в своем предположении, что «женитьба великого князя Василия III на представительнице небоярской линии не крупного рода показала слом в традиции великих князей жениться на представительницах выдающихся боярских семей»¹⁶².

Более чем слом, выбор Василием III Соломонии установил «новый паттерн в свадебной политике». Согласно Коллманн, то был «первый раз, когда в жены Даниловичу предпочли избранницу из сравнительно невзрачного рода, а не из ведущей иностранной, удельной кня-

¹⁵⁸ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 294.

¹⁵⁹ Дату свадьбы, обозначенную как 4 сентября, см. в: ПСРЛ. Т. 6. С. 50 (7014); Т. 8. С. 245 (7014); Т. 12. С. 259 (7014); Т. 20. С. 375–376 (7014); Т. 26. С. 297 (7014); Т. 34. С. 8 (7014, Постниконовский летописец); Т. 37. С. 173 (7014, Вологодская летопись); Т. 39. С. 176–177 (7014, Софийская 1-я летопись по списку И. Н. Царского); также см.: Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. С. 276. Другие источники указывают: или 5 сентября [ПСРЛ. Т. 5. С. 261 (7014, Софийская 1-я летопись)], или 8 сентября [Там же. Т. 30. С. 140 (7014); Лурье Я. С. Краткий летописец погодинского собрания. С. 444 (7015)], или 14 сентября [ПСРЛ. Т. 31. С. 124 (7014, Мазуринский летописец)], или даже 18 октября [ПСРЛ. Т. 37. С. 99 (7015, Архангелогородский летописец)].

¹⁶⁰ Лурье Я. С. Краткий летописец погодинского собрания. С. 444 (7014, 7015 [sic], а должны быть 7013 и 7014).

¹⁶¹ То, что смотр невест имел место не позднее августа 1505 года, видно из места в Кратком летописце (см. ту же публикацию Я. С. Лурье) с упоминанием смотров невест в конце 7013 года (в источнике неверно написано «7014») и с указанием на свадьбу в самом начале – в сентябре 7014 года (в источнике снова неверно указано «7015»). Об этих датах см.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 67.

¹⁶² Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. P. 143.

жеской или боярской семьи»¹⁶³. Эта мысль подтверждается статистическим анализом женитьб потомков Даниила Александровича, первого московского князя. На протяжении XIV, XV и XVI веков попеременно, в разных пропорциях и следуя разным трендам, использовались три источника невест, указанные Коллманн: «ведущая иностранная, удельная княжеская или боярская семья» (см. табл. 1.1)¹⁶⁴. Безусловно, любимым источником невест и женихов для Даниловичей в XIV и XV веках были семьи удельных князей, затем иностранцев (особенно литовские Гедиминовичи), а на третьем месте – известные боярские кланы. В XVI веке браки с удельными князьями полностью исчезли (вместе с самими удельными княжествами) и пустоту заполнил резкий скачок в количестве браков с русскими подданными.

Снижение числа браков с иностранцами произошло после свадьбы в 1495 году дочери Ивана III Елены Ивановны и Александра Литовского. Их случай настроил московский двор против дипломатических браков с иностранцами именно по тем причинам, которые обозначил Герберштейн: «чрезвычайные расходы», сопутствующие такому браку, а также риски и трудности, связанные с тем, что в жены берут девушку, «воспитанную в чужеземных обычаях и в иной вере». В следующем после 1495 года столетии было только четыре свадьбы с иностранцами: Евдокия и царевич Петр (1506), великий князь Василий III и Елена Глинская (1526), Иван IV и Мария/Кученей Черкасская (1561), Мария Владимировна Старицкая и Магнус, «король» Ливонии (1573). Но эти браки сложно квалифицировать как по-настоящему дипломатические. В каждом из этих случаев иностранный супруг или супруга переселялись в Московию, иногда задолго до женитьбы/замужества. Царевич Петр был крещеным царевичем-Чингизидом, который жил (а скорее удерживался в плену) в Московии еще до крещения и брака с дочерью Ивана III. Елена Глинская и члены ее семьи иммигрировали в Московию в 1508 году¹⁶⁵. Мария/Кученей Черкасская была настоящей иностранной невестой, но ее семья уже утвердилась в Московии, где братья Марии служили при дворе Ивана IV. А Магнус, сын короля Датского Кристиана III, был вынужден править марионеточным Ливонским королевством в рамках большой схемы Ивана IV в игре на Балтике¹⁶⁶.

Таблица 1.1. Паттерны династических браков в Московии: происхождение супругов в XIV–XVIII веках

Век	Иностранцы, абс. число (%)	Удельные, абс. число (%)	Соотечественники, абс. число (%)	Итого, абс. число
XIV	6 (32)	12 (63)	1 (5)	19
XV	8 (30)	13 (48)	6 (22)	27
XVI	6 (25)	0	18 (75)	24
XVII	1 (12)	0	8 (88)	9
XVIII	10 (91)	0	1 (9)	11

¹⁶³ Ibid. См. также: *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia. 1613–1689. Princeton, 1983. P. 70–71, 76–81.*

¹⁶⁴ Статистика отражает те свадьбы (n=70), где человек, вступающий в брак с членом этой династии, нам известен, а дата бракосочетания либо известна, либо может быть достоверно определена для XIV–XVI веков. См.: *Baumgarten N. de. Généalogies des branches régnantes de Rurikides. P. 10–35 (tables II–V).*

¹⁶⁵ *Riib H. Elena Vasil' evna Glinskaja // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1971. Bd. 19. S. 481–498.*

¹⁶⁶ О царевиче Петре см.: *Ostrowski D. The Extraordinary Career of Tsarevich Kudai Kul/Peter in the Context of Relations between Muscovy and Kazan' // States, Societies, Cultures East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski / Ed. by J. Duzinkiewicz. New York, 2004. P. 697–719.* О Глинских см.: *Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 142–143; Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. P. 207.* О Марии Темрюковне см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [далее – ОР РНБ]. Собрание А. А. Титова. № 891. Л. 326 об. (фрагмент свадебного разряда). О Магнусе см. в: ДРВ. Ч. 13. С. 97–103; БАН. 16.15.15. Л. 175 – 178 об.; 32.4.21. Л. 129 об. – 132; РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 10. Л. 1–3.

Источник: *Baumgarten N. de. Généalogies des branches régnautes de Rurikides du XIIIe au XVIe siècle. Rome, 1934. P. 10–35 (tables II–V).*

Во всех четырех случаях иностранный супруг или супруга уже имели опыт связи с московским двором. Если отбросить эти случаи, то иных брачных связей между московской династией и иностранными принцами и принцессами в промежутке между 1495 годом и 1710-м (когда состоялась свадьба племянницы Петра Великого Анны Иоанновны, будущей императрицы, и Фридриха Вильгельма Курляндского) нет. (Мы не рассматриваем женитьбы Лжедмитрия I на Марине Мнишек в 1606 году и Петра Великого на Марте Скавронской в 1712-м, поскольку эти примеры выбора невесты были уникальными.) Такое положение сложилось не из-за недостатка попыток: московские правители продолжали усилия по заключению брачных союзов с представителями иных государств, особенно западных. Но катастрофический провал брака Елены Ивановны и Александра, по-видимому, отбил желание у великих князей, царей и их советников использовать женитьбу правителя как дипломатический инструмент. Только Петр Великий в начале XVIII века внес необходимые поправки в брачный ритуал и в требования перехода в православие, что позволило династическим бракам вновь появиться на дипломатической арене¹⁶⁷.

С начала XVI века браки демонстрировали не только явную предпочтительность отечественного супруга/супруги, но и резкие изменения в происхождении этих отечественных супругов по сравнению с прошлым столетием. Женихи и невесты не выбирались теперь из выдающихся боярских родов, таких как Патрикеевы. Предпочтение отдавалось «сравнительно незначительным» родам, таким как Сабуровы, Собакины, Колтовские и большинство других семей, отдававших дочерей за российских правителей в XVI и XVII веках. Конечно, были и исключения, но в целом эти века отмечены заметным отсутствием в Тереме невест из знаменитых семей.

Этот «новый паттерн» браков Даниловичей был прямым следствием введения смотров невест. В период между 1505 годом (первый брак Василия III) и 1689-м (первый брак Петра I) смотры невест организовывали почти для каждого мужчины правящей династии (см. табл. 1.2). Московский двор нашел в браках, заключенных благодаря смотру невест, практически все преимущества браков с иностранками. Иностранные невесты и женихи приезжали в Москву лишь с небольшим числом слуг и потому не могли нарушить баланс придворных фракций. Невеста была человеком со стороны, чужой, и это устраивало людей, принадлежавших к внутреннему кругу и более всего желавших остаться на своем месте. Победительница смотра невест функционально была иностранкой, но без той высокой цены и культурных барьеров, что всегда сопровождали появление иностранной невесты. Это объясняет, почему (как мы увидим во второй главе) смотры невест породили набор новых и связанных с этими новыми ритуалов и помогли смастерить новую, вымышленную идентичность для невесты.

Таблица 1.2. Смотры невест в Московии, 1505–1689 годы

---

¹⁶⁷ *Martin R. E. Ritual and Religion in the Foreign Marriages of Three Muscovite Princesses // Russian History. 2008. Vol. 35. № 3–4. P. 357–381.*

<i>Дата свадьбы</i>	<i>Задokumentированные мотры невест</i>	<i>Вероятные мотры невест</i>	<i>Нет информации</i>	<i>Не было мотров невест</i>
4 сентября 1505	Василий III и Соломония Сабурова			
21 января 1526	Василий III и Елена Глинская			
2 февраля 1533		Андрей Старицкий и Евфросиния Хованская		
3 февраля 1547	Иван IV и Анастасия Юрьева			
3 ноября 1547	Юрий Васильевич и Ульяна Палецкая			
31 мая 1549	Владимир Старицкий и Евдокия Нагая			
21 августа 1561				Иван IV и Мария Черкасская
Не позднее 1571				Борис Годунов и Мария Скурадова-Бельская
28 октября 1571	Иван IV и Марфа Собакина			
4 ноября 1571	Иван Иванович и Евдокия Сабурова			
Апрель или май 1572		Иван IV и Анна Колтовская		
Сентябрь/октябрь 1574 — январь 1575		Иван IV и Анна Васильчикова		
1575			Иван Иванович и Пелагея Соловая	
1575			Федор Иванович и Ирина Годунова	
1577?		Иван IV и Василиса Радилова (Мелентьева)		
6 сентября 1580		Иван IV и Мария Нагая		
1580			Иван Иванович и Елена Шереметева	
8 мая 1606				Лжедмитрий I и Марина Мнишек
17 января 1608				Василий Шуйский и Мария Буйносова-Ростовская
Намечалась на июль 1616	Михаил Романов и Мария Хлопова			
19 сентября 1624	Михаил Романов и Мария Долгорукова			
5 февраля 1626	Михаил Романов и Евдокия Стрешнева			
Намечалась на 14 февраля 1648	Алексей Михайлович и Евфимия Всеволожская			
16 января 1648	Алексей Михайлович и Мария Милославская			
22 января 1671	Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина			
18 июля 1680	Федор Алексеевич и Глафья Грушецкая			
15 февраля 1682	Федор Алексеевич и Марфа Апраксина			
9 января 1684	Иван Алексеевич и Прасковья Салтыкова			
27 января 1689	Петр I и Евдокия Лопухина			

То, что мотры невест и этот «новый паттерн» в династических браках появились на сцене одновременно, не было простым совпадением. Как бы ни возникла сама идея (как отклик на византийские мотры невест, как российская адаптация Книги Есфирь, как уловка Траханиотова с целью сосватать дочь за царя), мотры невест стали идеальным решением матримониальной дилеммы, перед которой оказались Василий III и его советники. Эти мотры были разработаны в ответ на новые матримониальные условия, возникшие после успешного «собрания Руси» Москвой (потеря удельных невест), после того, как отвернулись от иностранцев из-за фиаско Елены Ивановны, и после общего признания (вероятно, и правителем, и его сподвижниками из числа бояр) в связи с династическим кризисом 1497–1502 годов, что женитьба на дочерях родовитых бояр – идея плохая. Мотры невест служили инструментом, разработанным для поиска супруги из «сравнительно незначительного» рода: идеальный новый состав

кандидаток представлял все преимущества иностранных невест, но без связанных с ними проблем и затрат, а также все достоинства невест отечественных, но без дестабилизирующего фаворитизма, имевшего место при прошлых браках с дочерьми могущественных придворных.

Глава 2

«НЕ ВЗИРАЯ НА БЛАГОРОДСТВО ИЛИ КРОВЬ»

Выбор царской невесты

Выбор царской невесты был делом продолжительным и весьма нелегким. Дело в том, что царь сам выбирал себе девицу в невесты и в этом выборе руководился единственно своим личным усмотрением. Со стороны невесты не требовались ни знатность происхождения, ни близость ее родителей к царскому двору, ни богатство. Счастье стать царскою невестою обуславливалось исключительно красотой девицы, ее непосредственными личными достоинствами. Требовалось лишь одно: чтобы девица, при взгляде царя, пришлась ему по душе, а происхождение и состояние и все другие посторонние соображения в расчет не принимались. Поэтому царь не ограничивал своего выбора дочерями своих близких князей и бояр или семьями ближайших бояр московских, но искал себе невесту со всей своей вотчины, которой была вся Русь.

Такой выбор, естественно, требовал поголовного смотра всех девиц Московского государства. Для этого в Москве составлялась царская грамота и посылалась ко всем помещикам Руси, разделенной для удобства на округа, с наказом, чтобы помещики везли всех своих дочерей-девиц в город для смотра. В областные и другие города царь посылал доверенных людей из окольных и дворян с дьяками, которые, вместе с наместниками и воеводами, должны были пересмотреть всех девиц назначенного округа. Конечно, помещики, под опасением опалы, обязаны были отнюдь не укрывать своих дочерей и не мешкать привозом их в город. <...>

На этом [региональном] смотре доверенные царя должны были выбирать самых красивых девиц и составить особую роспись. Красавиц этих к назначенному сроку нужно было доставить в Москву, и здесь их ожидал еще смотр, более подробный и тщательный, в присутствии самых близких к государю лиц и самого царя. <...>

Из привезенных красавиц царь сам выбирал себе самую лучшую, которая приходилась ему по душе. Свое решение царь выражал тем, что подавал избранной своей невесте платок и кольцо. Тотчас же после избрания царская невеста торжественно вводилась в царские хоромы, в которых и оставалась до времени свадьбы на попечении и под надзором ближних боярынь и своих государевых родственниц¹⁶⁸.

Этот образ избрания невесты для царя вновь и вновь появляется в популярной и научной литературе. Приведенный отрывок взят из популярной книги конца XIX века и содержит все обычные мифы о смотре невест в Московии. Царь «в этом выборе руководился единственно своим личным усмотрением». Он выбирал невесту, учитывая ее красоту, а не высокое происхождение или родословную. Смотры невест были «поголовным» поиском по всей стране и проводились придворными, отправленными в регионы, чтобы собрать претенденток, которые могли понравиться царю. И когда эти претендентки наконец демонстрировались государю, он обозначал свой выбор, преподнося платок и кольцо той, «которая приходилась ему по душе».

---

¹⁶⁸ Георгиевский Г. П. Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М., 1896. С. 347–356.

Итак, хотя процесс был «продолжительным и весьма нелегким», все управлялось царем, и решение принимал он один. Смотр невест являлся квинтэссенцией автократической власти.

Такой идеализированный взгляд на смотр невест, какой отображен в этом отрывке, а также во многих научных подходах, представляет для современного читателя много проблем интерпретации. Во-первых, он основан на источниках разного качества и вида, включая иностранные отчеты и официальные свадебные описания, которые часто противоречат друг другу и игнорируют изменения в обычае смотра невест, происходившие со временем. Во-вторых, в этой версии смотра невест красота – единственный критерий отбора, в то время как в других источниках указаны иные критерии, в том числе генеалогия: говорится о поисках не самых высокородных кандидаток, а тех, что не связаны с известными родами московского двора. Наконец, вышеприведенное описание смотра невест искажает цель и значение данного обычая. В то время как смотр невест, несомненно, транслировал образ автократичного и всемогущего правителя, за таким образом скрывалась иная реальность. Как видно из официальных (канцелярских) источников, бояре, придворные разных чинов и царские родственники играли самую непосредственную и даже определяющую роль в выборе невесты. Результат был коллективным решением.

В этой главе вскрываются противоречия в общепринятом нарративе московского смотра невест и исследуются три важные стадии: формирование списка претенденток, его сужение до небольшой группы финалисток путем учета физических данных и происхождения и, наконец, отбор. В главе показано, что смотр невест был в меньшей степени независимым царским суждением, а в большей – трезвым и взвешенным отбором здоровой, красивой и (как надеялись) фертильной невесты из нужного рода, а лучше сказать – не из нежелательного. Таким образом, родство становится важным критерием, о чем умалчивают иностранные описания и что полностью игнорируют официальные российские описания женитьб. Наконец, в этой главе рассматриваются сами невесты и то, как их идентичность менялась после избрания на смотре. В главе представлен материал для построения нового нарратива о смотре невест, полностью основанного на источниках, внимание уделено изменениям, которые претерпевал обычай в течение двух столетий. Показана важная роль женщин – и победительниц, и проигравших – в конкурсе невест.

Механизм смотров невест

Традиционный нарратив о смотре невест по большей части основан на собранных воедино иностранных отчетах и официальных описаниях московских женитьб. Иностранные записки, несомненно, богаты деталями и потому являются самым упоминаемым источником информации о смотре невест. Но, как предостерегал В. Ф. Райан, «это не более чем заметки путешественника с описанием того, что для автора незнакомо, чуждо, даже отталкивающе, что может сделать его повествование интересным и полезным, а задача его позднего читателя и ответственность историка – распутать этот клубок, оценить правдивость истории, учесть убеждения, доверчивость и предубеждения путешественника, его компетентность как наблюдателя, его знание местного языка и обычаев, достоверность его информации»¹⁶⁹. Когда иностранные записки о смотре невест «распутываются» и «оцениваются» так, как предлагает Райан, то значительная часть традиционного нарратива оказывается ворохом разрозненных нитей. Мало помогают в установлении правды и официальные описания свадеб. Истинная цель смотра невест выявляется, если отчеты иностранцев и официальные описания свадеб сопоставляются с канцелярскими документами, созданными в связи с поиском невесты. Остатки бумажного следа от, несомненно, колоссальной писчей работы, эти документы помогают сформировать новое и более правдивое представление о том, каков был механизм смотров невест.

---

¹⁶⁹ Ryan W. F. *Russian Magic at the British Library: Books, Manuscripts, Scholars, Travellers / British Library's series Panizzi Lectures for the year 2005*. London, 2006. P. 76–77.

Подбор невест

Большинство ритуалов московского двора осуществлялось внутри изолирующих стен Кремля. Только несколько дворцовых событий – процессия в Вербное воскресенье, освящение воды в праздник Богоявления, крестные ходы (я привожу наиболее изученные примеры) – заставляли царя и его окружение выйти за стены Кремля на обозрение подданных¹⁷⁰. Как верно подметил историк Пол Клебер Монод о Западе до периода Реформации, «до эпохи религиозных реформ европейские монархи воспроизводили культовые жесты правителей перед крошечной аудиторией придворных. Их священные тела редко можно было увидеть, и они никогда не могли быть постигнуты своими подданными»¹⁷¹. В Московии аудитория для большинства царских ритуалов – коронация, крещение, празднование в честь наречения имени и т. д. – была, если уж на то пошло, еще более крошечной. Смотр невест в этом плане сильно отличался от иных обычаев. Его открытие происходило непосредственно на публичном пространстве возле Кремля. Это был ритуал, который – вновь процитирую Монода – функционировал как «публичное провозглашение темы власти» или как то, что Мишель Фогель назвала «информационной церемонией»¹⁷². Немногие царские ритуалы – даже не коронация и не венчание – могли использоваться для проецирования заранее заданного образа величия и силы так эффективно, как смотры невест.

На протяжении почти двух столетий своего существования в Московии смотры невест организовывались по-разному, но некоторые элементы обычая сохранялись все это время. Первым шагом в организации смотра невест была отправка придворных из царского московского двора в главные города Европейской России, чтобы провести региональные смотры потенциальных претенденток. В своих записках иностранные путешественники по-разному намекали на начальный смотр невест. Петр Петрей (1615) писал о том, как Василий III «велел созвать» молодых женщин «со всей земли»¹⁷³. Франческо да Колло (1518) докладывал, что «сей Великий Князь Василий – как мне рассказали – решил завести жену, чтобы иметь детей и обеспечить себя законным наследником и преемником Государства; для этого повелел объявить во всех частях своего Государства, чтобы – не взирая на благородство или кровь, но лишь на красоту – были найдены самые красивые девственницы»¹⁷⁴. Джером Горсей (1571) описывал, как Иван IV «собрал со всего государства самых красивых дочерей его бояр и дворян, девушек, и выбрал из них жену для своего старшего сына»¹⁷⁵. Иоганн Таубе и Элерт Крузе (1572) в подробностях рассказали, как в 1570 году царь Иван IV «отправил нескольких людей во все края, даже в те земли, которые только недавно стали частями этой огромной страны, проверить всех девушек, молодых и старых, высокого и низкого происхождения, с тем, чтобы записать их имена, рост и строение, чтобы исключить подмену и обман, и приказал всем им, числом 2000, прийти в Александрову Слободу»¹⁷⁶. Страленберг (1730) также предполагал, что были делега-

¹⁷⁰ О традициях Вербного воскресенья см. для начала: *Flier M. S. Breaking the Code*. P. 213–242; *Idem. The Iconography of Royal Procession: Ivan the Terrible and the Palm Sunday Ritual // European Monarchy: Its Evolution and Practice from Roman Antiquity to Modern Times / Ed. by H. Duchhardt, R. A. Jackson, D. Sturdy. Stuttgart, 1992. P. 109–125. Об обрядах на Богоявление см.: Bushkovitch P. The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Russian Review. 1990. Vol. 49. № 1. P. 1–17. О религиозных процессиях см.: *Kollmann N. Sh. Pilgrimage, Procession, and Symbolic Space in Sixteenth-Century Russian Politics // Medieval Russian Culture. Vol. 2. P. 163–181.**

¹⁷¹ *Monod P. K. The Power of Kings: Monarchy and Religion in Europe. 1589–1715. New Haven, 1999. P. 81–86 (цит. – P. 83).*

¹⁷² *Ibid. P. 83; Fogel M. Les Cérémonies de l'information dans la France du XVIe au milieu du XVIIIe siècle. P. 11–19.*

¹⁷³ *Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 235.*

¹⁷⁴ *Колло Ф. да. Доношение о Московии. М., 1996. С. 53, 66.*

¹⁷⁵ *Горсей Джс. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 62.*

¹⁷⁶ [Таубе И., Крузе Э.] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. и подгот. к публ. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 55.

ции, отправленные для сбора невест: «Когда государь восприял намерение к супружеству и в Сенате о том объявил, тогда бояре изыскивали всех прекраснейших девиц и отсылали оных во двор царски[й]»¹⁷⁷. Самуэль Коллинс (1667) описывал, как царь Алексей Михайлович «собрал многих молодых девушек»¹⁷⁸. Фуа де ла Невилль (1689) сообщал в целом, как российские правители приказывали, «чтобы со всей России привозили ко двору самых красивых девушек»¹⁷⁹.

Прямые указания на поиск по всему царству присутствуют и в обширной канцелярской документации по поводу смотров невест в XVI веке. Два оригинальных канцелярских черновика содержат списки придворных, направленных далеко по всему царству в поисках кандидатов на смотр невест для первой женитьбы Ивана IV. Один черновик Владислав Дмитриевич Назаров датирует серединой декабря (12–18 числами) 1546 года, а другой – примерно 9 января (см. табл. 2.1)¹⁸⁰. Эти списки, хоть и неполные, содержат имена 29 придворных, разделенных на 13 групп, которые были направлены в 27 региональных городов с целью начальной оценки невест для царя Ивана IV. Каждого придворного сопровождали дьяк и подьячий. Каждая такая делегация была назначена в 1–4 города – в зависимости, как полагают, от численности городского населения¹⁸¹. Например, окольный Иван Иванович Беззубцев и дьяк Посник Путятин были направлены на юг от Москвы: в Коломну, Каширу, Серпухов и Тарусу¹⁸². Князь Петр Андреевич Булгаков и дьяк Гаврило Тыртов были направлены на восток: во Владимир, Суздаль и Юрьев¹⁸³. Великий Новгород, Переславль и Кострома были, по всей видимости, довольно большими городами и заслужили отдельные делегации¹⁸⁴.

Таблица 2.1. Список городов, посещенных придворными с целью отбора кандидаток на смотр невест для Ивана IV, декабрь 1546 года и январь 1547-го

¹⁷⁷ Страленберг Ф. И. Записки. С. 83.

¹⁷⁸ Collins S. The present State of Russia. London: John Winter, 1667. P. 11–12; Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии. С. 191.

¹⁷⁹ Невилль, Фуа де ла. Записки о Московии / Отв. ред. В. Д. Назаров, Ю. П. Малинин. М.: Долгопрудный, 1996. С. 161.

¹⁸⁰ Первый документ, датированный В. Д. Назаровым серединой декабря 1547 года, см. в: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 6–7; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 117–118 (документ 4). Второй документ, датированный 9 января по надписи в нем, см. в: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 8; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 121 (документ 12).

¹⁸¹ Третий список дьяков, составленный, согласно В. Д. Назарову, в конце января 1547 года, также, по-видимому, связан со смотром невест для Ивана IV: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 14; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 121–122 (документ 15).

¹⁸² РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 6; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 117 (документ 4).

¹⁸³ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 8; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 117 (документ 12). Князь П. А. Булгаков назван в документе Куракиным: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 6–7; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 117 (документ 4). Князья Булгаковы и Куракины были потомками по мужской линии Патрикеевых (Гедиминовичей). См.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 29–35 (особенно табл. 1 на с. 30); Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. P. 225–226.

¹⁸⁴ В дополнение к придворному и дьяку в каждой из 13 групп, записанных в декабре 1546 года, добавилось в январском списке 1547 года по подьячему, который также был направлен («по ним послан»). См.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 8; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 121 (документ 12).

<i>Посещенные города</i>	<i>Направленные придворные (декабрь 1546 года)</i>	<i>Направленные придворные (январь 1547 года)</i>
Коломна Кашира Серпухов Таруса	окольничий Иван Иванович Беззубцов, дьяк Посник Путятин	
Боровск Калуга Козельск Воротынский	князь Федор Алексеевич Куракин, дьяк Шершень Билибин	
Можайск Волок	князь Семен Федорович Алабышев, дьяк Истома Чертовский	
Вязьма Дорогобуж	князь Иван Семенович Мезецкий, дьяк Гаврило Щенок	
Тверь Торжок	Борис Иванович Салтыков, дьяк Гаврило Северицын	
Кострома	князь Борис Дмитриевич Щепин, дьяк Невежа Копнин	
Переславль	князь Дмитрий Дмитриевич Щепин, дьяк Поспел Лебедев	князь Дмитрий Дмитриевич Щепин, дьяк Поспел Лебедев, подьячий Онтипа Гридин
Ростов Ярославль	князь Федор Семенович Мезецкий, дьяк Дмитрий Горин	князь Федор Семенович Мезецкий, дьяк Дмитрий Горин, подьячий Онтипа Гридин
Владимир Суздаль Юрьев	князь Петр Андреевич Куракин, дьяк Гаврило Тыртов	князь Петр Андреевич Булгаков, дьяк Гаврило Тыртов, подьячий Василий Нечаев
Муром Нижний Новгород	князь Петр Семенович Янов- Ростовский, Иван Кузьмин	князь Петр Семенович Янов- Ростовский, Иван Кузьмин, Арбуз Трескин
Углич Бежецкий Верх	Владимир Васильевич Морозов, дьяк Степан Скрыпов	Владимир Васильевич Морозов, дьяк Степан Скрыпов, Молчан Судоков
Новгород	окольничий Иван Дмитриевич Шеин	окольничий Иван Дмитриевич Шеин, Оврам (Орап?) Качабаров, сын Погожево
Торопец		

Источник: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 6–8.

Придворный со своим малым писчим штатом просматривали претенденток не в одиночестве. Чиновники, направленные из Москвы, работали в связке с местным руководством, т. е. с наместниками (губернаторами), которые были обычно боярами или окольничими, и вместе они формировали юри – как их назвал В. Д. Назаров, «комиссии» – для проведения регио-

нального смотра невест¹⁸⁵. Например, призывы, распространенные царем Иваном IV в Бежецкой пятине в декабре 1547 года, четко показывают, кто служил в такой отборочной комиссии в разных районах (пятинах) Великого Новгорода:

От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в нашу отчину в Велький Новгород в Бежитцкую пятину от новгорода верст за сто и за полторас[та] и за двести князем и детем боярским. Послал есми в твою отчину в Великий Новгород окольничево своего Ивана Дмитриевича Шеина, а велел есми бояром своим и намесником князю Юрью Михайловичю Булгакову да Василью Дмитриевичю [Шеину – вероятно, брату посланника. – *Прим. авт.*]¹⁸⁶ да окольничему своему Ивану смотрити у вас дочерей девок нам невесты. И как к вам ся наша грамота придет, и у которых у вас будут дочери девки – и вы б с ними часа того ехали в Великий Новгород, а дочерей бы есте у себя девок однолично не таили, повезли бы есте в Великий Новгород часа того не мотчая. А которой вас дочь девку у себя утаит и к бояром нашим и к намесником ко князю Юрью Михайловичю и к Василию Дмитриевичу и к окольничему нашему к Ивану не повезет – и тому от меня быть в великой опале и в казни. А грамоту посылали меж себя сами не издержав ни часу¹⁸⁷.

Ясно, что в Новгороде отбор претенденток был осуществлен жюри из трех человек: окольничим Иваном Дмитриевичем Шеиным (отправленным из Москвы для этой цели), боярином князем Юрием Михайловичем Булгаковым (наместником) и боярином Василием Дмитриевичем Шеиным (который, по всей видимости, уже находился в Новгороде). Им троим ассистировал по крайней мере один дьяк – Оврам (или Орап) Качабаров сын Погожево¹⁸⁸. Формирование комиссий в больших и средних по размеру городах Московии и ясно видимая прodelьваемая ими работа не могли быть не замечены населением, равно как и не оставляли возможности не понять их политический посыл: величие царя и его власть должны быть поистине безграничны и богоустановленны, если его женитьба требует столь грандиозного действия, как это.

При других женитьбах использовалась сходная процедура. В церемониале (свадебном чине) женитьбы младшего брата Ивана IV, князя Юрия Васильевича, и Ульяны Палецкой в 1547 году говорится, что кандидатки были призваны – возможно, указом – в Москву, где им устроили проверку: «И Царь и великий князь Иван Васильевич, всея России, велел бояром и князем дочери девки привезти на свой царский двор; и как девки свезли, и царь великий князь Иван Васильевич, всея России, и князь Юрья Васильевич девок смотрели; и полюбил князь Юрья Васильевич княжну Дмитриеву дочь Федоровича Палицкова, княжну Ульяну»¹⁸⁹. Аналогичным образом в церемониале женитьбы князя Владимира Старицкого и Евдокии Нагой в 1549 году содержится намек на распространяемый призыв на смотр невест в Москве:

...приговорил государь, царь и великий князь Иван Васильевич, всея России, женить брата своего, князь Володимира Андреевича, удельнова; и приговорил прописать у бояр и князей дочерей девок и по времени их пересмотреть; и тогда свадьбу государь царь отложил для своего походу к Казани; а приговорил смотреть после Казанского дела.

¹⁸⁵ Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 114–115.

¹⁸⁶ Там же. С. 115.

¹⁸⁷ Там же. С. 118 (документ 5). Цит. по: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 1.

¹⁸⁸ Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 121 (документ 12). Цит. по: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 8.

¹⁸⁹ ДРВ. Ч. 13. С. 36.

И мая в 24 день в неделю смотрел царь и великий князь Иван Васильевич, всея России, и князь Володимир Андреевич девок и полюбил девку Авдотью Александрову дочь Михайловича Нагова¹⁹⁰.

Региональные, начальные смотры невест, по всей видимости, дожили до XVII века, но в условиях новой династии в процесс были внесены коррективы. Когда в 1669–1671 годах царь Алексей Михайлович стремился жениться во второй раз, он призвал к себе возможных невест преимущественно из Москвы, но также из Костромы, Суздаля, Рязани, Владимира и Великого Новгорода¹⁹¹. Как мы увидим далее, претендентки были представляемы царю дробно в течение многих месяцев – обычно по две-три или четыре, а не все сразу во время одного смотра невест. На организации свадеб царя Федора III в 1680 и 1682 годах и царя Ивана V в 1684-м сильно сказались заболевания женихов (физические и психические), определяющее влияние родственников и фаворитов, а также общие перемены в политической культуре при дворе. В результате эти три последних смотры невест были значительно меньшими предприятиями, возможно, без обширного поиска среди провинциалок той, что «всех милее». В целом в XVII веке смотры невест, как и многое другое, представляли собой вариации на прежние темы¹⁹².

Кто составлял по заданию комиссий список кандидаток? Были ли это, как говорится в официальных свадебных описаниях и в некоторых отчетах иностранцев, дочери «бояр и князей» или, как сообщает да Колло, «самые красивые девственницы», избранные «не взирая на благородство или кровь»?¹⁹³

Если бы мы опирались только на отчеты иностранцев, то считали бы, что смотр невест был полностью открытым конкурсом, включавшим кандидаток от всех сословий и из каждого уголка царства, отобранных за свою красоту, благочестие и добродетели. А если бы мы опирались только на официальные документы, то полагали бы обратное: смотр невест совсем не был открытым конкурсом, и список кандидаток полностью составляли имена девушек из выдающихся княжеских семей и боярских родов. Однако из канцелярских источников выясняется, что это не было ни открытым конкурсом, ни соревнованием аристократок. В смотрах невест XVI–XVII веков не участвовали крестьянки, дочери священников и очень редко можно было встретить княжон (по крайней мере, до конца XVII века). Указы, рассылаемые комиссиями по отбору, имели адресатов: князья, занимающие административные должности в регионах или служащие в кавалерии, и дети боярские (служилые люди среднего звена), несшие службу в городских гарнизонах. Когда в 1547 году Иван IV приказывал провести предварительные смотры невест в Вязме, Дорогобуже, Ростове, Великом Новгороде и, возможно, где-то еще, он четко адресовал эти указы «князем и детям боярским дворовым и городовым», а не всему населению¹⁹⁴. Под «князьями» не подразумевались семьи с большой властью и чинами, иначе упоминались бы эти чины (бояре, окольные, воеводы, наместники). Скорее, имелись в виду те из Рюриковичей, кто соскользнул в относительную безвестность, занимая административные чины в регионах, возглавляя местную кавалерию или провинциальные (уездные) администрации. Таким образом, это выражение – «князья и дети боярские дворовые и городовые» – вероятнее всего, обозначало вообще все семьи, которые являлись местной привилегированной группой, но едва ли были известны в Москве. Валери Кивельсон исследовала эти семьи как

¹⁹⁰ Там же. С. 46; БАН. 16.15.15. Л. 103–104; Там же. 32.4.21. Л. 79 – 79 об.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 287. Л. 7–8. См. в настоящей кн. приложение А.

¹⁹² Назаров предположил, что (по крайней мере, в XVI веке) было два метода составления списка претенденток: 1) отправляли придворных для формирования «комиссий», которые проводили предварительные смотры невест в провинциальных городах, или 2) призывали девушек непосредственно в Москву (Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 114–115). Забелин рассматривал отправку придворных и собрание в Москве как части единого процесса (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. С. 212–215). Настоящее исследование во многом следует за Забелиным.

¹⁹³ Карамзин Н. М. История. Т. 7. Прим. 402; Колло Ф. да. Доношение о Московии. С. 53, 66.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 1 (Великий Новгород), 5 и 6 (Вязма и Дорогобуж), 55 (Ростов), 56 (Вязма).

«провинциальную знать» – «нижний ранг привилегированной элиты внутри строго стратифицированного, четко выстроенного сообщества»¹⁹⁵.

Несмотря на появление вроде бы заманчивой возможности для тех отцов, чьи дочери подходили под описание, сохранившиеся свидетельства указывают, что «князья и дети боярские» не всегда стремились послать дочерей участвовать в этих предварительных региональных смотрах невест. Царские призывы могли встречать упорное сопротивление со стороны «провинциальной знати». Поиски первой невесты для Ивана IV предоставляют нам важнейшие сведения. Как мы уже видели в указе, отосланном в декабре 1546 года в Великий Новгород, Иван IV предупреждал князей и детей боярских, чтобы «у себя девок однолично не таили»¹⁹⁶. Такое предупреждение было нелишним. Князь Федор Семенович Мезецкий, отправленный в Ростов в декабре 1546 года, в конце месяца докладывал Ивану IV, что после распространения царских воззваний ко всем князьям и детям боярским в регионе не последовало ни единого ответного отклика: «И которых есмя, государь, розсылыщиков с твоими государевыми грамотами и своими грамотами посылали, и те, государь, розсылыщики все к нам в Ростов съехались. И после того есмя, государь, жили в Ростове неделю, и к нам, государь, из Ростовского уезду не бывал никаков человек». Между тем Мезецкого понизили и заставили отбирать невест самостоятельно. «А сказали, государь, нам – у князя у Петра да у князя у Ивана [Семеновичей] у Яновых их дочери. И у тех есмя, государь, смотрили. Да и у владычных [т. е. архиепископских] есмя, государь, детей боярских и у городцких людей смотрили ж» (дочери Петра и Ивана Яновых-Ростовских, упомянутых в тексте, не могли быть скрыты от смотра невест, поскольку один из братьев, князь Петр, сам был вовлечен в поиски невесты для царя, организуя региональные смотры невест в Муроме и Нижнем Новгороде)¹⁹⁷. В Ростове дело у Мезецкого не пошло, и он со своим дьяком, Дмитрием Гориным, отправился со следующим заданием в Ярославль¹⁹⁸.

С подобным же нежеланием принимать участие в региональных смотрах невест столкнулся и брат князя Федора, Иван Семенович Мезецкий, отправленный в Вязьму. Он с сожалением писал царю:

Государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси холопи твои Иванец Мезецкой да Щенок челом бьют. Послал еси, государь, нас в Вязьму, и мы, государь, приехав в Вязьму, твою государеву грамоту послали в Вяземской уезд князем и детем боярским в станы и в волости, да и свои есмя, государь, грамоты по твоему государеву слову послали во все станы и в волости ко князем и детем боярским. И мы, государь, живем в Вязме две недели, а ни один князь или сын боярской сами у нас не бывали и дочерей своих к нам не везут. А у городцких, государь, людей дочерей таковских нет, люди все молоды, не дородны. А смотрили есмя, государь, дочери у князя Василья у княж Иванова сына Гундорова. И какова, государь, княжна рожем [внешностью, обликом. – *Прим. ред.*] и леты – и мы, государь, к тебе послали тому список за своими печатями с подьячим с Устюгом. А сами есмя, государь, поехали в Дорогобуж генваря в 2 день¹⁹⁹.

Нежелание участвовать не ограничивалось только смотром невест для Ивана IV. Такое же сопротивление провинциальных служилых людей вызвал смотр невест, организованный

¹⁹⁵ Kivelson V. A. *Autocracy in the Provinces*. P. 26.

¹⁹⁶ Цит. выше. См.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 1; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 118 (документ 5).

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 55; № 2. Л. 6–7.

¹⁹⁸ Там же. Д. 5. Л. 55; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 118–119 (документ 6).

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 56; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 119 (документ 7). [О слове «рожаи» см., например: Зализняк А. А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 235. – *Прим. ред.*]

для умственно отсталого брата Ивана IV, князя Юрия Васильевича. Княгиня Анна Пенкова обязана была показать свою дочь в Москве, но вместо этого отправила царю в октябре 1547 года письмо с отказом. В письме она утверждала, что дочь ее больна. Согласно убедительным рассуждениям Назарова, Пенкова просто нашла оправдание, чтобы не показывать дочь. Она писала: «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси княж Васильева жена Пенкова Анна челом бьет. Велел еси, государь, мне быти на Москву з дочерью з девкою за десять день до Дмитреева дни. И по грехом, государь, по моим дочи моя больна, весть е[е], государь, не мочно»²⁰⁰. Похоже, мать содрогалась от мысли, что ее дочь выйдет замуж за слабоумного князя Юрия²⁰¹. Фактически Пенкова заставила дочь «прогулять» смотр невест.

Назаров объяснял сопротивление смотрам невест несколькими причинами. Он предполагал, что отцы подходящих дочерей могли быть демотивированы слишком малыми шансами на успех; что были логистические трудности, с которыми столкнулись бы многие кандидатки (плохие дороги и стоимость надлежащего убранства для участницы смотра невест); что некоторые отцы могли быть в отъезде по долгу службы (как Петр Янов-Ростовский) или больны; наконец, что наиболее серьезные и нацеленные на успех кандидатки могли отправляться напрямую в Москву, не доверяя суждениям местного правителя и других чиновников, которым случилось войти в состав комиссии на региональных смотрах²⁰².

Но Иван IV не верил, что у князей и детей боярских были столь невинные причины для недоставления дочерей на региональные смотры. Отчет князя Ивана Мезецкого, посланный из Вязьмы, спровоцировал суровый ответ. Иван IV написал Мезецкому: «И мы к ним послали другие свои грамоты с [опа]люю, а велели им [князьям и детям боярским Вязьмы] и з дочерьми своими к вам [к Мезецкому] ехати часа того. И вы б к ним наши грамоты розослали часа того, да и от себя грамоты п[о]слали по нашему слову часа того, а велел[и] и к себе ехати и дело б есте наше делали по нашему наказу»²⁰³. Сохранившаяся черновая копия указа Ивана IV не оставляет сомнений в серьезности данного вопроса:

От великого князя Ивана Васильеви[ча] всеа Руси в Вязьму и в Дорогобуж князем и д[е]тем боярским дворовым и городовым. Писал к нам князь Иван Семенов[ич] Мезецкой да дворцовой дияк Гаврил[о] Щенок, что к вам послали наши грамо[ты] да и свои грамоты к вам посылали по нашем[у] слову], что[бы] есте к ним ехали з дочерьми своими, а велел есми им смотрити у вас дочерей себе невесты. И вы дей к ним не едете и дочерей своих не везете, а наших грамот не слушаете. И вы то чините не гораздо, что наших грамот не слушаете. И вы б однолично часа того поехали з дочерьми своими ко князю Ивану Семеновичи Мезецкому да к дворцовому дияку к Гаврилу к Щенку. А которой вас к ним з дочерьми своими часа того не поедет – и тому от меня быти в великой опале и в казни. А грамоту посылайте меж себя сами, не издержав ни часу. Писана на Москве лета 7055 генваря 4²⁰⁴.

Эти послания показывают, что, независимо от качества дорог, от стоимости наряда молодой девушки для смотра невест или от сомнения ее отца по поводу шансов на успех, Иван IV и его советники ожидали от провинциальных служилых людей подчинения указу. Сопротивление смотру невест в Вязьме вряд ли было уникальным: о подобном же «неподчинении» докладывали из Дорогобужа и Ростова – все это были очень разные регионы, что говорит о широкой распространенности сопротивления. И оно не ограничивалось лишь женитьбами Ивана IV и

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 3; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 123 (документ 19).

²⁰¹ Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 114.

²⁰² Там же. С. 115.

²⁰³ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 6; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 120 (документ 11).

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 5; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 120 (документ 10).

его брата Юрия. Когда царь Алексей Михайлович в 1669–1671 годах искал себе невесту для второго брака, то слышали, как некий Петр Кокорев давал советы друзьям-придворным не допускать своих дочерей до участия: «Лучше б они девиц своих в воду пересажали, нежели их в Верх к смотру привозили!»²⁰⁵

Помимо этих причин, предложенных Назаровым, легко представить еще две, по которым князья и дети боярские в регионах отказывались принимать участие в том, что, несомненно, было единственной в жизни возможностью стать родственником царя. Во-первых, отцы в этих призывах царя могли видеть больше рисков, чем возможностей. Следовало считаться с семейной честью. Участие в смотре невест предполагало изъятие дочери из ее уединения во внутренних покоях жилых помещений семьи и выставление – буквально – на всеобщее обозрение, т. е. то, что в культуре изоляции женщин из элиты должно было весьма смущать отцов, матерей и, возможно, самих молодых девушек. У провинциального служилого человека, чья семейная честь зависела от репутации женской части дома, сама мысль, что его юную дочь будут тщательно проверять – чужой человек будет изучать ее рост, вес, длину носа, ширину бедер, цвет глаз, не говоря уже о заведомо унижительной проверке на девственность, – могла вызывать сопротивление как мысль о недопустимом попрании социальных норм обращения с молодыми женщинами из элиты²⁰⁶.

Второй вероятной причиной, по которой князья и дети боярские не отвечали на царские призывы, были разумные сомнения, стоит ли присоединяться к тем «политическим играм», что возникали вокруг женитьбы правителя. Боярские роды в Москве были профессионалами в этих играх. Политические драки и войны были их единственным занятием. Но, как показала Валери Кивельсон, менее влиятельные благородные семейства, особенно провинциальные, не вращались в этих кругах²⁰⁷. У них было мало, а то и вовсе не было опыта в высокой придворной политике и потому, вероятно, было мало защитников или покровителей в Москве. Участие в смотре невест забросило бы их в самый центр политиканства, динамика которого – кто соратник? кто враг? – возможно, не до конца была понятна семьям вне ближнего круга придворных. Даже начальные этапы поиска невест – иногда, как мы видим, проходившие в провинциальных городах – могли быть связаны с риском, поскольку отборочная комиссия включала в себя членов наиболее влиятельных родов. Отцы могли не хотеть рисковать своими дочерьми, а также судьбой и счастьем своего рода ради призрачного шанса стать царской родней. И, как мы увидим в последующих главах, опасения этих отцов не были безосновательны²⁰⁸.

---

²⁰⁵ Цит. по: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 257.

²⁰⁶ См.: *Kollmann N. Sh.* By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaca, 1999. P. 72–82; *Eadem.* The Seclusion of Elite Muscovite Women; *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols. P. 64–84.

²⁰⁷ *Kivelson V. A.* Autocracy in the Provinces. P. 103–105, 267.

²⁰⁸ Тредголд обнаружил подобную же нерешительность среди византийских отцов в вопросе выставления дочерей на смотры невест, которую он также объясняет традициями затворнического образа жизни женщин из элиты. См.: *Treadgold W. T.* Bride-Shows of the Byzantine Emperors. P. 398.

Сужая список

Несмотря на нежелание некоторых кандидаток или их семей участвовать в региональных смотрах невест, список претенденток, съезжавшихся в Москву, был достаточно длинным, и его требовалось урезать. Таким образом – и этот момент освещен в нескольких иностранных отчетах, – число кандидаток постепенно сокращалось, пока их не оставалось 12, или 10, или 6. Именно эти девушки и их родные удостоивались аудиенции царя.

Согласно Герберштейну, отборочный процесс первого смотра невест для Василия III в 1505 году включал 1500 боярских дочерей²⁰⁹. Петр Петрей называет в своем описании свадебной церемонии Василия III ту же цифру, хотя вполне вероятно, что он взял ее у Герберштейна²¹⁰. Совершенно ясно, что это преувеличение: в 1505 году было всего 6 бояр (и 5 окольничих), чего только-только хватало, чтобы дать горстку кандидаток²¹¹. Франческо да Колло указывает, что в 1505 году было 500 участниц. Скорее всего, эта цифра тоже завышена. Далее он пишет, что список был сокращен до 300, затем до 200, до 100 и в конечном счете до 10²¹². Иоганн Таубе и Элерт Крузе описывают смотр невест для третьей женьбы Ивана IV (на Марфе Собакиной в 1571 году), на котором также была выбрана невеста для первого брака сына Ивана IV, царевича Ивана Ивановича (Евдокия Сабурова). Согласно отчету Таубе и Крузе, в Александровскую слободу, царскую резиденцию времен опричнины, было призвано 2000 претенденток. «Из всех осталось 24, и, подержав их доброе время одну за другой, выбрал он из них 12», – сказано в описании²¹³. Даниэль Принтц фон Бухау (1578), рассуждая о последующих женьбах Ивана IV, отстоящих от этой всего на несколько лет, пишет, что царь, «намереваясь вступить в супружество... созывает к себе боярских дочерей из всех владений и сначала их осматривает всех, а спустя несколько дней половину отсылает; скоро потом число их опять уменьшает, пока, наконец, не останется одна та, которую пред прочими он считает достойною супружества с собою»²¹⁴. На такое же – в арифметической прогрессии – сокращение числа кандидаток и в XVII веке указывает в 1647 году шведский дипломат в Московии, описывая первый смотр невест, организованный для царя Алексея Михайловича: «...его царскому величеству представлены были во дворце в большом зале 6 девиц, выбранных из 200 других, назначенными для того вельможами»²¹⁵.

В отечественных источниках не обозначено, каким образом сокращали число претенденток, зато иностранцами сказано об этом немало. Многие пишут, что женщины в Кремле оценивали физическое состояние участниц. Так, да Колло сообщает, что кандидатки «были осмотрены повивальными бабками со всяческим вниманием, дабы убедиться, действительно ли они девственницы и способны ли рожать детей и нет ли у них какого недостатка»²¹⁶. Павел Йовий пишет, что цари «приказывают сведущим людям и надежным женщинам осмотреть... [кандидаток], и притом с такою тщательностью, что им дозволяется ощупать и исследовать

²⁰⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 86–88; Herberstein S. von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. P. 47–48.

²¹⁰ Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 236. О повествовании Герберштейна как об источнике для других записок иностранцев см.: Poe M. T. «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography. 1476–1748. Ithaca: Cornell University Press, 2000. P. 128–144; Idem. Herberstein and the Origin of the European Image of Muscovite Government // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii. S. 131–171.

²¹¹ О числе бояр и окольничих в 1505 году см.: Kleimola A. M. Patterns of Duma Recruitment. P. 251–258.

²¹² Карамзин Н. М. История. Т. 7. Прим. 402; Колло Ф. да. Доношение о Московии. С. 53, 66.

²¹³ [Таубе И., Крузе Э.] Послание. С. 55.

²¹⁴ Бухау, Д. Принтц фон [Даниил Принц из Бухова]. Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. Раздел IV («Материалы иностранные»). С. 1–46 (цит. – С. 28).

²¹⁵ [Фербер.] Письма одного шведа из Москвы, в 1647 году писанные // Северный архив. Ч. 1. № 2. С. 152. Об этом письме см.: Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича: В 2 ч. СПб., 1831. Ч. 2. С. 43–47 и прим. 33.

²¹⁶ Колло Ф. да. Доношение о Московии. С. 53, 66; Карамзин Н. М. История. Т. 7. Прим. 402.

даже более сокровенное»²¹⁷. В 1671 году Яков Рейтенфельс, описывая, каким образом менялся с течением времени осмотр, сообщал:

В прежние времена, кроме этого осмотра, еще подвергались, чрез испытанной верности женщин, подробному исследованию физические и нравственные свойства трех избранных самим царем из всего этого сонма, дабы на царское ложе была выбрана самая выдающаяся из всех. Но Алексей, будучи пронизательного ума, без этих проволочек с первого же раза избрал себе в сожительницы Наталью Кирилловну и так же скоро приобрел и ее любовь чрез подарки, достойные столь великого государя²¹⁸.

По сохранившимся запискам практически невозможно понять, кем были эти «испытанной верности женщины». Невилль (1689), скорее всего, находился на правильном пути, когда идентифицировал их как «матерей, сестер и родственниц царей», говоря, что эти женщины «посещают... [девушек] со врачами и лекарями»²¹⁹. В четырех примечательных случаях мать играла важную роль в выборе сына: в 1616 году мать царя Михаила Федоровича, монахиня Ксения Шестова, отвергла первый выбор царя (Марию Хлопову), в 1624 году подвела его к первой жене (Марии Долгоруковой) и нехотя согласилась в 1626-м на выбор второй жены (Евдокии Стрешневой); мать Петра I, Наталья Нарышкина, в 1689 году сама выбрала в супруги сыну Евдокию Лопухину. Сестры трижды сыграли ключевую роль: Василий III советовался с сестрой во время поисков своей первой жены в 1505 году, как это описано в первой главе; сестра царя Алексея Михайловича вмешивалась в смотры невест в 1670 и 1671 годах; регентша Софья фактически руководила просмотром невест для своего брата Ивана Алексеевича в 1684 году. «Родственницами» Невилль, возможно, называл боярынь – жен и родственниц бояр. Эти женщины находились в непосредственной близости к супруге царя, могли свободно входить в Терем и часто были связаны с царской фамилией брачными узами. По словам И. Е. Забелина, им принадлежала ведущая роль в осмотре тех кандидаток в невесты, которые добивались до предпоследнего этапа, а роль ассистенток могли выполнять повитухи и няньки, ухаживавшие за детьми в Тереме²²⁰. Поскольку осмотру подвергались «сокровенные» части тела, то естественно, что проводили его женщины, а учитывая высоту ставок, естественно, что осмотром руководили родные и близкие царя. В большинстве случаев это были жены бояр или свояченицы царя и их родственницы. Конечно, абсолютно логично, что принимали участие и доктора (практически всегда иностранцы). Они не раз появляются на страницах и зарубежных, и отечественных источников, описывающих царских невест и царские женитьбы²²¹. Эти жесткие и скрупулезные проверки сокращали список претенденток до небольшой группы здоровых, девственных и замечательно красивых финалисток, которые могли быть представлены царю.

²¹⁷ *Йовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 274.

²¹⁸ *Рейтенфельс Я.* Сказания о Московии. С. 296.

²¹⁹ *Невилль, Фуа де ла.* Записки о Московии. С. 161.

²²⁰ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 386–396; *Keenan E. L.* Ivan the Terrible and His Women.

²²¹ По поводу ключевой роли иностранных докторов см., например, рассказ Таубе и Крузе о женитьбе Ивана IV в 1571 году, а также историю Хлоповой в 1616-м (о ней см. главу 5 настоящей кн.).

Отбор

Отечественные источники практически молчат о том, каким образом проходил финальный отбор. Но иностранные часто описывают процесс в деталях, хотя нередко и спорят друг с другом. Таубе и Крузе, например, горели желанием передать неприглядную картину традиции смотра невест, по крайней мере одного – проведенного в 1571 году для Ивана IV. Согласно их описанию, «когда они все [девушки] собрались со всех концов и краев, осматривал он их следующим образом, для чего употребил почти целый год». И далее:

Каждую особу или девушку приказал он привести в дом, где она должна была одеться наряднейшим образом. Затем он входил в комнату вместе с двумя или тремя доверенными лицами, тоже разодетыми самым тщательным образом, кланялся им, говорил с ними немного, осматривал их и прощался с ними. Указанным образом поступил он со всеми; тех, кто не понравился ему, употреблял он для позорного плотского сладострастия, раздавал им кое-что и выдавал их замуж за своих палачей, или они были вовсе прогнаны безжалостным образом. Из всех осталось 24, и, подержав их доброе время одну за другой, выбрал он из них 12, и когда мы 26 июня 1571 года были у него в Александровской слободе, избрал он для себя и своего сына тех, кого он хотел, следующим образом: они должны были снять все украшения и платья и дать осмотреть себя безо всякого затруднения и сопротивления нагими. При этом присутствовал его доктор, и он должен был осмотреть их мочу в стакане и определить и высказаться относительно их природы, свойств и здоровья²²².

Эротические моменты этого описания не подтверждаются другими источниками, но особый «дом», о котором пишут Таубе и Крузе и в котором проходил последний этап смотра невест, упоминается повсеместно. Страленберг, шведский военнопленный, написавший значимую «космографию» Восточной Европы и Сибири, сообщал:

И каждой по приличности чести отведен был особой покой, в которых должны они были время избрания препроводить. Во оное время долженствовали они все кушать обсье за одним столом, где царь имел случаи отчасти публично, отчасти ж скрытно всех их усматривать и из собрания сего лутшую избирать. Но притом и добрыя рекомендации немало спомагали и содействовали, ибо чрез так краткое время самому царю о разуме и склонности каждой познать было невозможно. И хотя царь многожды в притворном одеянии стаивал и прислуживал при столе сего девического собрания, однак не вероятно, чтоб каждой о том известно не было и чтоб они при том притворять и природныя свои склонности скрывать не умели²²³.

А согласно Якову Рейтенфельсу, царь Алексей Михайлович в 1671 году

приказал всем прославившимся своею красотою знатым девицам собраться у Артамона Сергеевича (изворотливого, как говорится в пословице, Артамона), управляющего Двором. Когда те все собрались, то царь потаенным ходом пришел к Артаману в дом и, спрятавшись в тайнике (откуда, однако, ему была видна комната, назначенная для женщин), тщательно рассматривал не только по отношению к одной внешности, но и по отношению к духовным

---

²²² [Таубе И., Крузе Э.] Послание. С. 55.

²²³ Страленберг Ф. И. Записки. С. 83–85.

качествам и поведению все это красивое, хотя и не воинственное женское войско, а когда они поодиночке проходили мимо того окошка, из которого он смотрел, то он заботливо вглядывался, сколько в каждой из них искусственной и природной красоты²²⁴.

Наконец, два источника – отчет польского дипломата Рейнгольда Гейденштейна и особая русская хроника – предоставляют наиболее яркое и детальное описание происходившего в этих специальных «домах». Гейденштейн утверждает, что его отчет основан на сообщении «пленной дворянки, бывшей на том смотре» (каком именно, не сказано, но дата и контекст этого пассажа указывают на одну из последних женитьб Ивана IV, возможно на Марии Нагой в 1580 году). Согласно Гейденштейну,

издав указ, московский царь приказал боярам и дворянам, у которых были дочери или родственницы невесты, отличавшиеся красотой, привести их к нему в назначенный день. К этому дню уже раньше при дворце готовится для сей цели обширный и богатый дом, и в каждую комнату, имеющую 12 кроватей, определяется столько же девушек. Сам царь в сопровождении одного старика обходит все комнаты по порядку; войдя туда, он тотчас садится на заранее устроенный трон, а все девушки в красивой, богатой одежде, сильно желая понравиться государю и достичь такого счастья, по одиночке, по порядку становятся перед ним на колени и, бросив к ногам его платок, вышитый золотом и жемчугом, удаляются; царь выбирает ту, которая больше всех ему понравится, остальных же, одарив землю или казною, отпускает²²⁵.

Этот рассказ почти дословно повторяется в русской хронике (летописчике), дошедшей до нас в копии второй половины XVIII века, хотя, согласно Сигурду Отговичу Шмидту, она была собрана, вероятно, в третьей четверти XVII века из различных, не связанных между собой источников, восходящих к XVI веку²²⁶. Фрагмент о смотре невест стоит процитировать полностью:

Слышанные изустно о избрании в супруги государям из девиц знатных от одной в бывшей с протчими на смотре царском у царя Иоанна Васильевича. И оное избрание было таким образом: царь Иоанн Васильевич повелел своим всем князям и бояром дочерей своих, которые уже к замужеству достойны, чтоб в назначенное время все в Москву привезены были, а на пребывание их в Москве устроен был дом преизрядной и украшенной со многими покоем, и всякая полата имела 12 постель, которые всякой девицы определены. И оне в оном доме, ожидая царского смотра, пребывали. И когда время приидет, то царское величество приедет в тот дом в особую ему изготовленную полату с одним престарелым боярином и сядет на изготовленной ему украшенной стул, и те боярские и княжеские дочери в то время, всякая убравшись в лутчие свои девические уборы ж в дорогое платье, украшенный, по порядку едина по другой пред царя пришед, поклоняютце до ног его. Царь же тогда всякой девице жаловал платок, росшитой золотом и серебром и унизанной дорогим жемчугом, бросая девице на груди, и всякая так приходя возвращались во свои покои. А которая из них царю понравилась, тое он себе понимает в

---

²²⁴ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии. С. 295–296.

²²⁵ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Рязань, 2005. С. 194–195.

²²⁶ Шмидт С. О. Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники: Сб. ст. 1973 г.: Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1974. С. 347.

супруги, и других всех приказал отпустить с честью и пожаловал их вотчинами и денгами²²⁷.

И хотя эти два текста разнятся лишь в небольших деталях (С. О. Шмидт, бесспорно, прав, считая, что хроника была переработана, поскольку она собрана и скопирована с использованием более современного языка²²⁸), практически нет сомнений, что под рукой у автора этой странной и неизученной хроники был отчет Гейденштейна. Но имел ли место в действительности диалог с «пленной дворянкой, бывшей на том смотре», мы можем только гадать. Больше нет ни одной отсылки к этому диалогу или к любому иному свидетельству, предоставленному этой или любой иной женщиной, участвовавшей в каком-либо смотре невест в пределах двух веков. Что касается дома, в котором все происходило, – где он находился (внутри Кремля?) и кому принадлежал (был резиденцией царя или домом одного из его бояр?), – это так и не получило нигде объяснения²²⁹.

Вернемся непосредственно к отбору. Коллинс сообщал, что наиболее успешной претендентке даровались платок и кольцо для обозначения того, что она избрана²³⁰. Гейденштейн тем не менее писал, что платки получали *все* финалистки – в знак участия в смотре невест²³¹. Также он писал, что они уезжали, одаренные «землею или казною». По сообщениям Гейденштейна и более поздних наблюдателей, многие финалистки выходили замуж за царских придворных²³². Страленберг пояснял, что победительница получала новый, богато украшенный свадебный наряд – символ того, что отбор завершен, – при этом другим финалисткам тоже давались новые одежды:

9. Когда из них достойная усмотрена была, тогда указал государь начальной своей гофмистерше сделать всем обыкновенные одежды, избранной же особое брачное одеяние.

10. Между тем учинено было надлежасшее к браку приготовление, но никто о подлинной невесте и супруге не ведал. Приспевшу же дню свадебному тогда всем девицам разданы были новоучиненные одежды, а невесте надлежасшее поднесено. По сему в первых позвана была избранная невеста. И каждой ее невестою царскою поздравлял. По объявлении же оной протчия девицы разпусчены были по домам²³³.

Переодевался ли когда-нибудь царь в официанта, чтобы инкогнито разносить кушанья претенденткам в невесты, как говорит Страленберг? Наблюдал ли когда-либо за финалистками через потайные отверстия в стенах, как говорит Рейтенфельс? Смотрел ли, восседая на троне, на вереницу поочередно проходящих перед ним красавиц, как говорит Гейденштейн? Нужно ли относиться к красочным деталям описаний, оставленных иностранцами, так же, как относился неизвестный автор шмидтовского летописчика, однозначно оценивший их: «И о сеи церемонии, не ведах подлинно истории, лживые разные о том сплетали на государей российских по злобе к российскому народу»?²³⁴ Или, если судить, возможно, более взвешенно,

²²⁷ Шмидт С. О. Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. С. 351–352.

²²⁸ Там же. С. 348.

²²⁹ Текст Гейденштейна, очевидно, также повлиял на «Универсальную историю» (или «Историю своего времени») Жака Огюста де Ту, в которой есть версия смотров невест, очень близкая к гейденштейновской и к летописчику С. О. Шмидта. См.: *Thou J.-A. de. Histoire universelle de Jacques-Auguste de Thou. Depuis 1543. jusqu'en 1607. Traduite sur l' édition Latine de Londres. 16 vols. Londres, 1734. Vol. 8. P. 430.*

²³⁰ Collins S. The present State of Russia. P. 11–12.

²³¹ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 83–84.

²³² Там же. С. 195; Йовий П. Книга о посольстве Василия. С. 286.

²³³ Страленберг Ф. И. Записки. С. 85.

²³⁴ Эта строка есть в летописчике, но отсутствует у Гейденштейна и де Ту. См.: Шмидт С. О. Поздний летописчик. С. 347.

нужно ли игнорировать эти красочные истории, как это делает Изабель де Мадарьяга, которая характеризует отчет Гейденштейна как «весьма причудливое описание процедуры»?²³⁵ То, как смотры невест проводились и менялись с течением времени, до сих пор может быть описано лишь схематично. Но легко представить, как такие отчеты о них, с одной стороны, развлекали иностранную аудиторию, видевшую в смотре невест воплощение всего деспотического и экзотического в Московии, а с другой – забавляли россиян, которые могли видеть в смотре невест лучший способ спрятать природу политической системы Московии за тем, что Коллманн и Кивельсон называют «фасадом самодержавия»²³⁶.

---

²³⁵ *Madariaga I. de. Ivan the Terrible.* P. 442 (n. 38).

²³⁶ *Kollmann N. Sh. Kinship and Politics.* P. xiv, 9, 19, 43, 126, 146–151; *Kivelson V. A. Autocracy in the Provinces.* P. 215.

Приоритет родства

Если смотры невест не были открытым конкурсом, они также не были посвящены только любви и внешности – за исключением того, что зачастую красота воспринималась как знак здоровья, силы и обещание приятной внешности у будущих детей. В. Д. Назаров, датировавший и опубликовавший множество канцелярских документов о смотрах невест в XVI веке, выявил по этим текстам четыре критерия поиска потенциальной невесты: хорошее здоровье (и самой кандидатки, и ее родителей), возраст, внешность, происхождение²³⁷. Но не все критерии были одинаково важны. Разумеется, внешности кандидаток уделялось достаточно внимания, и ее описание занимало довольно большое место в источниках. Фокусирование на возрасте и здоровье было вполне естественно. В то время деторождение даже у молодых и здоровых женщин подвергало их большому риску. Молодость и хорошее здоровье обещали много лет фертильности, а учитывая высокую женскую и младенческую смертность, предполагалось, что практически все последующие «плодовитые» годы царица проведет в состоянии беременности.

Внимание же, которое в канцелярских документах уделено происхождению, указывает, что оно было жизненно важным критерием при выборе невесты для царя. Поиски невесты являлись, по сути, комплексным подсчетом генеалогических связей каждой претендентки – и по мужской линии, и по женской. При обнаружении нежелательных связей и родства надежды претендентки рушились так быстро, как если бы у нее была волчья пасть или косолапость. В меморандуме, составленном в 1526 году в связи с поисками второй жены для Василия III, упоминается этот пункт:

Да память окольникову Ивану Васильевичу да дияку Тимофею Клобукову. Беречи ему того накрепко и пытати о том себе тайно, чтоб которой девке не было в племяни Щенятевых и Плещеевых. Того Ивану и Тимофею беречи накрепко. А хоти будет девка и добра, а будет хоти мало в племяни Щенятевым и Плещеевым – и Ивану и Тимофею тое девки смотрити, да отписати к великому князю, какова девка рожаем, и в колько лет, и какова ростом, и сколь далече от того роду, и по отцу ли племя или по матери²³⁸.

Василий III всеми силами старался избежать восстановления династических связей с родом Патрикеевых (к нему относились и Щенятевы) вследствие опалы, наложенной на Патрикеевых в 1499 году, что было частью династического кризиса 1497–1502 годов, описанного во второй главе. Не так ясна причина, по которой решено было избегать и девушек из рода Плещеевых. Впрочем, их связи с двором удельного князя Юрия Ивановича, бедового младшего брата Василия III, и с родом Патрикеевых, должно быть, выглядели в глазах государя и его советников подозрительными²³⁹. Независимо от причин, из меморандума следует, что, даже

²³⁷ Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 115.

²³⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 58; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 116.

²³⁹ Отстранение девушек из рода Плещеевых от участия в смотре невест для Василия III интерпретировалось по-разному. Зимин считал, что от Плещеевых избавились из-за их связей с князем Юрием Ивановичем Дмитровским, младшим братом Василия III, а также из-за предполагаемой поддержки ими Дмитрия в качестве наследника престола после Василия (Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 276–277). В. Д. Назаров оспорил эту точку зрения, указав, что именитые Плещеевы (и Щенятевы) исчезли из служебных списков не позднее 1522 года – т. е. слишком рано, чтобы связывать их исчезновение с конфликтом в 1525 году на фоне второй женитьбы Василия. Вместо этого Назаров утверждает, что исключение представительниц Плещеевых и Щенятевых из списка кандидаток на смотре невест было связано с бегством в Великое княжество Литовское И. Т. Юрлова-Плещеева в 1510/1511 году и литовским пленением основных членов обоих кланов (Д. А. Басмана-Плещеева и князей М. И. и Д. И. Булгаковых, кузенов князя М. Д. Щенятева) в 1514 году в битве при Орше. См.: Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 115–116. Зимин возражал, указывая, что опальные Плещеевы были прощены в 1530 году, сразу после рождения у Василия III сына, Ивана Васильевича (будущего Ивана IV), а значит, причина исключения была связана только со вторым бракосочетанием Василия (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 200). Также Зимин отмечал связь Плещее-

если остальные требования в отношении претендентки были соблюдены, тесные связи с одним из этих родов служили сигналом к дисквалификации. Даже если девушка была поразительно красива («добра»), она могла быть допущена до смотра невест, только если ее связи с этими родами были весьма отдаленными.

На каждую кандидатку региональной «комиссией» составлялось полное описание и отсылалось на рассмотрение царю и его советникам²⁴⁰. Случайно сохранилось одно из таких описаний, составленное для Ивана IV в начале 1547 года. Это описание («список») Овдотьи Васильевны Гундоровой, упомянутой князем Иваном Мезецким в письме Ивану IV, которое цитировалось ранее. Напомню, что она была единственной из претенденток, которую осмотрели во время двухнедельного пребывания в Вязьме. Этот документ примечателен тем, что в последовательности осмотров и распределении внимания проступает то, что в первую очередь занимало умы людей, выбирающих царских невест. Вот полный текст этого документа:

По государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии приказу в Вязьме князь Иван Мезецкой да дворцовой дьяк Щенок смотрели у князя Василья у княж Иванова сына Гундорова дочь его. Княжна Овдотья, а лет ей 12, телом ровна, ни тонка, ни толста, очи находили на черно, нос по лицу не долог, волосы темнорусы. А про болезнь князь Василей сказал, что дочь его Овдотья была в ребячестве огновою больна, а нынече, дал бог, болезни нет.

А мать ее была княгини Фетинья Григорьева дочь Полуехтовича Бутурлина. А сестры ее родные Стефанида за Горяином за Прокофьевым сыном Дементьева. А другая сестра ее, Огрофена, за Офонасьем за Ондреевым сыном Годунова. А братья ее – князь Иван, князь Давыд, князь Федор. А мачеха у ней княгини Орина княж Семенова дочь Звенигородского. А братья у мачехи – князь Иван, да князь Федор, да князь Голова княж Семеновы дети Звенигородского.

А сам князь Василей ношкою болен от Николина дни от осеннего от нынешнего. А иного недугу и болезни в отце и в матери не бывало²⁴¹.

Документ начинается описанием физических данных претендентки. Упоминаются ее волосы, цвет глаз, форма носа и фигура, затем Мезецкий докладывает ее историю болезни: за исключением одного эпизода с жаром в детстве, в этой истории нет сообщений о серьезных заболеваниях. Первый абзац, видимо, составлен так, чтобы заверить, что кандидатка отвечает базовым требованиям – привлекательная внешность и хорошее здоровье.

Следующий абзац, самый длинный в документе, содержит удивительно детализированное описание ее родственных связей. То, что отчет должен был содержать этот материал, само по себе говорит о многом, особенно на фоне полного игнорирования этих данных по кандидаткам в невесты иностранными путешественниками и составителями официальных свадебных документов. Интересно и внимание к генеалогии. Расследователей, по-видимому, больше всего интересовала родословная Овдотьи по женской линии – по линии ее матери, сестер и т. д. Записаны, например, имена мужей сестер Овдотьи, а также имена родственников по матери, в том числе и сводных. Такое внимание к родственникам по женской линии контрастирует с

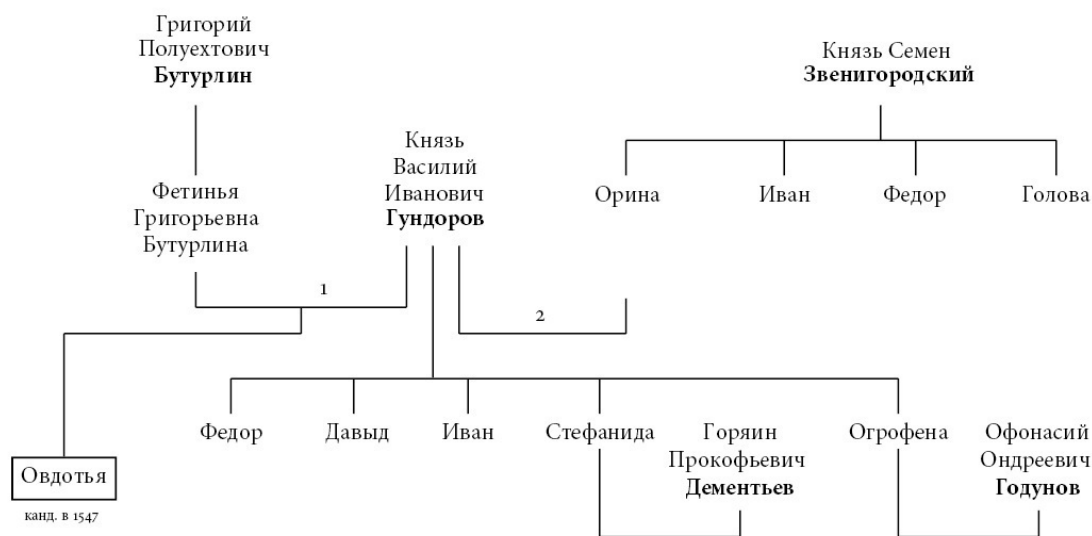
евых с Кирилло-Белозерским монастырем (местом ссылки Вассиана Патрикеева и бастионом поддержки фракции Патрикеевых) – как подтверждение связи между политическими интересами этих кланов при дворе (*Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 276).

²⁴⁰ Таубе и Крузе полагали, что причиной, по которой в отчетах указывались физические характеристики претенденток, было желание предотвратить обман со стороны некоторых отцов, т. е. чтобы они не могли отправить в Москву кого-то вместо своей дочери (см.: [Таубе И., Крузе Э.] Послание. С. 55). Но, как показывает описание Гундоровой, эти характеристики не детализировались (так что выявить самозванок было бы сложно) – внимание сосредотачивалось на медицинских аспектах и родственных связях.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 57; Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 117 (документ 8).

теми генеалогиями, которые составлялись и помещались в родословные книги придворными семьями и велись по мужской линии, зачастую не включая имен жен и дочерей²⁴². Таким образом, расследователи хотели дополнить уже известные из родословных книг сведения. Столь большое внимание, уделенное некровным родственникам Овдотьи, говорит о том, что расследователи старались не пропустить ничьих связей с родом Гундоровых. Этот поиск обнаружил связи Гундоровых со Звенигородскими, Бутурлиными, Дементьевыми и Годуновыми (см. схему 2)²⁴³. Поскольку предполагалось и ожидалось, что невеста приведет за собой в Кремль родственников по крови и свояков²⁴⁴ и что многие из них вскоре займут некоторые позиции при дворе, то расследователи выясняли, кого претендентка может привести, если станет царицей.

Схема 2. Родословная Овдотьи Гундоровой, 1547
(на схеме обозначены только те, кто упомянут в источнике)

Заканчивается записка о Гундоровой возвращением к вопросу о здоровье, но на сей раз ее родителей. В документе ясно прописано, что эта информация, как и генеалогия, была получена из обстоятельных разговоров с кандидаткой и ее родственниками. И вот что примечательно: несмотря на всю обстоятельность разговоров, в данной записке не было сделано даже попытки обрисовать или оценить характер, нравственность либо набожность кандидатки. Это сильно контрастирует с тем, как расставлены акценты во многих иностранных отчетах и в официальных российских описаниях свадеб. Хорошее здоровье, приемлемая внешность и «правильные» родственники – вот приоритеты при отборе невест для смотра в Московии.

В XVII веке смотры невест отражали те же приоритеты. Хотя у нас нет столь богатой документации, какая сохранилась после свадеб Василия III и Ивана IV, тем не менее понятно, что те же приоритеты действовали и при отборе потенциальных невест для царя Михаила Романова в 1624 и 1626 годах. В описи архива Посольского приказа 1626 года указан перечень генеалогии-

²⁴² О родословных книгах как историческом источнике см.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 122–176; Бычкова М. Е., Смирнов М. И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. С. 3–109.

²⁴³ Афанасий Андреевич Годунов был троюродным братом царя Бориса Годунова. См.: Русская родословная книга: В 3 т. / Под ред. А. Б. Лобанова-Ростовского. СПб., 1873–1878. Т. 2. С. 39–45.

²⁴⁴ Котомшихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 6; Collins S. The present State of Russia. P. 11–12, 103; Olearius A. The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia / Ed. and transl. by S. H. Baron. Stanford, 1967. P. 203–205; Crummev R. O. Aristocrats and Servitors. P. 71, 76–78.

ческих описаний, которые появились благодаря исследованиям происхождения кандидаток в невесты первого царя из рода Романовых – исследованиям, очень похожим на то, что было проведено в отношении Овдотьи Гундоровой. Эти генеалогические описания, ныне не существующие, хранились среди других свадебных документов в ящике думного дьяка (секретаря) Ивана Тарасьевича Грамотина, возглавлявшего Посольский приказ и организовавшего две свадьбы Михаила Романова²⁴⁵. В описи упомянуты три черновых свитка («столбца»), в которых рукой Ивана Грамотина записаны «роспросы» о семьях Василия Барбашина, Василия и Григория Шестовых, князей Дмитрия Масальского и Федора Елецкого. Также упомянут меморандум («память») о родственных связях («родстве») Стрешневых, тоже написанный Грамотиным, и различные «выписки» и «рописи» (генеалогические списки) Пожарских, Щелкаловых, Долгоруковых, Болховских, Волконских, Траханиотовых, Елецких и Проестевых – многие были написаны или отредактированы тем же Грамотиным²⁴⁶.

То, что эти генеалогические списки и описания хранились возле свадебных документов и в бумагах «главного церемониймейстера» царских свадеб (в бумагах, часто принадлежавших его перу или им отредактированных), позволяет считать, что эти семьи участвовали в смотрах невест 1624 и 1626 годов – либо как семьи с подходящими дочерьми, либо как родственники таких семей. Итак, среди документов, перечисленных в описи, упомянуты родословные Долгоруковых, семьи первой жены царя Михаила. Также упомянуты генеалогические росписи Барбашиных, Елецких и Шестовых – семей, которые были связаны с отцом царицы, князем Владимиром Тимофеевичем Долгоруковым, и могли предоставить от себя кандидаток в невесты в 1624 и 1626 годах²⁴⁷. Шестовы, указанные в описи, – это дед (Василий) и двоюродный дед (Григорий) матери Михаила, Ксении Ивановны Шестовой (инокини Марфы), которая была связана с Долгоруковыми. Также исследована генеалогическая роспись Стрешневых – семьи второй жены Михаила Романова. Другие упоминаемые семьи (Пожарские, Щелкаловы, Болховские, Волконские, Траханиоты, Проестевы и прочие) могли выставить альтернативных кандидаток против Долгоруковой и затем против Стрешневой, поэтому и их родословные были изучены. Таким образом, опись содержит список семей-участниц, представивших претенденток на один или два смотра невест для царя Михаила Федоровича. Очевидно, что отбор невест был чистым расчетом, при котором почти не было места любви и влечению. Победительницей смотра невест не обязательно становилась та, что «всех милее», а скорее та, что прошла жесткий отбор по всем родственным связям.

²⁴⁵ О роли Грамотина на этих двух свадьбах см.: *Martin R. E. Choreographing the «Tsar's Happy Occasion»: Tradition, Change and Dynastic Continuity in the Weddings of Tsar Mikhail Romanov // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 4. P. 797–805.*

²⁴⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 367–368.

²⁴⁷ Отец Марии Долгоруковой, князь Владимир Тимофеевич, был женат и на Барбашиной, и на Елецкой. См.: *Шербачев О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 62–67; Власьев Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 3. С. 10–12; Долгоруков П. В. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 16.*

Список потенциальных невест

Представляя перечень нескольких семейств, которые изучались как потенциальные царские родственники, архивная опись 1626 года, однако, не приводит имен самих кандидаток. На самом деле, за исключением чудом сохранившегося отчета о расследовании по поводу Гундоровой в 1547 году, мы не знаем имен других претенденток в невесты в XVI веке, разумеется, не считая имен победительниц. Для XVII века ситуация выглядит чуть лучше: сохранилось два списка кандидаток в невесты. Первый содержит имена тех 70 девушек из 58 различных родов, которые были представлены царю Алексею Михайловичу между 28 ноября 1669 года (спустя всего несколько месяцев после смерти его первой жены) и 17 апреля 1670 года (см. приложение В)²⁴⁸. Во втором перечислены подарки, выданные 14 августа 1680 года участницам смотра невест, организованного в связи с поисками первой жены для царя Федора Алексеевича (см. приложение С)²⁴⁹. В этом списке представлены имена 18 девушек из 15 различных родов. Детальный анализ обоих списков при особом внимании к социальному происхождению, служебной карьере и родственным связям семей, вошедших в списки, обнаруживает, какие типы семей привлекались в ходе набора кандидаток в царские невесты (а какие отсеивались).

Документ со списком девушек, собранных для показа царю Алексею Михайловичу, составлен хронологически – имена кандидаток даны в соответствии с датой, когда они были представлены царю. В период между ноябрем 1669 и апрелем 1670 года царь провел 18 отдельных сессий, иногда собирая до 8 кандидаток одновременно, а иногда встречаясь лишь с одной. Большинство претенденток было из Москвы, но также присутствовали претендентки из семей служилых людей Новгорода, Суздаля, Костромы, Рязани и Владимира (хотя некоторые девушки могли на тот момент проживать у родственников в Москве). Также в документе приводятся имена отцов или опекунов кандидаток.

Социальное происхождение потенциальных невест царя Алексея Михайловича примечательно однообразно. В список не попали дочери ни одного из тех 26 человек, что состояли во время смотра в звании боярина, как и ни одного из тех приблизительно 16–19 человек, что были тогда окольными. Две трети семей, включенных в список (39 семей из 58, представленные 44 девушками из 70), на всем протяжении XVII века не имели в своем составе обладателя думного чина²⁵⁰. Безусловно, многие из этих семей числились в рекрутских списках и дворцовых реестрах как те, члены которых служат воеводами, стольниками, стряпчими, стрелецкими головами или являются московскими дворянами. Разумеется, это не были неизвестные семьи. Некоторые из них, как, например, Колычевы (Колычёвы), занимали высокие должности в XVI веке, но в следующем столетии откатились на периферию политической жизни. Только в 10 из 58 семей (в тех, откуда было 16 из 70 девушек) один из членов семьи достиг думного чина до 1671 года, и то родственная связь с ним была достаточно отдаленной²⁵¹. Например, в списке присутствуют Анна и Настасья, внучки Ерофея/Алмаза Ивановича Иванова, думного дьяка

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 287. См. публикацию этого текста: *Пекарский П. П.* Список девиц, из которых в 1670 и 1671 годах выбирал себе супругу царь Алексей Михайлович // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1865. Т. 5. Вып. 6. С. 469–472; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. С. 252–253.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 873. Л. 8 – 11 об. Текст опубликован в кн.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. С. 259.

²⁵⁰ Эти 39 семей: Демские, Векентьевы, Кобыкины, Апрельевы, Полевы, Гагарины, Болтины, Сонцовы, Карамышевы, Редриковы, Красниковы, Уваровы, Протопоповы, Бунины, Клокочевы, Капустины, Кореневы, Незнановы, Мотовиловы, Поливановы, Ростопчины, Моревы, Синявины, Смердовы, Чевкины, Жедринские, Загряские, Овцыны, Одинцовы, Сатины, Поздеевы, Колемины, Житовы, Хомяковы, Скобельцины, Симоновы, Рчиновы, Беляевы и Линева.

²⁵¹ Эти 10 семей: Ляпуновы, Долгоруковы, Ивановы, Дубровские, Леонтьевы, Еропкины, Нащокины, Колычевы, Толстые и Полтевы. В остальных 9 семьях, к которым принадлежали 11 девушек из списка, были те, кто достиг думных чинов после 1671 года: Голохвастовы, Вердеревские, Зыковы, Извольские, Мусины-Пушкины, Дашковы, Нарышкины (род выигравшей конкурсантки), Апраксины и Хотетовские.

и печатника царя Алексея Михайловича²⁵². Также в списке указана внучка думного дворянина и казначея Богдана Дубровского²⁵³. Единственной потенциальной невестой, члены семьи которой были в думных чинах до (и после) смотра невест, была кандидатка от Долгоруковых, Анна²⁵⁴. Дочь князя Григория Даниловича Долгорукова, Анна происходила из той же семьи, что и многие бояре с начала XVII века²⁵⁵. И если ее отец никогда не занимал высоких придворных чинов (будучи лишь стольником), то дед Анны Даниил и ее двоюродный брат князь Федор Федорович были окольными. Более отдаленные родственники, князь Юрий Алексеевич и князь Дмитрий Алексеевич, достигли боярских чинов в середине века и числились среди наиболее значительных придворных своего времени²⁵⁶. Анна Долгорукова – единственная «аномалия» в списке семей среднего уровня.

Перечень девушек, получивших подарки за свое участие в смотре невест для царя Федора Алексеевича в 1680 году, показывает несколько иной набор кандидаток по их социальному происхождению. В чуть более чем половине семей из списка (в 8 из 15 семей, представивших 10 девушек из 18) были те, кто достиг думных чинов до смотра невест²⁵⁷. Члены 4 семей (представивших 4 девушек) так и не достигнут этих чинов²⁵⁸. Оставшиеся 3 семьи займут места в Думе, но лишь спустя год после смотра²⁵⁹. Три из 18 девушек в списке были дочерьми важных бояр – Анна и Марфа, дочери князя Федора Федоровича Куракина, и Василиса, дочь Ивана Богдановича Хитрово. Оба были дядьками молодого царя²⁶⁰. Возможно, эта привилегированная должность помогла им повлиять на включение их дочерей в смотр невест. И все же речь не идет о том, что смотры стали открыты главным образом для боярышень. Иначе мы ожидали бы обнаружить в 1680 году претенденток и от остальных 39 боярских родов. Одна из девушек в списке (чье имя не названо) была дочерью окольного – князя Даниила Степановича Велико-Гагина. За исключением Анны, Марфы, Василисы и безымянной Велико-Гагиной, остальные 14 девушек были дочерьми стольников. Итак, как мы видели это и в списке для царя Алексея, в смотре невест для Федора доминировали семьи среднего уровня. Впрочем, теперь участвовало и несколько девушек, чьи семьи принадлежали к внутреннему кругу двора. Тем не менее, несмотря на это большее разнообразие, царь Федор Алексеевич сделал достаточно традиционный выбор – в пользу Агафьи Грушецкой, происходившей из непримечательной семьи служилого человека²⁶¹.

Более детальный анализ двух списков кандидаток в царские невесты дает нам подсказки по поводу роли родства в смотрах невест. Несколько семей представляли более одной кандидатки. Так, в списке Алексея Михайловича было две сестры Гагарины, две Леонтьевы, две Еропкины, две сестры Уваровы, две сестры Бунины, две пары сестер Толстых, две сестры Колмины и три сестры Хотетовские. В список Федора Алексеевича также включены, помимо упо-

²⁵² Русская родословная книга. Т. 1. С. 121; *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors*. P. 190.

²⁵³ *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым [далее – РРК]: В 4 ч. СПб., 1854–1857. Ч. 4. С. 395–396; *Савелов Л. М.* Родословные записи: опыт родословного словаря русского древнего дворянства: В 3 т. М., 1906–1909. Т. 3. С. 121; *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors*. P. 186.

²⁵⁴ Анна была пятиродной сестрой Марии Владимировны Долгоруковой, первой жены Михаила Романова. Обе были потомками князя Владимира Ивановича Долгорукова, Анна происходила от его сына Семена, а Мария – от Тимофея. См.: *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 3. С. 36.

²⁵⁵ Первым боярином из рода Долгоруковых был Владимир Тимофеевич Долгоруков, отец царицы Марии. Он стал боярином в 1605 году. См.: *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors*. P. 179.

²⁵⁶ См.: *Ibid.* P. 188, 190.

²⁵⁷ Эти 8 семей: Куракины, Хитрово, Велико-Гагины, Лобановы-Ростовские, Измайловы, Полтевы, Львовы и Волконские.

²⁵⁸ Денисьевы, Квашнины, Вердеревские и Киреевские.

²⁵⁹ Звенигородские, Головленковы и Извольские.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 115. Л. 74 об.

²⁶¹ Поскольку Грушецкая стала победительницей, то естественно, что она не была упомянута в списке получивших подарки.

мянутых двух сестер Куракиных, две двоюродные сестры Звенигородские и две двоюродные сестры Измайловы. Три семьи упомянуты в обоих списках: Полтевы и Вердеревские представляли каждую по претендентке в 1669–1670 и 1680 годах, и дочь Викулы Федоровича Извольского указана в обоих списках²⁶².

Многие из семей, упомянутых в списках, были связаны друг с другом посредством женитьб. Мавра Васильевна Колычева (сестра Марфы, претендентки на смотре невест в 1669–1670 годах) вышла замуж за Семена Звенигородского, а у его брата Алексея дочь принимала участие в смотре 1680 года. Родственник Мавры Иван Иванович Колычев был женат на Ксении Хотетовской, три племянницы которой – Настасья, Ульяна и Анисья – претендовали на звание царской невесты в смотре 1669–1670 годов. Семен Звенигородский второй раз женился около 1649 года. Его женой стала Акулина Аверкиевна Болтина, их общая дочь участвовала в смотре 1680 года, а его сестра Аграфена – в смотре 1669–1670 годов. Итак, семь кандидаток на этих двух смотрах были связаны родством, объединившим четыре рода: Хотетовских, Колычевых, Звенигородских и Болтиных. Колычевы были ключевым звеном. Являясь в списке единственной семьей, чей представитель достиг думного чина в годы, предшествовавшие смотрам, они при этом определенно не были больше семьей высшего круга. Тем не менее у них имелись связи с важными боярскими родами. Иван Иванович Колычев, муж Ксении Хотетовской, был сыном Ивана Колычева и Ксении Черкасской; через эту женитьбу на Черкасской Колычевы были связаны с Шереметевыми и даже с Романовыми (см. схему 3)²⁶³. В списках обозначены и другие семьи, которые объединяло родство. Кандидатки от Сатиных и Кореневых на смотре 1669–1670 годов были связаны через брак своих родственников²⁶⁴. Претендентки Полева и Измайлова на смотре 1680 года были родственницами Салтыковых и Бутурлиных соответственно²⁶⁵. В 1671 году царь Алексей Михайлович сделал выбор в пользу Натальи Нарышкиной, которая была связана родством с двумя кандидатками Леонтьевыми из семьи Натальиной матери и с Артамоном Сергеевичем Матвеевым, царским фаворитом²⁶⁶.

²⁶² Используемые генеалогические источники: *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. СПб., 1906–1907. Т. 1. Ч. 1–3; РРК; Русская родословная книга; *Савелов Л. М.* Родословные записи; *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб., 1886–1887.

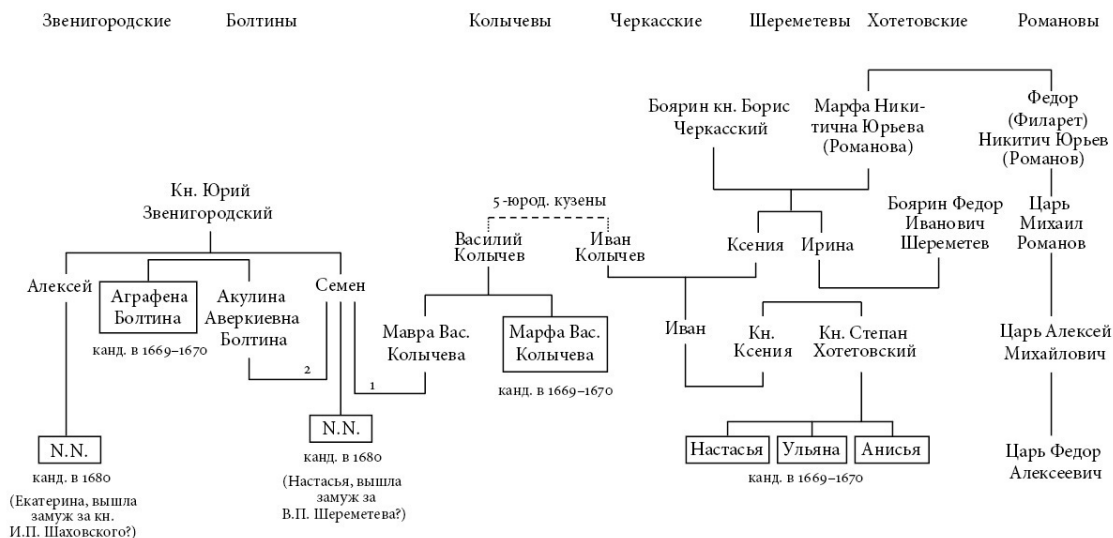
²⁶³ О Хотетовских см.: *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 255; РРК. Ч. 2. С. 191. О Болтиных см.: Там же. Ч. 4. С. 303; *Савелов Л. М.* Родословные записи. Т. 1. С. 199. О Колычевых см.: РРК. Ч. 4. С. 136–141. О Звенигородских см.: Там же. Ч. 1. С. 71. О Шереметевых см.: Там же. Ч. 3. С. 499. О Черкасских см.: Там же. Ч. 2. С. 37.

²⁶⁴ Василий Тимофеевич Сатин (брат Феодосии Тимофеевны Сатиной, претендентки в 1669–1670 годах) женился на Анне Романовне Кореневой около 1660 года. Ее родственница Анна Андреевна также участвовала в смотре невест в 1669–1670 годах. См.: *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 403; РРК. Ч. 4. С. 35–36.

²⁶⁵ О Полевых см.: РРК. Ч. 1. С. 278. Об Измайловых см.: Там же. С. 174. О Салтыковых см.: *Щербачев О. В.* О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым. С. 62–67; РРК. Ч. 2. С. 71. О Бутурлиных см.: Там же. С. 158.

²⁶⁶ О Нарышкиных и Матвеевых см.: Русская родословная книга. Т. 1. С. 239–240; *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. P. 101–102. Пол Бушкович вопреки традиционному мнению утверждает, что Артамон Матвеев, вероятно, не оказывал большого влияния на выбор царем Натальи Нарышкиной в 1670 году. См.: *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power. Cambridge, 2001. P. 57–63, 112–113, 123–124, 143, 156–157; *Idem.* Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690s // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1995. Bd. 50. S. 89–90. Ср. с: *Hughes L.* Sofia: Regent of Russia, 1657–1704. New Haven, 1990. P. 20, 36–37, 50–51, 96, 223; *Eadem.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 393; *Седов П. В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2007. С. 114–115 (прим. 9). См. также в настоящей кн. главу 5.

Схема 3. Родственные связи семи кандидаток в невесты

Показанное на схеме 3 переплетение родственных связей между семьями, представленными в двух списках потенциальных невест, позволяет предположить, каким образом выбор царя сказывался на придворной политике. Если бы царь Алексей в 1669–1670 годах выбрал одну из трех девушек Хотетовских или кандидатку Болтину, невеста привела бы за собой толпу родственников, наверняка с манерами выскочек. Но настоящими победителями были бы Колычевы, имевшие родственные связи со всеми четырьмя кандидатками. Легко представить, как судьба Колычевых, почти забытых на целое столетие, круто изменилась бы после женитьбы царя на одной из этих девушек и как ранее существовавшие связи Колычевых с Черкасскими и Шереметевыми, до той поры не обеспечивавшие Колычевым высокого статуса и больших чинов при дворе, могли внезапно стать жизненно важными связями с внутренним придворным кругом.

Весьма вероятно, что некоторых кандидаток поместили в списки исключительно из-за их родственных связей с другими кланами, а также, в иных случаях, благодаря отсутствию связей с некоторыми семьями (как в примере с Щенятевыми и Плещеевыми в 1526 году). Родственные связи претенденток объясняют наличие в списках нескольких девушек из одной семьи. Очевидно, как только находилась семья с правильными связями, все подходящие девушки из нее помещались в список для смотра невест. Заметное увеличение числа претенденток из высокопоставленных семей в списке царя Федора по сравнению со списком царя Алексея десятилетием ранее, возможно, связано с «инфляцией почетных званий» – ростом числа бояр и других думных чинов, обнаруженным именно перед 1670-ми и 1680-ми годами Робертом Крамми²⁶⁷. Это также может указывать на постепенное устаревание смотра невест к концу XVII века, когда двор начал считать многие формальности смотра плохо подходящими для новой придворной политики и стал постепенно устранять их²⁶⁸. Старые правила смотра невест нарушались, в том числе, вероятно, и наиболее важное из них – исключение знатнейших родов из участия в смотре.

²⁶⁷ Crummeу R. O. *Aristocrats and Servitors*. P. 8.

²⁶⁸ Об этих обычаях см.: Flier M. S. *Court Ceremony in an Age of Reform: Patriarch Nikon and the Palm Sunday Ritual // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. by S. H. Baron, N. Sh. Kollmann. Dekalb, 1997. P. 73–95; Idem. Breaking the Code; Crummeу R. O. *Court Spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality // Essays in Honor of A. A. Zimin. P. 130–158; Martin R. E. Ritual and Religion in the Foreign Marriages; Idem. Choreographing the «Tsar’s Happy Occasion»; Седов П. В. Закат Московского царства. С. 397–556.**

Наконец, нельзя не обратить внимание на то, как социальное происхождение победительниц (Нарышкиной и Грушецкой) совпадало с происхождением других участниц этих смотров. Все претендентки – и победившие, и проигравшие – принадлежали к сходной, довольно узкой социальной платформе: семьи служилых людей среднего уровня. Из 27 невест (или потенциальных невест), выбранных российскими династиями в XVI и XVII веках, только три были дочерьми бояр (Ульяна Палецкая, Елена Шереметева и Мария Долгорукова) и только четыре других принадлежали к небоярским ветвям высокопоставленных боярских кланов (Соломония Сабурова, Анастасия Юрьева, Евдокия Сабурова и Прасковья Салтыкова). Остальные были из семей, чья слава пришла позже – в результате их родства с царской фамилией (см. табл. 2.2).

Неудивительно, что в списках потенциальных невест царит такое социальное единообразие. Дочери крестьян и священников не были представлены на смотрах невест потому, что, как мы видели, их туда и не приглашали. Смотры невест совсем не походили на открытые конкурсы, где девушки любого происхождения могли бы соревноваться в Тереме на равных условиях. Невесты выхватывались из определенного элитного слоя и переносились в центр двора посредством магнетического притяжения, каким обладали смотр невест и последующая свадьба, – подобно тому, как гравитация Солнца притягивает новые кометы из пояса Койпера внутрь Солнечной системы. Итак, русские цари женились не из-за вспыхнувшей вдруг большой любви к девушке, которая всякий раз просто случайно оказывалась из семьи среднего звена или из служилой элиты, а потому, что все было спланировано именно таким образом и им надлежало так делать.

Выбирали ли русские цари себе невесту самолично? Все сказанное выше свидетельствует об обратном. Члены высокородных семей руководили региональными смотрами невест, они и их жены постепенно сужали список претенденток – обычно прежде, чем царственный жених видел хотя бы одну из них. Центральное место при сборе сведений о невестах отводилось их происхождению и родственным связям. Наконец, выбор, предоставлявшийся царю на смотре невест, ограничивался рамками небольшого слоя семей среднего уровня. Все это указывает на то, что решение было коллективным. Возвращаясь к предварительным смотрам невест, проводившимся для Ивана IV, и к составу региональных отборочных комиссий, мы обнаруживаем, что все придворные, оправленные из Москвы в провинциальные города, были молодыми представителями боярских родов, многие из них позже сами стали боярами (см. вновь табл. 2.1)²⁶⁹. Эти молодые придворные работали вместе с боярами и окольными, находившимися на своих постах в городах. Первый и второй этапы смотра невест – первоначальный осмотр кандидаток, оценка их физических достоинств и сокращение числа претенденток до небольшой группы финалисток – были полностью в руках боярских кланов. Учитывая, насколько их власть и статус зависели от женитьбы государя, трудно представить, как могло быть иначе.

Таблица 2.2. Происхождение жен, чьи мужья принадлежали к русским царским родам

²⁶⁹ Четверо из этих 12, названных в источнике (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 2. Л. 6–7, 8; см. табл. 2.1 в настоящей кн.), впоследствии стали боярами: князь Федор Андреевич Куракин (в мае 1548 года; см.: *Kollmann N. Sh. Kinship and Politics*. P. 226), князь Петр Андреевич Куракин/Булгаков (между 1555/1556 и мартом 1559 года; см.: *Ibid.*), Владимир Васильевич Морозов (между 1559 и 1561/1562 годами; см.: *Ibid.* P. 220) и окольный Иван Дмитриевич Шеин (около 1551/1552 года; см.: *Ibid.* P. 221). Окольный Иван Иванович Беззубцев исчезает из источников в 1547 году, не успев достигнуть боярского чина (*Kleimola A. M. Patterns of Duma Recruitment*. P. 251; *Зимин А. А. Формирование боярской аристократии*. С. 188 и прим. 218 на с. 210). Пятеро других (князь Семен Федорович Алабышев, Борис Иванович Салтыков, князя Борис и Дмитрий Дмитриевичи Щепины и князь Петр Семенович Янов-Ростовский) не возвысились, но имели родственников, которым это удалось. См.: *Зимин А. А. Состав Боярской думы; Kleimola A. M. Reliance on the Tried and True: Ivan IV and Appointments to the Boyar Duma. 1565–1584 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. Bd. 46. S. 51–63; Eadem. Kto Kogo: Patterns of Duma Recruitment, 1547–1564 // Ibid. 1986. Bd. 38. S. 205–220. У двух князей (Ивана и Федора Мезецких) была прекрасная служебная карьера, но думных чинов они не достигли (о князьях Мезецких см.: *Kollmann N. Sh. Kinship and Politics*. P. 75).*

<i>Год свадьбы</i>	<i>Жених</i>	<i>Невеста</i>	<i>Происхождение</i>
1505	Василий III	Соломония Сабурова	Небоярская ветвь боярского рода
1526	Василий III	Елена Глинская	Иностранцы-резиденты
1533	Андрей Старицкий	Евфросиния Хованская	Провинциальное дворянство
1547	Иван IV	Анастасия Юрьева	Небоярская ветвь боярского рода
1547	Юрий Васильевич	Ульяна Палецкая	Дочь боярина
1549	Владимир Старицкий	Евдокия Нагая	Провинциальное дворянство
1555	Владимир Старицкий	Евдокия Одоевская	Провинциальное дворянство
1561	Иван IV	Мария Черкасская	Иностранцы
1571	Иван IV	Марфа Собакина	Провинциальное дворянство
1571	Иван Иванович	Евдокия Сабурова	Небоярская ветвь боярского рода
1572	Иван IV	Анна Колговская	Провинциальное дворянство
1575	Иван IV	Анна Васильчикова	Провинциальное дворянство
1575	Иван Иванович	Пелагея Петрова-Соловая	Провинциальное дворянство
1575	Федор Иванович	Ирина Годунова	Сестра высокопоставленного придворного
1577	Иван IV	Василиса «Мелентьева»	Провинциальное дворянство
1580	Иван IV	Мария Нагая	Дочь придворного
1580	Иван Иванович	Елена Шереметева	Дочь боярина
1616	Михаил Федорович	Мария Хлопова	Провинциальное дворянство
1624	Михаил Федорович	Мария Долгорукова	Дочь боярина
1626	Михаил Федорович	Евдокия Стрешнева	Провинциальное дворянство
1647	Алексей Михайлович	Евфимия Всеволожская	Провинциальное дворянство
1648	Алексей Михайлович	Мария Милославская	Провинциальное дворянство
1671	Алексей Михайлович	Наталья Нарышкина	Провинциальное дворянство
1680	Федор III Алексеевич	Агафья Грушецкая	Провинциальное дворянство
1682	Федор III Алексеевич	Марфа Апраксина	Провинциальное дворянство
1684	Иван V Алексеевич	Прасковья Салтыкова	Небоярская ветвь боярского рода
1689	Петр I Алексеевич	Евдокия Лопухина	Провинциальное дворянство

Меняя идентичность невесты

В следующий раз после смотра невест будущая молодая упоминается в источниках, когда принимает участие в целом наборе ритуалов, направленном на изменение ее идентичности: дочь служилого человека среднего звена должна была преобразиться в великую княгиню или царицу. Описание этих ритуалов распределено по источникам XVI и XVII веков неравномерно, а потому как именно эти ритуалы выглядели (процессии, благословение священника, речи), по большей части скрыто от наших глаз. Но некоторые проблески и намеки в источниках позволяют уверенно воссоздать хотя бы цель ритуалов – изменение идентичности невесты.

Первый набор этих трансформирующих ритуалов состоял из награждения невесты титулом царевны и официального препровождения ее в Терем. Применительно к свадьбам XVI века дарование этого титула встречается лишь в одном описании (свадьбы царевича Ивана Ивановича и Евдокии Сабуровой в 1571 году), но вполне вероятно, что такой ритуал соблюдался и при других женитьбах²⁷⁰. И новый титул, и торжественный вход в Терем упоминаются в описании второй женитьбы царя Михаила Федоровича, в описаниях обеих свадеб царя Алексея Михайловича и первой женитьбы царя Федора Алексеевича²⁷¹. Церемониал (чин) свадьбы Алексея Михайловича и Марии Милославской содержит схематичное описание события, но все же показывает, что оба ритуала существовали одновременно: «В пятницу, напередь его государской радости за два дни, по его государеву указу введена государыня Марья Ильинична в царицны хоромы и нарекли ее государынею царевною»²⁷².

Вероятно, дарование символического титула царевны началось после 1526 года. Во фрагменте оригинального церемониала свадьбы великого князя Василия III и княгини Елены Глинской невеста последовательно именуется княжной – титул, данный ей по рождению, – именуется вплоть до венчания, после которого ее называют великой княгиней – титул, данный ей как супруге Василия III²⁷³. В описании первой женитьбы Ивана IV – на Анастасии Юрьевой в 1547 году – не упомянуты ни новый титул невесты, ни торжественный вход в Терем. В трех сохранившихся черновиках свадебных разрядов невеста именуется великой княгиней (а Иван IV, что любопытно, не царем, а великим князем)²⁷⁴. Женитьбы второстепенных членов царской семьи – Андрея Старицкого (в 1533-м), Юрия Васильевича (в 1547-м) и Владимира Старицкого (в 1549 и 1555 годах) – также не оставили упоминания этого ритуала, хотя, возможно,

²⁷⁰ В свадебном чине для царевича Ивана Ивановича и Евдокии Сабуровой невесту называют царевной или царевной-княжной. См.: БАН. 16.15.15. Л. 161 об. – 163, 164 об. и далее.

²⁷¹ Официальный вход будущей невесты и награждение ее титулом царевны засвидетельствованы и в свадебных церемониях XVII века. О царе Михаиле Федоровиче и Евдокии Стрешневой (1626): РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 16. Л. 5 об.; ДРВ. Ч. 13. С. 145. О царе Алексее Михайловиче и Марии Милославской (1648): РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 24. Л. 7; ДРВ. Ч. 13. С. 181; *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 20; *Uroff B. P.* Grigorii Karpovich Kotoshikhin, On Russia in the Reign of Alexis Mikhailovich. Ph. D. diss., University of Illinois, 1970. P. 37, 320–321 (n. 42). О царе Алексее Михайловиче и Наталье Нарышкиной (1671): РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 28. Л. 26; Д. 29. Л. 12 об.; Д. 30. Л. 12 об. – 13. О царе Федоре Алексеевиче и Агафье Грушецкой (1680): РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 32. Л. 5 об. О Марии Хлоповой, первой невесте царя Михаила Федоровича (без пяти минут невесте), которую называли царицей, см.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел [далее – СГД]: В 5 ч. М., 1813–1894. Ч. 3. № 63 (15 сентября 1623). С. 257–266 (особенно 261); *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 221. Не найдено упоминаний о соблюдении этих ритуалов во время первого бракосочетания Михаила Федоровича, но, может быть, потому, что не сохранился свадебный чин – документ, где обычно подробно описывались эти обычаи. Евфимию Всеволожскую (первую кандидатку в невесты царя Алексея Михайловича), должно быть, наградили титулом царевны перед «дисквалификацией»: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 21. Л. 5 об., 78; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 247.

²⁷² РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 24. Л. 7.

²⁷³ Там же. Д. 2. Л. 1, 2, 3 об. (княжна) и 3, 4, 4 об., 5 (великая княгиня). Листы в этом тексте расположены не по порядку. Они должны были бы располагаться так: 2, 3, 4, 5 (пропущенный лист), 1. См.: *Martin R. E.* Muscovite Royal Weddings. P. 98–102.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 5. Л. 18–42, 43–54; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов. С. 139–143.

причина в том, что женился не царь, а значит, имитация равного брака была не столь важна. И так, традиция награждать невесту титулом царевны могла сложиться только в период, когда она впервые четко обозначилась, – в 1571 году, с женитьбой царевича Ивана Ивановича (см. табл. 2.3).

Что касается датировки ритуала официального входа в Терем, то и здесь мы можем только гадать. Подтвержденные случаи проведения этого ритуала датируются XVII веком, хотя его происхождение вполне может относиться к XVI веку. Церемониал царских свадеб в Московии требовал, чтобы невеста и ее сопровождающие находились в Кремле еще до начала свадебного торжества. Согласно известным эпизодам свадеб XVI и XVII веков, невеста уже находилась в Тереме и там ждала приглашения в Золотую или Грановитую (в зависимости от свадьбы) палату, где должен был состояться пир. Каким образом невеста и ее семья входили в зал – через официальный ритуал входа или иначе, – из сохранившихся источников неясно, но сложно представить, чтобы этот вход не сопровождался специальной церемонией.

Таблица 2.3. Смена идентичности невесты

Титул «царевна»	Вход в Терем	Новое имя	
		невесты	отца невесты
(1571) Евдокия Сабурова и царевич Иван Иванович			
(1571) Марфа Собакина и Иван IV		Марфа	
(1575) Пелагея Петрова-Соловая (впоследствии инокиня Прасковья) и царевич Иван Иванович		Феодосия	
(1608) Екатерина Буйносова-Ростовская (впоследствии инокиня Елена) и Василий Шуйский		Мария	
(1616) Мария Хлопова и Михаил Романов — опала	За шесть недель до предполагаемой свадьбы; в Кремле	Настасья	
(1626) Евдокия Стрешнева и Михаил Романов	За три дня до свадьбы		
(1647) Евфимия Всеволожская и Алексей Михайлович — опала	За три дня до свадьбы		Раф → Федор
(1648) Мария Милославская и Алексей Михайлович	За два дня до свадьбы (сначала планировали за три)		
(1671) Наталья Нарышкина и Алексей Михайлович	За день до свадьбы		
(1680) Агафья Грушецкая и Федор Алексеевич	За день до свадьбы		
			(1684) Александр → Федор Салтыков, отец Прасковьи, жены Ивана V
			(1689) Илларион → Федор Лопухин, отец Евдокии, жены Петра I

Другой ритуал, развивавшийся одновременно с традициями нового титулования и официального входа в Терем, – принятие невестой нового, царского имени. После смерти 13 ноября 1571 года (спустя всего две недели после свадьбы) третьей жены Ивана IV, Марфы Собакиной, царь просил церковных иерархов разрешить ему четвертый брак, аргументируя это тем, что дьявол, «ненавидяй добра враг, воздвиже ближних многих людей враждовати на царицу Марфу, еще в девицах сущу, точию имя царское возложено на нее, и такойе отраву злую учиниша»²⁷⁵. Мы знаем только одно ее имя – Марфа. Поэтому либо «Марфа» было ее царским именем, а имя, данное ей при рождении, нам неизвестно, либо (но все это лишь догадки) она взяла себе царским именем то, которое дали ей при рождении, взяла, возможно, с другим святым покровителем, что должно было знаменовать реальное и значимое отличие ее новой идентичности от добрачной.

Иные случаи перемены имени известны лучше. Вторая жена царевича Ивана Ивановича, Пелагея Петрова-Соловая, стала после своей свадьбы в 1575 году Феодосией. Вторая невеста

²⁷⁵ ДРВ. Ч. 13. С. 105; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц. С. 218–219; Карамзин Н. М. История. Т. 9. Прим. 379.

царя Василия Шуйского, Екатерина Буйносова-Ростовская, стала в 1608 году Марией. А первая избранница царя Михаила Федоровича, Мария Хлопова, взяла в 1616 году имя Настасья (Анастасия)²⁷⁶. Когда позже Пелагея/Феодосия Петрова-Соловая и Екатерина/Мария Буйносова-Ростовская были пострижены в монахини, им опять были даны новые имена. Наречение новым именем – неотъемлемая часть посвящения в монашество, новое имя символизировало и новую идентичность (в нашем случае означая очередную трансформацию – теперь из царицы в монахиню). Обычно иноческое имя начиналось на ту же букву, что и данное при крещении. Примечательно, что обе царские невесты в иночестве получили имена на ту же букву, что и данные им при крещении, а не при наречении царским именем: Пелагея/Феодосия стала Прасковьей, Екатерина/Мария – Еленой. Эти женщины дважды за свою жизнь меняли идентичность – превращаясь из дочери придворного в царицу, из царицы в инокиню. И о каждой такой смене сигнализировало новое имя (а значит, и новый святой покровитель и день именин).

В трех известных нам случаях изменение идентичности затронуло даже отцов невест: Рафа Всеволожского, отца первой невесты Алексея Михайловича, Евфимии; Александра Салтыкова, отца жены Ивана V, Прасковьи; Иллариона Лопухина, отца Евдокии, первой жены Петра I. Все они получили имя Федор при выборе их дочерей на смотрах невест²⁷⁷. Тем не менее это касалось не столько идентичности отцов, сколько идентичности дочерей. Настоящей целью при смене имени отца, скорее всего, было изменить отчество невесты и тем самым символически отдалить ее от собственного рода даже сильнее, чем это делали новый титул и новое место жительства. Забелин указал на то, что, когда невесту облекали титулом царевны и вводили в Терем, ее отношения с родственниками изменялись навсегда: «С этой минуты личность государевой невесты приобретала полное царственное значение и совсем выделялась из среды подданных и из среды своего родства, так что даже и отец ее не смел уже называть ее своею дочерью, а родственники не смели именовать ее себе родною»²⁷⁸. Если это так, то имя Федор было выбрано удачно, поскольку его значение – «Божий дар» с греческого – легко могло наделять родовым происхождением царевну с отчеством Федоровна²⁷⁹.

Судя по сохранившимся источникам, выбор победительницы на смотре невест, ее официальный вход в Терем, дарование ей нового титула и иногда нового имени – все это происходило чрезвычайно быстро, буквально в течение нескольких дней до свадьбы. Не больше

²⁷⁶ О Пелагее/Феодосии Петровой-Соловой см.: Материалы по истории СССР / Отв. сост. Л. Н. Пушкирев. М., 1955. Т. 2: Документы по истории XV–XVII вв. С. 165, прим. 98 (Пискаревский летописец / Под ред. О. А. Яковлевой). О Екатерине/Марии Буйносовой-Ростовской см.: Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / Под ред. С. А. Белокурова. М., 1907. С. 249. О Марии/Настасье Хлоповой см.: ПСРЛ. Т. 5. С. 65 (особенно Прибавления к Псковской 2-й летописи; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией [далее – АИ]: В 5 т. СПб., 1841–1842. Т. 3. № 91 (30 декабря 1620 года). С. 89–90; СГГД. Ч. 3. № 63 (С. 261). Забелин считал, что новые имена могли быть средством для дополнительной связи новых родственников с династией. Он пишет о Хлоповой: «... нарекли ее царицею, а имя ей дали Настасья, очень вероятно – в память царской бабки Анастасии Романовны, первой супруги Грозного» (*Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 221). В одном популярном источнике говорится, что первая жена Петра I в свое время, возможно, тоже сменила имя – с Прасковьи на Евдокию. См.: *Гребельский П. Х., Мирвис А. Б.* Дом Романовых. Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках. СПб., 1992. С. 123. Фуа де ла Невилль называл Лопухину «Марфия» или «Марфа». См.: *Невилль, Фуа де ла.* Записки о Московии. С. 154.

²⁷⁷ Всеволожского называли и Рафом, и Федором. О нем как о Рафе см.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 21. Л. 1; Д. 22. Л. 66; АИ. Т. 4. Д. 59. С. 165–166; СГГД. Ч. 3. № 155. О нем же как о Федоре: [*Фербер.*] Письма одного шведа из Москвы. С. 152; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 245–249. Об Александре Салтыкове см.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 3. Л. 37; *Семевский М. И.* Царица Прасковья. 1664–1723. Очерк из русской истории XVIII в. СПб., 1883. С. 11 (Семевский полагал, что это имя было выбрано в честь недавно умершего царя Федора III). Об Илларионе Лопухине см.: Русский биографический словарь [далее – РБС]: В 25 т. / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1896–1918. Т. 10. С. 692.

²⁷⁸ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. С. 216 (а также 221, 243, 245).

²⁷⁹ Федор, как и Анастасия, – имя династии Романовых. Основатель рода (Федор Кошка) и отец первого царя Романова (Федор Никитич/патриарх Филарет) оба носили это имя. Новое отчество давалось иностранным невестам российских правителей и в XVIII, и в XIX веках: вторая жена Павла I, жены Николая I, Александра III, Николая II стали Федоровнами, а Екатерина I, Екатерина II Великая, первая жена Павла I и жена Александра I – Алексеевнами. Жена Александра II взяла отчество Александровна. Император Петр III, сын Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, был назван Петром Федоровичем. См.: *Wortman R. S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. P. 57–58.

месяца отделяло выбор невесты князем Андреем Старицким в январе 1533 года от его свадьбы 2 февраля. Согласно источникам, региональные смотры невест для первой женитьбы Ивана IV начались в декабре 1546 года, окончательный выбор был сделан в конце января 1547 года. Свадьба состоялась 3 февраля. Поиски невесты для брата Ивана IV, Юрия Васильевича, имели место в октябре 1547 года, а свадьбу сыграли 3 ноября. Двоюродный брат Ивана IV Владимир Старицкий выбрал невесту 24 мая 1549 года, а свадьба была через неделю – 31 мая.

Головокружительная скорость, с которой только что избранная невеста превращалась в законную супругу, отличала и женитьбы XVII века. Вторая невеста Михаила Романова, Евдокия Стрешнева, оказалась в Тереме за три дня до свадьбы. Тот же трехдневный интервал мы обнаруживаем и в документах о несостоявшейся женитьбе царя Алексея Михайловича на Евфимии Всеволожской в 1647 году²⁸⁰. С этого момента и далее интервал сокращался. Черновые записи о женитьбе царя Алексея на Марии Милославской в 1648 году сообщают, что изначально планировалось поместить невесту в Терем за три дня до свадьбы, но в более поздних черновиках говорится о ее входе в Терем за два дня до знаменательного события²⁸¹. Наталья Нарышкина, вторая жена царя Алексея, и Агафья Грушецкая, первая супруга царя Федора, были введены в Терем и награждены титулом царевен всего за день до свадьбы²⁸². Это лишь предположение, но сокращение времени от смотра до свадьбы, вероятно, было реакцией на заговоры, которые стали в XVII веке обычным делом (см. главу 5). Чем меньше времени невеста находилась в Тереме, тем в меньшей досягаемости была для заговорщиков. Но, независимо от протяженности интервала, цель ритуалов вокруг идентичности невесты ясна – все они должны были изменить ее идентичность, превратив кандидатку-парвеню в царевну.

Нам остается обозначить место смотра невест в широком политическом контексте. Что наш анализ документации, относящейся к смотрам невест, говорит о природе политической системы Московии и пределах монархической власти? Как ритуал смотра невест отражал неартикулируемые правила «политических игр» при московском дворе?

Вопреки точке зрения Забелина, смотры невест не подтверждают неограниченную и «всероссийскую» природу монархической власти, а, напротив, лучше, чем многие иные события, обнажают «фасад самодержавия». По всей видимости, «трюк» с выбором невесты основывался на тщательном подборе списка кандидаток, из которых царь выбирал невесту. Если бояре и придворные, ответственные за процесс, выполняли свою «домашнюю работу» (а сохранившиеся данные об обстоятельных беседах и генеалогических разысканиях говорят о том, что обычно они ее выполняли), то, царь, вероятно, мог свободно выбирать из списка девушек, исходя из своих предпочтений. Любой выбор из этого хорошо продуманного списка заранее удовлетворял большинство представителей боярской аристократии.

То, что царь выбирал невесту из тщательно отобранных специально для него кандидаток, а не из всех подходящих девушек государства; что у претенденток были сходное происхождение и сходный социальный уровень; что при составлении списка невест родство играло не менее значимую роль, чем здоровье и приятная внешность, – все это требует скорректировать точку зрения на монархическую власть в Московии. Как обозначил это Честер Данинг, «бояре и князья, наравне с церковью, превозносили великого князя Московского как государя и самодержца, но реальная политическая система, которую они создали, во всяком случае в своем истоке, была гораздо более коллегиальной и олигархической, чем они это признавали перед иностранцами и даже перед российскими подданными вне высокого придворного круга»²⁸³. Данный тезис, безусловно, подтверждается исследованиями канцелярской

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 21. Л. 5, 78.

²⁸¹ Ранние черновики см.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 21. Л. 78; Д. 23. Л. 46. Более поздние версии см.: Там же. Д. 24. Л. 7; Д. 23. Л. 78; ДРВ. Ч. 13. С. 181.

²⁸² О Нарышкиной см.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 30. Л. 12 об. – 13. О Грушецкой: Там же. Д. 21. Л. 1.

²⁸³ *Dunning Ch. S. L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University*

документации, посвященной смотрам невест. Монархическая власть в Московии должна рассматриваться в контексте существования боярской олигархии, игравшей первостепенную роль в отборе царских невест. И происходило это не через посягательство на прерогативы самодержца и не через оспаривание монархической власти, а скорее в результате консенсуса и сотрудничества в рамках единого политического порядка, где большинство игроков уже приходились друг другу родней. Таким образом, Забелин был в некотором смысле прав, по крайней мере наполовину: смотр невест был способом транслировать образ самодержавного всероссийского царя – хотя этот образ и мало соответствовал тому, что в действительности происходило во время смотров невест и какова была настоящая природа монархической власти в России.

Остается еще много вопросов о том, как проходили и менялись на протяжении XVI и XVII столетий смотры невест. Но сохранившиеся источники показывают, что весь этот спектакль был продолжением более масштабной, основанной на родстве политической системы в Московии. Расчеты родства занимали центральное место при подборе невесты для царя – были главной заботой советников-бояр при царственном женихе (после начального подтверждения хорошего здоровья кандидаток). Нравственность и христианское благочестие не имели значения, насколько это явствует из канцелярских бумаг, – возможно, потому, что личностные особенности оказывались второстепенными при первостепенной задаче найти жену, способную родить много наследников и не нарушить баланс между кланами при дворе. Смотр невест представлял собой холодный расчет, где предпочтения жениха отходили на второй план по сравнению с политическими целями его советников и благом династии. А следовательно, выбор невесты для царя был делом высокой политики, смертельной игрой, которая в большой степени определяла, кто будет вращаться на близких к царю орбитах, а не только кто будет делить с ним постель. По меткому выражению Эдварда Кинана, «в процессе помолвки наследника или царской дочери из Кремля доносился глухой стук падающих тел»²⁸⁴. Самое время перейти к той брачной политике, что производила этот «глухой стук».

Park, 2001. P. 33.

²⁸⁴ Keenan E. L. Muscovite Political Folkways. P. 144.

Глава 3

«ЕСЛИ ЖЕНИШЬСЯ ВТОРИЧНО, ТО БУДЕШЬ ИМЕТЬ ЗЛОЕ ЧАДО»

Смотры невест и политическая культура Московии

Аще и тако сотвориши, первую от себе отвержеши и второй совокупишися, заради того чтобы тебе было чадородие, блюдися и, паки реку, блюдися! Аще ти и воздаст человеколюбец бог чадорожения да речеши в себе: «Сей ми наследник, державы царствия нашего государь». Но не тако. За прелюбодеяние бо воздается царем чада порушение царствию их. <...> И наполнится твое царство страсти и печали, и будут в та лета убивания, и муки величеству Сарападасийских родов, и юнош нещадение, и ово на кола, а иным усечение главное и затоцы без милости, и мнози гради огнем поправи будут²⁸⁵.

Считается, что патриарх Иерусалимский Марк написал эти слова – наполовину пророчество, наполовину проклятие, – узнав о намерении Василия III после двадцати лет брака отослать в монастырь Соломонию, свою бездетную жену, победительницу первого смотра невест, и жениться вторично в надежде родить наследника. По версии, приведенной Н. М. Карамзиным, это пророчество звучит более кратко: «Если женишься вторично, то будешь иметь злое чадо»²⁸⁶.

Это резкое порицание решения Василия III жениться повторно, взятое из «Выписи» о его втором браке, – лишь одно из многих подобных обвинений, выдвигавшихся патриархами и игуменами по всему Православному Востоку и включенных в ее текст²⁸⁷. Это «злое деяние», как предостерегала церковь, вернется, чтобы преследовать великого князя и всю Московию. Наступит чуть ли не апокалипсис, поскольку преступления в постели великого князя приобретают космическое значение. Фактически же эти ужасные предсказания осуществит, говорилось в пророчестве, тот самый ребенок, который родится в этом противозаконном браке.

«Выпись» привлекала внимание многих известных медиевистов, как историков, так и лингвистов, но даже сейчас остаются серьезные расхождения в ее датировке. Если все согласны, что начальный текст был составлен много позже описываемых событий (по словам А. А. Зимина, «в этом памятнике содержится причудливая смесь достоверных фактов и совершенно ошибочных данных»²⁸⁸), то варианты точной датировки текста сильно разнятся: первые годы правления Ивана IV (М. Н. Тихомиров и С. О. Шмидт), вторая половина его правления (С. А. Белокуров, Е. Е. Голубинский, Н. А. Казакова), конец XVI – начало XVII века (тот же Зимин и М. Д. Каган)²⁸⁹

²⁸⁵ Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // Труды отдела древнерусской литературы [далее – ТОДРЛ] / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1976. Т. 30. С. 144 (л. 95 – 95 об.). В «Выписи» содержатся странные слова и фразы, оставшиеся нерасшифрованными. См.: Шмидт С. О. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 114. См. также: Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю, Василию Ивановичу, о сочтании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради. Творение Паисеино, старца Ферапонтова монастыря / [Под ред. О. М. Бодянского] // ЧОИДР. 1847. № 8. Раздел IV («Смесь»). С. 1–8.

²⁸⁶ Карамзин Н. М. История. Т. 7. Прим. 277.

²⁸⁷ Отырвок из этой «Выписи», как считается, принадлежит патриарху Марку III, который был патриархом очень краткое время в 1503 году – задолго до женитьбы Василия III на Соломонии.

²⁸⁸ Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III. С. 135.

²⁸⁹ О датировании «Выписи» о втором браке Василия III см.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 82; *Он же*. Страница из жизни Ивана Пересветова // Тихомиров М. Н. Российское госу-

---

дарство XV–XVII веков. М., 1973. С. 73; *Он же*. К вопросу о Выписи о втором браке Василия III // Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 91–94; *Шмидт С. О.* О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III; *Он же*. К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь: Сб. ст. к 60-летию акад. Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 366–374; *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Приложения. С. L–LXV; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви: В 2 т. М., 1880–1911. Т. 2. Ч. 1. С. 732–733; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 68–71; *Она же*. Очерки по истории русской общественной мысли: первая треть XVI века. Л., 1970. С. 117–118, 182; *Она же*. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. М., 1968. Т. XXVIII. С. 113; *Зимин А. А.* Выпись о втором браке Василия III; *Каган М. Д.* Повесть о втором браке Василия III // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 232. В современном исследовании этого текста анализируется его связь с другими сочинениями, написанными в Псковском Снетогорском (или ином близлежащем) монастыре игуменом Корнилием или под его руководством, и предлагается датировать протограф периодом между 1565 и 1570 годами. См.: *Солодкин Я. Г.* К датировке «Выписи» о втором браке Василия III // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 59–63.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.